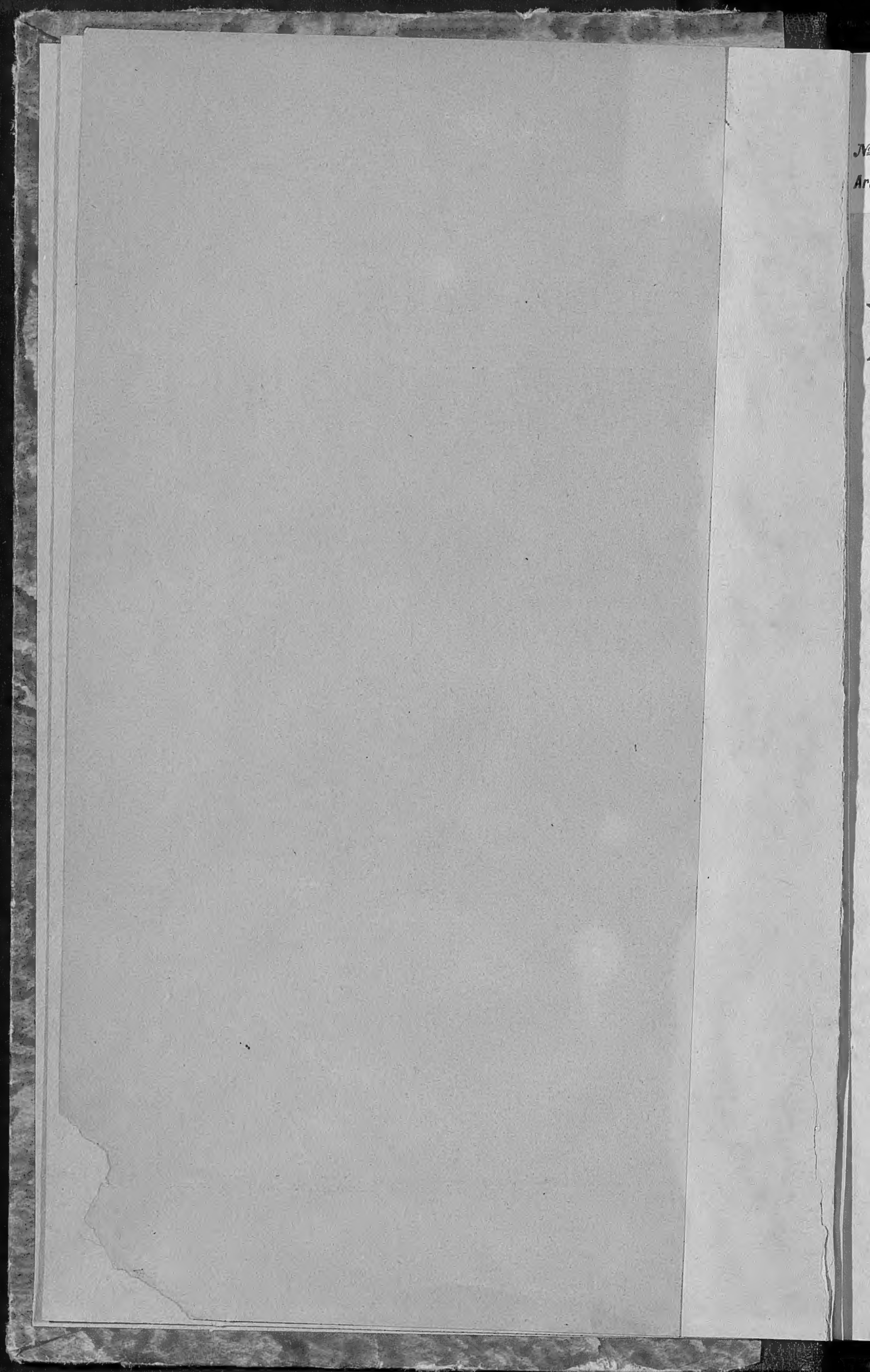
ПЕРВЫЯ ВРЕМЕНА ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОССІИ

ПО ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОМУ СОДЕРЖАНІЮ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

ПРОФЕССОРА
Н. Я. Аристова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Б. Садовая, 9.
1888.

ПЕРВЫЯ ВРЕМЕНА
ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОССІИ

ПО

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОМУ

СОДЕРЖАНІЮ

РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

„Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей; иже бо книги часто чтетъ, то бесѣдуетъ съ Богомъ или святыми мужы."

Лѣтоп. Несторъ.

ПРОФЕССОРА
Н. Я. Аристова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. К. Симанскаго.
1888.

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Мая 28 дня 1888 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Большая Садовая, № 9.

Вмѣсто предисловія.

15-го іюля текущаго года, т. е. въ день памяти св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра, нареченнаго во св. крещеніи Василіемъ *), русскимъ народомъ будетъ праздноваться 900-лѣтіе со времени *всеобщаго* введенія этимъ княземъ въ Россіи христіанской вѣры, что̀, какъ доказываютъ наши историки, совершилось въ 988-мъ году. Самое крещеніе своего народа было произведено св. Владиміромъ въ городѣ Кіевѣ, на рѣкѣ Днѣпрѣ, при торжественной обстановкѣ: св. князь, въ сопровожденіи разряженныхъ бояръ, вельможъ и собора греческихъ священниковъ, явился туда къ моменту совершенія великаго обряда самъ лично, приказавъ заблаговременно уничтожить всѣхъ идоловъ и кумировъ, которые были разставлены на многихъ площадяхъ города.

Хотя съ вѣрой христіанской, согласно преданіямъ, Россія (Скиѳы) познакомилась, черезъ св. Андрея Первозваннаго, и вскорѣ по вознесеніи Христа на небо, т. е. еще въ первомъ полустолѣтіи по Р. Хр., но, не смотря на это, она втеченіи слишкомъ 8-ми столѣтій находилась

---

*) Скончался св. Владиміръ въ 1015 г. по Р. Хр.; мощи его находятся въ Кіево-Печерской Великой церкви, въ придѣлѣ Архангела Михаила.

вся въ языческомъ состояніи! За сто же съ небольшимъ лѣтъ до всеобщаго крещенія Руси, христіанская вѣра стала проникать въ русское общество ужъ все больше и больше: изъ грамат Константинопольскихъ патріарховъ (Фотій и др.) можно усмотрѣть, что въ 866 и послѣдующихъ годахъ многіе изъ русскихъ людей исповѣдывали ученіе Христа; Россійская княгиня св. Ольга (во крещеніи—Елена) крестилась въ Царь-градѣ за 30 съ небольшимъ лѣтъ до крещенія св. Владиміра.

Въ виду предстоящаго празднованія 900-лѣтія этого великаго событія въ Россіи, для многихъ, надо думать, не безъинтересно будетъ ознакомиться какъ съ нравственнымъ и религіознымъ состояніемъ Россіи того времени, такъ и съ неподготовкой тогдашняго русскаго общества къ пониманію великихъ идей Христа. Въ предлагаемой книгѣ, заключающей въ себѣ три различныхъ статьи Н. Я. Аристова, набросана полная картина борьбы молодой христіанской русской вѣры съ отживавшей и глубоко-укоренившейся языческой; первая вводилась, въ большинствѣ случаевъ, силой, а не убѣжденіемъ, что̀ и затрудняло долгое время ея распространеніе. Понятно, что тогдашніе молодые христіане были таковыми по большей части только по внѣшности, такъ какъ до истиннаго пониманія и исповѣданія ученія Христа и теперь, спустя 900 лѣтъ послѣ крещенія Руси, дошли очень и очень немногіе! Но... „Вѣрное и точное изученіе исторической жизни—справедливо говоритъ г. Аристовъ въ началѣ первой своей статьи—даетъ самое лучшее средство для пониманія ея въ настоящую пору“...

Выпуская нынѣ эти три статьи г. Аристова отдѣльной книгой, подъ однимъ названіемъ, я старался, однако, сохранить какъ полный подлинникъ каждой изъ статей,

такъ и встрѣтившіяся въ нихъ особенности правописанія, ибо, какъ мнѣ извѣстно, самимъ профессоромъ хотя и было приступлено къ исправленію, сведенію и обработкѣ множества своихъ разнообразныхъ статей, въ томъ числѣ и этихъ трехъ, но все это осталось, къ сожалѣнію, неоконченнымъ имъ.

В. Симанскій.

С.-Петербургъ.
11 Іюня 1888 года.

ВЗГЛЯДЪ

НА ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНІЕ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

I.

ВЗГЛЯДЪ

на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей.

Вѣрное и точное изученіе прежней исторической жизни даетъ самое лучшее средство для пониманія ея въ настоящую пору. Мы ограничиваемся теперь разъясненіемъ лѣтописныхъ фактовъ, а выводы пусть дѣлаетъ самъ читатель и сравниваетъ древнюю религіозную жизнь съ современной, въ различныхъ отношеніяхъ.

Христіанство застало нашихъ предковъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ младенецъ лежалъ славянинъ-язычникъ на лонѣ природы и не могъ оторваться отъ ея груди, отъ ея власти. Всѣ его вѣрованія ограничивались грубымъ обожаніемъ силъ и явленій видимаго міра. Миѳологія его была бѣдна и не развита. Подъ вліяніемъ язычества, почти не были установлены у славянъ и первыя условія общественнаго быта. Князь почти не соединенъ былъ съ подданными властью; существовалъ обычай мести; однимъ словомъ—не сложился еще опредѣленный характеръ жизни. Находясь въ первой порѣ

духовнаго развитія, русскій человѣкъ ничего не могъ противопоставить сильнаго, зрѣлаго новой возвышенной религіи: его чувственное оружіе было такъ слабо, въ сравненіи съ этой непобѣдимой духовной силой, что онъ сдался послѣ краткой борьбы. Вѣра Христіанская, согласная съ мирнымъ характеромъ русскаго народа, быстро принята была и сдѣлала поворотъ въ умственной и нравственной его жизни. Но не одинъ истинный свѣтъ Богопознанія и Богопочтенія она внесла въ темную жизнь нашихъ предковъ: принятая на родномъ языкѣ, безконечно-превышающая всѣ современныя ей начала народной жизни, Вѣра Христова сдѣлалась главнымъ началомъ, одушевляющимъ всѣ отрасли жизни русскаго человѣка. Она условливала собою другой лучшій гражданскій бытъ, отличный отъ быта языческаго, и отвѣчала стремленію нашихъ предковъ къ опредѣленію порядка и устройству внутренняго быта. Старыя гражданскія отношенія потеряли свое значеніе и, отдѣльно взятыя, не имѣли уже самостоятельной опоры; но вѣра православная, не подавляя народности, дала старымъ началамъ новый смыслъ и силу. Вмѣстѣ съ вѣрою, перешли въ наше отечество изъ Византіи гражданскіе и общественные законы и стали мало по малу проникать въ составъ государства. Кормчею руководилась свѣтская власть въ судныхъ приговорахъ. Церковь русская имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на преобразованіе всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Далеко развитое, во всѣхъ даже частныхъ отношеніяхъ, Христіанство принесло готовыя правила на всѣ частные случаи, прямые отвѣты на всѣ запросы, прежде ихъ возникновенія и ощущенія, и постепенно стала проводить ихъ въ глубину частнаго и семейнаго быта. Такимъ образомъ, Вѣра Христова подчинила своему вліянію и водительству всякое духовное развитіе русскаго

человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, своимъ освященіемъ дала силу всѣмъ стихіямъ народной жизни и сдѣлалась основою народнаго взгляда и характера.

При такомъ преобладающемъ господствѣ начала Христіанства, такъ сказать, поглотившемъ всѣ другія юныя и безсильныя начала народной мысли и жизни,—вся почти древняя русская письменность, какъ выраженіе народной жизни, носитъ на себѣ печать характера церковнаго. Посланія и сочиненія свѣтскихъ лицъ исполнены текста Св. Писанія и выражаютъ религіозное настроеніе. Самыя повѣсти, былины и сказки, созданныя фантазіей русскаго народа, отражаютъ въ себѣ слѣды религіознаго взгляда и дѣйствительности. Въ лѣтописяхъ, которыя служатъ довольно полнымъ выраженіемъ ума и чувства народнаго, церковно-историческій элементъ стоитъ на ряду съ гражданскимъ, выступаетъ какъ господствующій, самостоятельный фактъ древней жизни и литературы, и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Часто эти два элемента такъ слиты между собою, такъ проникаются одинъ другимъ, что нѣтъ почти возможности провести между ними строгой черты. Разсказываетъ ли лѣтописецъ о судьбѣ Церкви и Вѣры въ Россіи,—у него въ составъ повѣствованія, по необходимой связи, входятъ извѣстія о состояніи гражданской дѣятельности, говорится о содѣйствіи гражданской власти въ дѣлахъ внутренняго управленія, въ устройствѣ порядка и благосостоянія Церкви, о мѣрахъ къ распространенію Христіанства, противодѣйствію и искорененію отживающей языческой старины и пороковъ духовенства и народа, о заботахъ—дать благолѣпіе Христіанскому Богослуженію, избрать достойныхъ пастырей Церкви и проч. Изображаетъ ли составитель лѣтописи событія чисто-гражданскія,—онъ показываетъ степень участія Церкви въ дѣлахъ государства, описываетъ, напримѣръ, какъ она освящала своимъ

благословеніемъ начало и конецъ всякаго государственнаго дѣла внутренняго и внѣшняго, какъ помогала общественнымъ предпріятіямъ, какъ вводила благочестивые обычаи въ гражданскій бытъ. Изъ этихъ отрывочныхъ извѣстій, ясно видно, что, во время безнарядія общественнаго, св. Вѣра была блюстительницею порядка; въ дни кровавыхъ княжескихъ междоусобій, при внѣшнемъ разстройствѣ и раздробленности государства, сохранила его внутреннюю цѣлость и единство; въ годину тяжелаго рабства соблюла неприкосновенными коренныя народныя свойства и содѣйствовала отрадному освобожденію отъ зависимости варваровъ.

Очень скудныя свѣдѣнія сообщаютъ лѣтописцы о частномъ и семейномъ бытѣ; но гдѣ коснутся его — и тамъ встрѣчаются описанія явленій, составляющихъ предметъ церковной исторіи. Они повѣствуютъ, какъ Церковь, отъ колыбели до могилы, наблюдала за чистотою мысли, чувства и народныхъ внѣшнихъ обычаевъ, какъ руководила въ домашнихъ отношеніяхъ членовъ семейства, какъ, съ своей стороны, русскій человѣкъ постепенно подчинялся формамъ церковной жизни, какъ сознанія покаянія не оставляло его въ самомъ паденіи, какъ Вѣра служила для него единственною отрадою въ горестныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ. Излагаетъ ли лѣтописецъ извѣстія о необыкновенныхъ явленіяхъ природы и народныхъ бѣдствіяхъ,—въ его разсказѣ упоминается о вліяніи этихъ событій на нравственное состояніе общества и о духовныхъ средствахъ, которыми старались отстранить ихъ дѣйствіе наши предки. Передаетъ ли разговоры свѣтскихъ лицъ, въ ихъ словахъ слышатся то изреченія Св. Писанія, то молитвы, то нравственныя наставленія и выраженія.

Какъ въ самой дѣйствительности, такъ въ представленіи и изложеніи лѣтописца, сливались дѣйствія Церкви

и отечества, и, по обилію церковно-историческаго содержанія и благочестиваго воззрѣнія, нельзя съ точностью опредѣлить — духовный или свѣтской былъ писатель извѣстной лѣтописи. Поэтому лѣтописный матеріалъ составляетъ такое же достояніе гражданской исторіи, какое и церковной.

Церковно-историческое содержаніе лѣтописей отличается преимущественно внѣшнимъ направленіемъ и характеромъ. Это явленіе зависитъ отъ направленія и характера церковной жизни русскаго народа. Въ теченіе всей древней русской исторіи, Вѣра и благочестіе нашихъ предковъ отличались почти исключительно направленіемъ церковно-обрядовымъ, Богослужебнымъ. Съ одной стороны это и естественно. Нельзя требовать отъ юноши, едва начавшаго духовную жизнь, глубокаго знанія и опытности старца. Славянинъ-язычникъ жилъ внѣшнею, непосредственною жизнію природы и на все смотрѣлъ сквозь ея формы и свойства. Божествамъ своимъ онъ приписывалъ тотъ же видъ, свойства и дѣйствія, какія природѣ и человѣку, только, конечно, въ большихъ размѣрахъ. Этимъ понятіемъ о Богахъ опредѣлялся характеръ и славянскаго Богослуженія. Чувственная обрядность замѣняла славянину-язычнику его нравственныя обязанности. Безъ сомнѣнія, онъ не въ состояніи былъ, по принятіи Христіанства, тотчасъ отрѣшиться и отъ самаго язычества и отъ прежняго пониманія Вѣры и вдругъ довести до сознанія возвышенное Евангельское ученіе, проникнуть въ глубину мудрости Христовой Вѣры, назначеніе которой—возрождать умъ и волю, и всю природу человѣка. Когда раскрыли предъ нимъ сокровища Христіанства, онъ съ дѣтскимъ изумленіемъ и простотою схватился за то, что было нагляднѣе и бросалось въ глаза по своей рѣзкости, красотѣ, новости и увлекательности,—остановилъ свое вниманіе на блестящемъ и

поразительномъ чинѣ церковнаго Богослуженія. Христіанство мало по малу стало отрывать человѣка отъ непосредственной и матеріальной зависимости отъ природы, подчинять его чувственную натуру духовиымъ началамъ и увлекать духъ въ область безконечнаго; но человѣкъ обращался съ новыми истинами подъ вліяніемъ тѣхъ чувствъ и въ формѣ тѣхъ представленій, какія выработалъ при первобытномъ вѣрованіи. А до пониманія отвлеченныхъ христіанскихъ истинъ сознательно — долго нужно было рости русскому человѣку.

Съ другой стороны единственнымъ образцомъ для христіанской жизни Россіи была Византія, которая въ VIII и IX вѣкахъ оканчивала свое назначеніе—развить догматизмъ Христіанства; образованіе ея въ эту пору было очень слабо и безплодно для жизни. Не понимая образованія безъ нагляднаго приложенія къ жизни, русскій народъ не усвоилъ современной науки Греціи, которая отличалась туманной отвлеченностію и софистическимъ многословіемъ. Около двухъ вѣковъ раздирали византійскую Церковь жаркіе споры о почитаніи иконъ и другихъ предметовъ обрядоваго Богослуженія. Какъ фактъ, иконоборство уже служитъ выраженіемъ господствующаго направленія времени. Эта борьба, въ которой главное участіе принимали Императоры, тогда какъ варвары грозили государству мечемъ, истощила послѣднія силы Имперіи и потрясла окончательно ея политическую и нравственную жизнь. Конецъ спорамъ положенъ былъ при Василіѣ Македонянинѣ, томъ самомъ Императорѣ, который въ окрестностяхъ Константинополя построилъ до 100 церквей. Благочестивая ревность въ борьбѣ съ иконоборцами, развивши до крайности въ Грекахъ уваженіе къ Богослуженію, утвердила направленіе обрядовое. Это направленіе пришлось по душѣ и степени пріемлемости русскому человѣку

и отразилось въ древней церковной его жизни. Продолжительное руководство Византійскихъ іерарховъ и немалое вліяніе пастырей родственной, по племени, характеру и направленію, Болгаріи, принявшей вѣру также изъ Византіи, —поддерживали и укрѣпляли естественную любовь нашихъ предковъ въ церковно-обрядовой сторонѣ Христіанства.

Могучая и воспріимчивая природа русскаго человѣка способна была развить занесенныя къ нему изъ Греціи сѣмена христіанскаго просвѣщенія и ручалась за успѣхъ тѣмъ болѣе, что русскому человѣку особенно понравились высокія творенія Отцевъ Церкви и онъ сталъ глубоко дорожить этимъ богатствомъ и мало по малу приспособлять къ своей жизни готовыя правила вѣры и дѣятельности. Лучшіе, хотя немногіе, пастыри русскіе, еще въ первые вѣка ставшіе сами довольно высоко въ образованіи, понимали и внушали другимъ, что нужно доводить до сознанія слово Христово и его требованія. Къ несчастію, не было благопріятныхъ условій для дальнѣйшаго развитія христіанскаго просвѣщенія. Невыгодное сосѣдство и постоянная внѣшняя борьба съ дикими племенами Печенѣговъ и Половцевъ мѣшали спокойной духовной дѣятельности русскаго народа. Внутри, земля, по выраженію лѣтописи, раздиралась междоусобіями, въ которыхъ люди тратили силы и гибли не за истину, Вѣру и отечество, но часто по прихоти личнаго произвола. Къ довершенію бѣдствія, на Россію налѣтѣла, какъ туча саранчи, толпа Татаръ и уничтожила всякую возможность развитія просвѣщенія. Мертвая формальность татарской жизни не могла не коснуться невыгодно русскаго народа. Если же духъ Монгольскихъ обычаевъ и нравовъ не имѣлъ слишкомъ большаго вліянія на русскую жизнь, то все-таки два вѣка

тяжелаго рабства стерли зародившееся образованіе въ Россіи. Въ это темное время погасли проблески христіанскаго просвѣщенія, но не замолкъ безъискуственный отголосокъ пробужденнаго высокаго чувства народности. Возбужденное несчастіемъ, оно сильнѣе и ярче загорѣлось въ груди русскаго человѣка. Въ вѣка испытанія единственною отрадою для него былъ храмъ Божій и священные обряды церкви, въ которыхъ онъ находилъ утѣшеніе въ своемъ тяжеломъ горѣ и почерпалъ терпѣніе для новыхъ трудовъ и бѣдствій и надежду на лучшую будущность.

При такихъ обстоятельствахъ, Св. Вѣра, подчинившая всѣ отрасли жизни нашихъ предковъ своему вліянію, осталась надолго младенческою, направленною къ внѣшности. Принятая силою чувства, она питала и развивала въ русскомъ народѣ это христіанское чувство возвышеннымъ чиномъ Богослуженія; чувство открывало его простосердечной Вѣрѣ возможную для его пріемлемости высоту спасительныхъ истинъ, въ самыхъ общихъ чертахъ; чувствомъ руководились они въ нравственной дѣятельности и выражали его преимущественно во внѣшнемъ Богопочтеніи, въ обузданіи чувственныхъ страстей и во внѣшнихъ дѣлахъ любви и милосердія христіанскаго; а духовное просвѣщеніе оставалось въ зародышѣ. Не одни младенчествующіе послы св. Владиміра увидѣли во храмѣ Софіи небо на землѣ; благочестивые русскіе путешественники ко св. мѣстамъ, до XVI столѣтія, почти исключительно обращали вниманіе на благолѣпіе церковное и обрядовое богослуженіе.

Изображая церковную жизнь во внѣйшней ея дѣйствительности, вѣрные сами господствующему въ народѣ направленію, и лѣтописцы болѣе всего занимаются описаніемъ церковно-обрядовой, внѣшней стороны христіанской жизни.

Самыя богатыя, подробныя и разнообразныя свѣдѣнія сообщаютъ они о св. храмахъ. Постоянно передаютъ, кому пришла благочестивая мысль создать домъ Божій и по какому случаю, когда онъ заложенъ, оконченъ, обновленъ, или освященъ, гдѣ и во имя какого святаго его поставили; часто говорятъ, сколько времени стоялъ извѣстный храмъ, какіе мастера трудились надъ его созиданіемъ и изъ какого матеріала его дѣлали, при комъ совершилось это дѣло и какія обстоятельства сопровождали и проч. Чрезвычайно много говорятъ лѣтописцы о различныхъ поправкахъ, улучшеніяхъ и украшеніяхъ храмовъ. Всѣ предметы, начинанія отъ основанія до креста, относящіеся къ наружному виду, занимаютъ сильно ихъ. Извѣстія этого рода представляются въ слѣдующихъ чертахъ: подмуровали стѣну каменную подъ церковію, новою оградою обнесли, кирпичемъ обложили, известью извнѣ около обмазали, придѣлали верхъ, покрыли новымъ тесомъ, желѣзомъ, свинцомъ или оловомъ; около церкви устроили со всѣхъ сторонъ каменныя паперти съ великими красными окнами, позлатили крышу, исписали честно притворы, двери пробили на сѣверную страну, оконъ прибавили свѣтлости ради, двери мѣдныя золоченыя устроили у притвора церковнаго, поставили каменную или деревянную колокольню, полили, привезли и повѣсили колокола, часы звонящіи устроили на церкви, поставили на главѣ новый крестъ, позолотили крестъ и яблоко и т. п. И здѣсь не обходится безъ значительныхъ подробностей. Псковичи наняли мастеровъ Ѳедора и дружину его побивать церковь св. Троицы свинцемъ, новыми досками, и не нашли Псковичи такого мастера ни въ Псковѣ, ни въ Новгородѣ, который бы слилъ свинчатыя доски, а къ нѣмцамъ посылали въ Юрьевъ, и поганые не дали мастера; и пріѣхалъ мастеръ съ Москвы отъ Фотія митрополита и научилъ

Ѳедора мастера св. Троицы, а самъ уѣхалъ въ Москву; и такъ до году побита была церковь св. Троицы мѣсяца Августа во 2-й день, и дали мастерамъ 44 руб. *). Особенно до мельчайшихъ подробностей, съ сильною любовію, радостію и одушевленіемъ, изображають лѣтописцы все, что касается до внутренняго благолѣпія храма. И не достаетъ у нихъ выраженій для передачи своего удивленія, при описаніи благолѣпія тѣхъ храмовъ, которые отличались особенною красотою и считались чудомъ своего времени. Благовѣрный и Христолюбивый князь Андрей уподобился царю Соломону, яко домъ Господу Богу и Церковь преславну Св. Богородица Рождества, посредѣ города, каменну созда въ Боголюбыхъ, и удиви ю паче всихъ церквій, подобна тогъ святая святыхъ, юже бѣ Соломонъ Царь премудрый создалъ. Тако и сій благовѣрный князь Андрей створи Церковь сію въ память собѣ и у краси ю иконами многоцѣньными, златомъ и каменьемъ драгымъ и жемчюгомъ великымъ безцѣньнымъ, и устрои ю различными цятами и аспидными цятами украси, и всякими узорочьи удиви ю, свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкви бяше золота; и украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣньными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видѣвше ю не могутъ сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финиптомъ и всякою добродѣтелью и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякими сосуды церковными и Ерусалимъ златъ, съ каменьи драгыми, и рѣпидіи многоцѣньными, каныдѣлы различными, изъ дну церкви отъ верха и до долу, и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бяшеть

---

*) Въ Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. II Псков. стр. 23.

же и сѣнь златомъ украшена отъ верха и до Деисуса, и всею добродѣтелью церковьною исполнена, изъмечтана всею хитростью *) и т. д. Сильное впечатлѣніе производило на лѣтописцевъ созерцаніе храма, и, конечно, они сообщали эти подробности въ полной увѣренности, что ихъ смиренныя разсказы встрѣтятъ сильное сочувствіе въ современникахъ. Дѣйствительно, лѣтописныя изображенія, мелочныя, излишнія и утомительныя для читателя настоящаго времени, въ древнюю пору не могли не нравиться, не могли не возбуждать живаго участія, начиная отъ Князя до простолюдина, отъ Митрополита до простаго клирика.

Храмъ являлся въ воззрѣніи нашихъ предковъ, какъ живое лице, исполненное благодати духа. Вліянію храма приписывали часто побѣду надъ врагомъ; ему предоставляли выборъ іерарховъ по жребію и такой выборъ считался священнымъ и угоднымъ Ему и проч. Самый матеріалъ зданія церковнаго, мѣста, на которыхъ устроялись храмы и всѣ принадлежности ихъ считались неприкосновенною святынею. Что говорилось въ греческихъ сочиненіяхъ о церкви, какъ объ обществѣ христіанъ, наши предки относили къ храму, даже самыя слова символа: во едину св. соборную и апостольскую церковь. „Церковь бо земное небо, говорили они. Та есть на земли Богомъ создана въ жилище св. Духа и на просвѣщеніе всего міра, еже молитвѣ домъ наречется, въ ней же есть оправданіе и очищеніе и радость и отпущеніе грѣховъ многихъ“ **). Кромѣ этого общаго священнаго значенія, храмъ имѣлъ въ древности особенное значеніе. При

*) Ипат. 111—112, 222—223.
**) Акт. Истор. I, № 82.

отсутствіи способовъ просвѣщенія, храмъ съ своимъ многознаменательнымъ богослуженіемъ и изяществомъ былъ почти единственнымъ училищемъ истины и добра для нашихъ предковъ. Въ храмѣ они могли слышать ученіе вѣры и нравственности, въ чтеніи, пѣніи и живомъ словѣ пастырей, на понятномъ языкѣ; тамъ знакомились съ исторіею христіанства даже по священнымъ изображеніямъ. Красота церкви и богослуженія имѣла неотразимую прелесть для нихъ. Князь и народъ жаждали торжественной службы; „изъ окрестностей стекались смотрѣть на замѣчательныя церкви, и всякій возрастъ дивился; не токмо простцы, но и Государь Самодержецъ, святѣйшій митрополитъ, преосвящ. архіепископъ и епископы и князья и сановники видяще превеликое созданіе церкви и многочудную подпись во истину мнящеся, яко на небеси стояти“ *). Такъ наши предки получали христіанское образованіе и назиданіе, питались духомъ Христовой Церкви во внѣшнемъ его облаченіи. Въ каждой части храма, внутренней и внѣшней, непосредственнымъ чувствомъ созерцали и читали высокій смыслъ христіанства. Повелѣвая родителямъ посылать дѣтей во храмъ, христіанство этимъ дѣлало уже обязательнымъ нравственное воспитаніе молодаго поколѣнія. Конечно это воспитаніе было безотчетно, какъ основанное на чувствѣ, но все-таки храмъ, своимъ общимъ впечатлѣніемъ, возвышалъ духъ.

Въ русскомъ обществѣ, совершенно проникнутомъ началами Вѣры, храмъ имѣлъ большое значеніе и въ гражданскомъ и въ житейскомъ быту. Во время преобладанія грубой силы и страстей юношескихъ, которыя неудержимо стремятся наружу и требуютъ немедленнаго удовлетворенія,—храмъ представлялъ спасительное убѣжище отъ буй-

---

*) Лаврент., 173.

ной толпы мятежниковъ*). При нападенiи внѣшнихъ враговъ въ храмъ шли защищаться и въ случаѣ невозможности—считали счастiемъ принять тамъ смерть отъ руки невѣрныхъ. Туда сносили имущество во время пожаровъ, въ надеждѣ защитить его крѣпкою постройкой отъ огня и обезпечить святыней мѣста отъ грабителей. При неустройствѣ законнаго порядка въ обществѣ и незрѣлости законодательства, въ храмахъ соблюдались важныя граматы, заключавшiя разнаго рода договоры, копiи съ заемныхъ писемъ и пр. Тамъ хранились законныя мѣры и вѣсы. Въ оградѣ церковной часто производились судебныя дѣла. Въ случаѣ голода или общаго несчастiя, изъ церкви брали деньги. При церквахъ устроялись богадѣльни, въ которыхъ жили больные и бѣдные. Поэтому на всякiй храмъ, особенно на главный, смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенiя и правды, наполняетъ сердце высокимъ чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастiяхъ и опастностяхъ. Всякое построенiе, освященiе, обновленiе и украшенiе храма было значительнымъ событiемъ въ жизни нашихъ предковъ, занимало въ высшей степени всѣхъ и каждаго, сопровождалось высокою, единодушною радостью. Не напрасно лучшiе люди стараго времени „вельми болѣзновали духомъ, зря подписанiемъ неукрашену церковь“ и заботились день и ночь, не щадили ни силъ, ни трудовъ, ни средствъ на созданiе и украшенiе храмовъ. Не напрасно лѣтописцы тщательно отмѣчали мелочныя поправки, какъ важныя и значительныя событiя, и желали увѣковѣчить память о нихъ; а виновникамъ ихъ выражали сердечныя благожеланiя, какъ за величайшiй подвигъ и важнѣйшую заслугу: „Подай имъ, Господи, от-

*) I Новгор. 44. 65; II Соф. 175.

даніе грѣховъ"!.. „Дай же, Госпоже, ему здѣ много лѣтъ жизни, въ семъ вѣцѣ, а въ ономъ, Госпоже, постави одесную Себе, иже много трудися о церкви Твоей!" Не напрасно сами они „веселились душею и сердцемъ, взирая на храмъ и видя своего дѣла начатокъ добрѣ совершенный; они устрояли себѣ память вѣчную и оставленіе грѣховъ и всѣмъ христіанамъ прибѣжище, и радость и веселіе, и похвалу себѣ отъ людей, приходящихъ въ св. домъ и взирающихъ на церковь и глаголющихъ: благословенъ Богъ, иже положи на сердце человѣку создати храмъ святый, добрѣ его украсити, иконы на златѣ добрымъ писаньемъ устроити, и ины потребныя мѣста добрѣ совершити, якоже подобаетъ церкви на красоту!" *)

Напротивъ, тяжелымъ горемъ наполнялось сердце каждаго христіанина при взглядѣ на разрушенное или поврежденное зданіе храма и его принадлежности во время войны, бунта и разрушительныхъ дѣйствій природы. Съ какою силою радости и удивленія разсказываютъ лѣтописцы о созданіи и украшенія храмовъ, съ такимъ-же сильнымъ чувствомъ скорби и сожалѣнія сообщаютъ о различныхъ несчастіяхъ, постигшихъ зданіе церковное, часть его, или богослужебныя принадлежности. Они не упускаютъ изъ виду никакой потери изъ священныхъ предметовъ; престолъ, иконы, книги, паникадила, ризы, сосуды, казна церковная, свѣчи мѣстныя, кадила, воздухи, индитіи, одежды, жертвованныя въ храмъ,—все это вызываетъ горькое сочувствіе у лѣтописца, когда онъ упоминаетъ объ ихъ утратѣ. Это тѣмъ болѣе имѣло вліяніе, что поврежденія считали выраженіемъ гнѣва Божія противъ порока, гнѣва, который не щадитъ святаго жилища благодати. „Божіемъ попущеніемъ отъ великаго страха за-

*) Лавр. 175; II Новгор. 114. 22; III Новг. 35.

были церковныя двери затворить, и пришелъ пламень великій и все въ церкви Божіей попалилъ и сожегъ: честныя и чудныя иконы съ древнихъ лѣтъ украшенныя серебромъ и золотомъ многимъ и каменьями дорогими, и священные и многоцѣнные сосуды, и св. книги—все сгорѣло и истребилось, и не осталось ничего“ *). Послѣ каждаго подобнаго описанія говорится: это навелъ на насъ Богъ грѣхъ ради нашихъ, веля намъ имѣти покаянье, яко умножишася грѣси наши и неправды. Встрѣчаются еще такого рода извѣстія: „церковь развалилась отъ землетрясенія на четыре части, стѣна отпала у церкви, водой снесло, вѣтромъ крыши драло, прострѣлило громомъ церковь, огорѣлъ верхъ до плечь, крестъ бурею сломило и разбился весь, огорѣли маковицы всѣ, подмыло водой колокольню, колокола разлились, а у одного уши отпали, отъ блистанія молніи и шибенія грома внутри церкви немного опалило на царскихъ дверяхъ, до половина опоны сгорѣла на амвонѣ, да два столбика деревянныхъ разразило подъ амвономъ, цѣпь панекадильную всю порвало и двери райскія опалило, а иконы на золотѣ потемнѣли“. Нерѣдко упоминается, что удалось спасти отъ истребленія и что не сохранилось. „Церковь св. Егорій весь сгорѣлъ, да и плеча, да и кресты сгорѣли, а, изъ церкви изъ большой, иконы всѣ выносили вонъ, а сгорѣло внутри тябло и доски, да съ колокольни два колокола сняли.“ „У св. Лазаря притворъ разметали, да и крестъ съ церкви сняли, да колокольницу подсѣкли“ **). Все это живо рисуетъ, какъ глубоко дорожили предки наши святыней храма и какъ велико было его значеніе. „Аще кто къ святымъ

---

*) Наприм. Лавр. 165; Ипат. 127 и мн. др.
**) Напр. II. Новг. 152. 154.

прибѣгнетъ церквамъ, тѣмъ велику пользу приметъ души же и тѣлу", замѣчаетъ лѣтописецъ.

Говоря подробно о частныхъ церковно-богослужебныхъ предметахъ и принадлежностяхъ въ общемъ составѣ храма, лѣтописцы передаютъ и отдѣльныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ не менѣе подробно. Такъ повѣтствуютъ о пріобрѣтеніи крестовъ, о написаніи, обновленіи, украшеніи, о встрѣчахъ и проводахъ св. иконъ, и при всякомъ случаѣ вдаются въ подробности и обнаруживаютъ глубокое уваженіе и сильную любовь ко всѣмъ принадлежностямъ храма. Крестъ былъ святымъ символомъ лучшаго мирнаго и благодатнаго порядка дѣлъ, въ противоположность образу меча, сила котораго одна имѣла вліяніе на устройство жизни простаго и грубаго язычника, и который служилъ признакомъ старой неудовлетворительной жизни. Ношеніе креста на груди отличало обновленнаго человѣка и вошло въ Россіи во всеобщій обычай. Св. иконы, необходимыя принадлежности храма, были во всякое почти время предъ глазами христіанина въ домѣ и имѣли сильное вліяніе на улучшеніе семейнаго быта. При каждомъ входѣ и выходѣ, посѣтитель дома ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ иконою; каждый изъ членовъ семейства молился предъ ней утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ. Въ присутствіи св. иконъ, древній русскій человѣкъ считалъ безчестнымъ дозволять себѣ какія нибудь предосудительныя вольности *). Вмѣсто старыхъ кудесниковъ стали прибѣгать къ кресту и иконѣ съ молитвою, въ надеждѣ получить помощь, въ случаѣ несчастія и болѣзни. Крестъ и икона служили вѣрною порукою въ обѣщаніяхъ; во время недовѣрчивости другъ къ другу, призывались во свидѣтельство правоты дѣла и увѣрены были въ ихъ пра-

---

*) Пам. XII в. стр. 195.

вомъ судѣ и расправѣ надъ виновнымъ и невиннымъ; крестъ и икона были необходимыми спутниками странствующихъ, которые брали ихъ съ собою въ увѣренности, что они устроятъ счастливый и благополучный путь. Вѣра въ силу креста и надежда на его помощь до того были тверды въ русскомъ человѣкѣ, что онъ вооружался крестомъ и выходилъ противъ страшныхъ татарскихъ полчищъ съ цѣлью побѣдить ихъ. Напоминая постоянно храмъ Божій и невидимое присутствіе святыхъ, иконы, въ случаѣ необходимости, могли, въ извѣстной мѣрѣ, замѣнять храмъ. Вотъ какое естъ наставленіе въ одномъ древнемъ поученіи: „къ церкви притецы, не упусти ни заутрени, ни обѣдни, ни часовъ, ни вечерни; аще ли далече церкви, и ты у иконы прави пѣніе и поклоненіе, елико ти сила можетъ, а не облѣнись, да не безъ плода будеши, яко древо сухо; аще не облѣнишись, то мзду пріимеши отъ Бога велію и грѣховъ оставленіе“ *). Лѣтописцы распространяются часто на цѣлыхъ страницахъ, какъ встрѣчали и провожали икону; какъ пѣли, кропили и кадили, куда носили, гдѣ останавливались и проч. Безъ сомнѣнія, все это много сдерживало развитіе и обнаруженіе грубыхъ страстей и стародавнихъ привычекъ и вводило въ отношеніи членовъ общества нравственныя начала. Понятно почему, при заключеніи мира, поставлялось, въ числѣ первыхъ условій, возвращеніе св. иконъ, плѣненныхъ непріятелемъ. Вообще, изъ частныхъ отдѣльныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковно-богослужебныхъ, которымъ отдается предпочтеніе, можно заключить, что русскій народъ особенно останавливалъ свое вниманіе на предметахъ, производившихъ сильное впечатлѣніе на

*) Ркп. Сбор. Солов. Библ. № 913 гл. II. „Слово Ивана Влат. духовнымъ дѣтемъ“. Соч. русское.

внѣшнія чувства и воображеніе. Такъ, напримѣръ, замѣтно, что особеннымъ почтеніемъ пользовался крестъ на главѣ церковной: его спѣшили прежде всего снять во время пожара,—и лѣтописи весьма часто говорятъ, когда сносило его бурею.

Видно, что церковное пѣніе сильно дѣйствовало на сердце: Владиміръ Мономахъ „слыша пѣніе, слезы испущаше“. Лѣтописцы постоянно прибавляютъ при описаніи священнодѣйствій и обрядовъ: съ своимъ клиросомъ служилъ епископъ, устроилъ клиросъ съ Богохвальными пѣснями и т. п. Но для исторіи пѣнія въ Россіи нельзя вывести ничего положительнаго изъ передаваемыхъ лѣтописцами фактовъ. Иконы огромнаго размѣра также поражали и останавливали вниманіе лѣтописцевъ; по крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ того, что Новгородскій лѣтописецъ записалъ мѣру изображеній святыхъ, бывшихъ въ куполѣ Софійской церкви: „Спасъ отъ вѣнца до пояса пол-четыре сажени, а около вѣнца 43 пяди, полудлина пол-четыре пяди; устнѣ полторы пяди, очи пол-двѣ пяди, рука сжатая длины 6 пядей, а простертая длань 8 пядей, подпись „Іисусъ Христосъ“ по 14 пядей; Архангелы и Херувимы надъ окны написаны стоящіи по 16 пядей, а пророцы написаны промежъ оконъ стоящіи по 18 пядей мѣрныхъ“. Замѣчательную приверженность обнаруживаютъ лѣтописцы къ колоколамъ и имъ весьма нравились колокола значительнаго вѣса и сильнаго звука. „Повѣсили колокола; два изъ нихъ большіе; какъ начнутъ звонить, точно громогласныя трубы... Колокола бывали въ версѣ и прежнихъ лѣтъ, но понеже не велики и никоторыя лѣпоты неимуще“... Къ числу заслугъ Владиміра Васильковича лѣтописецъ относитъ между прочимъ то, что этотъ князь слилъ такіе дивные колокола на слухъ, что подобныхъ не было на всей зем-

лѣ *). Любовь къ большимъ колоколамъ и стройному звону доселѣ жива и крѣпка въ русскомъ народѣ. И любопытно прислушаться къ его говору, когда поднимаютъ на колокольню большіе колокола. Здѣсь можно слышать, какъ народъ олицетворяетъ колоколъ, какъ, говоритъ, пойдетъ онъ или заупрямится; что-же сказать о наивномъ взглядѣ древняго русскаго человѣка на колоколъ?..

На ряду съ извѣстіями о храмахъ и другихъ священныхъ предметахъ, въ лѣтописяхъ стоятъ часто описанія крестныхъ ходовъ. Крестные ходы совершались по случаю постигшихъ или грозящихъ народныхъ несчастій, съ цѣлью умилостивленія Бога. Въ минуты общаго бѣдствія, когда человѣкъ не ждалъ ни откуда земной помощи, крестные ходы успокоивали страждущій духъ его, вливая надежду на помилованіе и помощь небесную; они располагали къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ и не давали огрубѣть суровому сердцу и дойти до отчаянія и забвенія нравственныхъ обязанностей. Лѣтописи сообщаютъ, часто случайно, что даже люди жестокосердные, которые разсчитывали воспользоваться общимъ несчастіемъ, для своихъ корыстныхъ выгодъ, напр. ростовщики во время голода, грабители во время мора и пожара, крамольники во время мятежа,—и они умилялись душою, встрѣчая въ священномъ обрядѣ строгое осужденіе своихъ дѣйствій. Этимъ вліяніемъ крестные ходы, какъ и всѣ священныя церемоніи, благодѣтельны были для неустроеннаго житейскаго быта народа. Торжественные крестные ходы предпринимались послѣ побѣды, при освященіи храмовъ, при перенесеніи чудотворныхъ иконъ и св. мощей, или въ память прежнихъ благодѣяній Божіихъ и проч.

---

*) Ипат. 223; II Новгор. 173. 203; I Новг. 81; I Пск. 291; I Соф. 270; II Соф. 140 и проч.

Они соединяли христіанъ въ одномъ чувствѣ радости, какъ братьевъ, разливали въ душѣ кроткое, спокойное чувство любви и возбуждали высокую благодарность Подателю всякаго дара. Душа юная и свѣжая научилась благоговѣть предъ Богомъ, не какъ предъ грознымъ Владыкою, но и безконечно милующимъ и любящимъ Отцемъ. И, въ обыкновенную пору, крестные ходы имѣли благое значеніе, отвлекая человѣка отъ излишнихъ житейскихъ попеченій; въ день, назначенный для хода, прекращалась торговля и другія мірскія занятія.

Тоже высокое значеніе имѣли и праздничныя торжества, о которыхъ лѣтописцы не упускаютъ случая упоминать. При отсутствіи довѣрія другъ къ другу, при сильномъ стремленіи къ личнымъ исключительнымъ выгодамъ, праздничныя торжества наполняли душу одними общими стремленіями и чувствами, стремленіями высокими, которыя неизгладимы изъ души,—связывали тѣснѣе христіанское общество, внося міръ между его членами, и упрочивали общественную нравственность. Введеніемъ праздниковъ и срочнаго отдохновенія, установленъ порядокъ въ работѣ и сбереженіе народныхъ силъ. Лѣтописцы не понимали настоящаго значенія праздниковъ и передавали потомству извѣстія о нихъ по впечатлѣнію, которое они производили своею таинственною, священною стороною. Праздникъ считали наши предки живою дѣйствующею силой. „Кто преступитъ крестъ, тотъ проклятъ 12 праздниками церковными“ говоритъ іерархъ. Но это-то понятіе о праздникахъ и сопровождалось благотворнымъ вліяніемъ на народную жизнь. Въ первую пору принятія христіанства, торжества церковныя, замѣняя языческія празднества, пріучали народъ къ жизни и обычаямъ христіанскимъ. Съ этой стороны, имѣли большое значеніе и пиршества, которыми сопровождались духовныя христіан-

скія торжества, и о которыхъ сохранили нѣсколько краткихъ свѣдѣній лѣтописи. Имѣя привлекательность для чувственнаго человѣка, пиры располагали къ принятію Вѣры Христовой и способствовали утвержденію въ ея правилахъ. Сначала, конечно, шелъ язычникъ изъ личнаго удовольствія; но, необходимо, присутствуя при христіанскихъ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ, не могъ не чувствовать, по внѣшнему благолѣпію, ихъ превосходства предъ бѣдной и жалкой обрядностію славянскаго язычества, слышалъ, при столкновеніи съ другими, о высокихъ чудесахъ христіанъ и другія священныя преданія,—и дѣлался христіаниномъ. Въ послѣдствіи, княжескія угощенія народа нравились по тому, что они вытекали изъ добраго расположенія и христіанской любви правителя къ подданнымъ; но при этомъ пиры укрѣпляли народъ въ христіанствѣ, соединяли въ общемъ воззрѣніи на дѣло Религіи и правственности гражданской, смягчали и дѣлали доступнѣе отношенія членовъ общества. Потому-то въ такихъ случаяхъ, по извѣстію лѣтописцевъ, и князья радовались и народъ благословлялъ князей и осыпалъ благожеланіями.

Русскій народъ выросъ въ тѣсномъ кругу семейномъ, въ которомъ главныя явленія особенно привлекали его вниманіе, были дороги и близки его сердцу. Поэтому, изъ священныхъ дѣйствій, преимущественно занимаютъ лѣтописцевъ таинства и обряды, которыми церковь сопровождаетъ и освящаетъ три важнѣйшихъ случая въ жизни семейной: рожденіе, брачное торжество и погребеніе. Впрочемъ извѣстія о двухъ первыхъ немногочисленны, кратки и отрывочны. За то чрезвычайно много сообщается свѣдѣній, какъ освящала церковь прощальный путь человѣка съ міромъ и какія благочестивыя обычаи были при этомъ. Лѣтописцы обнаруживаютъ весьма высокій взглядъ на

прахъ покойника и погребеніе его. Этотъ обрядъ они описываютъ часто и подробно: какъ провожали тѣло умершаго съ богохвальными пѣснями и благоуханными кадилами; кто изъ пастырей совершалъ погребеніе, кто присутствовалъ при похоронахъ и какое участіе выказывали къ усопшему и какъ сильно скорбѣли о потери его и проч. Особенно тщательно отмѣчается въ лѣтописяхъ мѣсто погребенія извѣстнаго лица. Древній христіанскій обычай—погребать усопшихъ около храма, въ храмѣ и въ монастыряхъ, удержался въ Россіи, сильно развился и укоренился, въ слѣдствіе особеннаго значенія храма для нашихъ предковъ. Погребеніемъ въ такомъ священномъ мѣстѣ и зданіи, гдѣ обитала полнота силы Божіей, надѣялись заслужить отпущеніе грѣховъ. Созданіе храма и погребеніе въ немъ считалось еще болѣе вѣрнымъ залогомъ спасенія. По этому заботились найти послѣдній пріютъ для себя и для близкихъ въ храмахъ, воздвигнутыхъ самими или родственниками. Въ лѣтописяхъ постоянно встрѣчаются замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: положили въ церкви, которую самъ создалъ, или отецъ его, въ... монастырѣ. Въ семейномъ быту, проникавшемъ всю народную жизнь русскую, развилось религіозное почитаніе усопшихъ предковъ. Прежнее языческое обоготвореніе ихъ переродилось, подъ вліяніемъ христіанства, въ благочестивыя обычаи. Родителей уважали нетолько какъ виновниковъ жизни и воспитанія, но вѣрили въ ихъ покровительство и прямое вліяніе, по смерти, на живыхъ потомковъ. Эта увѣренность породила священное почитаніе могилъ и желаніе быть погребенными вмѣстѣ съ родственниками. Мстиславъ говорилъ на вѣчѣ, при прощаніи съ новгородцами: „кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего; васъ я не забуду; дай Богъ лечь съ отцемъ во св. Софіи“! Сильная любовь къ извѣстному лицу выражалась въ завѣщаніи похоронить

съ нимъ вмѣстѣ. Въ лѣтописяхъ весьма часто говорится о погребеніи близъ родныхъ или лицъ, заслужившихъ общее уваженіе: погребенъ въ головахъ у отца или дѣда, рядомъ съ отцемъ или матерью, у св. Ѳеодосія въ головахъ, гдѣ прародители лежатъ, гдѣ лежатъ Архіепископы, между такимъ и такимъ родственниками и т. под. „Умеръ В. кн. Василій Дмитріевичъ Московскій, и положили его въ церкви св. Архангела Михаила, гдѣ гробъ отца его и дѣда, и прадѣда, и иныхъ многихъ князей ихъ рода". При жизни еще заботились назначить мѣсто своего погребенія и отправляли тѣло умершаго часто при значительномъ разстояніи и родственный, милый сердцу прахъ переносили съ одного мѣста на другое.

Какъ служители Алтаря и распорядители общественнаго Богослуженія, какъ орудія, чрезъ которыя Богъ изливаетъ свою благодатную силу и освященіе, какъ истолкователи воли Божіей, выраженной въ священ. писаніи, пастыри древней русской церкви, при господствѣ религіознаго направленія жизни высоко стояли во взглядѣ нашихъ предковъ, и при отсутствіи прочнаго государственнаго порядка, пользовались величайшимъ вліяніемъ и значеніемъ. Сообщая большею частію внѣшнія, незначительныя извѣстія о жизни русскихъ іерарховъ, лѣтописцы не могли не касаться и многосторонней ихъ дѣятельности.

Составляя высшую, образованную часть народа, духовенство русское стояло во главѣ всякаго добраго движенія общественнаго. Не говоря уже о первыхъ правителяхъ христіанскихъ, когда въ душѣ новообращенныхъ разлито было горячее желаніе подчинить всѣ отношенія и дѣйствія началу религіи, даже по раздробленіи Руси, у каждаго князя было стремленіе водворить и утвердить христіанство въ своей области и по его предписаніямъ

преобразовать внутренній быть своихъ подданныхъ. Отсюда необходимая нужда въ помощи и вліяніи духовенства на народъ; отсюда участіе его въ думахъ и бесѣдахъ о всѣхъ дѣлахъ государства; отсюда совѣты съ духовенствомъ объ устройствѣ лучшаго порядка общественнаго. Многіе изъ князей повторяли своимъ дѣтямъ завѣщаніе равноапостольнаго Владиміра—болѣе всего слушать совѣты духовенства. И оно въ высшей степени оправдывало довѣріе къ нему правителей государства. Пастыри церкви не однѣми молитвами имѣли вліяніе на исходъ военныхъ предпріятій,—но, сообразно съ общею пользою, иногда побуждали и одушевляли князей и народъ — начинать и продолжать войну, содѣйствовали всѣми силами и зависящими отъ нихъ средствами благополучному ея окончанію, или заботились о мирѣ и противились безполезнымъ предпріятіямъ. Неправыя дѣйствія самихъ князей вызывали, со стороны іерарховъ, то кроткія и слезныя моленія, то смѣлыя и сильныя обличенія, писменныя и словесныя; а иногда они пользовались правомъ отлученія отъ церкви,—и духовная сила торжествовала надъ матеріальной. Особенно благодѣтельное вліяніе ихъ обнаруживалось въ княжескихъ спорахъ и междоусобіяхъ, которыя они часто успѣвали погашать своимъ посредничеотвомъ и тѣмъ вносили благодатный миръ въ взволнованныя сердца и уменьшали страданія народа. Много свѣдѣній сообщаютъ лѣтописцы объ отношеніяхъ духовныхъ лицъ къ гражданской власти. На духовныхъ возлагались большею частью обязанности гражданскаго посольства, какъ на лицъ, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и слѣд. безопасныхъ въ этомъ дѣлѣ. И здѣсь они старались направить ходъ дѣла къ общему благу. Значительно также заслуга русскаго духовенства въ государственномъ отношеніи во время владычества Татаръ, которые обходились

довольно милостиво съ пастырями церкви. Въ эту тяжелую пору, іерархи облегчали участь недоумѣвающаго правительства и убитаго народа не однимъ сладостнымъ словомъ утѣшенія и надежды, но принимали на себя трудъ ходатайства въ Ордѣ за народъ христіанскій, и въ это время особенно усилилось вліяніе духовенства. Нося въ себѣ сознаніе закона и правды, пастыри Церкви дѣятельно заботились объ улучшеніи общественной нравственности. Они обращали вниманіе гражданскихъ правителей на современные имъ недостатки, для уничтоженія которыхъ необходимы были гражданскія средства. Градскія, торговыя и всякія мѣрила, спуды, извѣсы, ставила подлежали надзору духовныхъ лицъ. Завѣдывая сами правомъ суда во многихъ случаяхъ, они ослабляли необузданное корыстолюбіе и продажное правосудіе областныхъ правителей и другіе пороки. Народныя возмущенія, сопровождаемыя грабежами и приносившія такъ много горя народу, часто подавляемы были дѣятельными пастырями при первой вспышкѣ. Они старались смягчить грубое самоуправство народа и, въ случаѣ несправедливости и жестокости гражданскаго судебнаго приговора, считали своею обязанностію ходатайствовать за несчастнаго. Вообще, на этомъ поприщѣ, они старались, какъ новгородскій владыко Симеонъ, по словамъ лѣтописи: „управити своя дѣти и поучати словесы духовными, со всею кротостію, иного обличеніемъ, иныя же запрещеніемъ укрощати“.

Русское духовенство не усиливалось соединиться въ отдѣльно замкнутый, самостоятельный кругъ; оно, напротивъ, входило въ непосредственную связь съ народомъ, старалось распространить въ средѣ его свѣтлыя понятія. Къ пастырямъ церкви обращался простой народъ, еще не ознакомившійся съ первыми правилами нравственности, по принятіи христіанства, съ простодушными вопросами:

„что ѣсть и пить? Какіе поклоны творить“? Въ послѣдствіи онъ искалъ разрѣшенія у пастырей во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ; пастыри были единственными его руководителями на всѣхъ путяхъ жизни, защитниками и утѣшителями въ бѣдственныя минуты. Власть духовенства простиралась иа семейную жизнь народа, на обычаи и привычки, и вездѣ оно поселяло миръ и мягкость, внося новыя начала въ самый домъ христіанина, при каждомъ семейномъ горѣ и радости, во время праздничныхъ торжествъ. Оно преслѣдовало вредные остатки языческаго быта, напр. кровную месть, поединокъ, многоженство и проч. На все это образованное духовенство смотрѣло съ негодованіемъ. Духовныя были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ пасомыхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помогали несостоятельнымъ и т. п. Понятно, что народъ видѣлъ въ пастыряхъ церкви посланниковъ Божіихъ для умноженія его духовнаго сокровища и житейскаго благосостоянія. О благотворномъ вліяніи духовенства лѣтописи передаютъ нерѣдко дорогіе, хотя общіе, факты въ своихъ отзывахъ объ извѣстныхъ лицахъ. „Князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ... Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре и люди приходили къ нему, поучась отъ него день и ночь, и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ *)“, замѣчается о многихъ пастыряхъ того времени.

---

*) Лавр. 165. 185; I Иск. 297 и т. под.

Изъ такого высокаго значенія духовенства легко объяснить, почему у лѣтописцевъ, кромѣ важныхъ извѣстій, такъ много находится мелочныхъ замѣтокъ о рукоположеніяхъ и торжественныхъ встрѣчахъ епископовъ, когда они приходили на епархію. Князья и народъ свидѣтельствовали этимъ свое уваженіе къ мудрымъ дѣятелямъ блага общественнаго. Понятны становятся прибавленія лѣтописи: „и выходило въ срѣтеніе многое множество народа радованною ногою и бысть радость велика“. Равнымъ образомъ объясняются и заботливыя отмѣтки о смерти пастырей, о которыхъ народъ часто могъ тоже сказать, что заключается въ плачѣ о Стефанѣ пермскомъ: „теперь мы лишились добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ нашихъ, а князю доносилъ наши жалобы, хлопоталъ о нашихъ льготахъ, о нашей пользѣ, предъ боярами и властями былъ нашимъ заступникомъ, часто избавлялъ насъ отъ насилій, работы и тіунской продажи, облегчалъ отъ тяжкой дани и проч.“. Не мало извѣстій передаютъ лѣтописцы о монастыряхъ. Но и здѣсь они вѣрны своему настроенію—передавать все болѣе съ внѣшней стороны: зданіе монастырское, кажется, занимало ихъ болѣе, чѣмъ внутренняя жизнь монастыря.

Монастырь, какъ пристанище душъ высокихъ, которыя порывались въ область блаженнаго успокоенія отъ заботъ жизни, стремились къ вѣчнымъ законамъ добра и правды, привлекалъ общее вниманіе нашихъ предковъ. Они смотрѣли на него съ глубокимъ уваженіемъ, какъ на мѣсто селенія славы Божіей. Русскіе монахи не чуждались дѣятельности практической, которая сильно способствовала развитію разумно-нравственной жизни народа. Они проносили свѣтъ Христовой Вѣры по окрестнымъ областямъ, въ темное царство язычниковъ; съ самоотверженіемъ проповѣдывали слово Божіе и, тяжелыми трудами и усиліями,

достигали святой цѣли. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ занимались вопросами не о матеріальныхъ средствахъ къ выгодамъ, но о высокой цѣли и назначеніи жизни человѣческой, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные высоко, по своему времени, развитые болѣе другихъ; они всякому страннику и посѣтителю могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненіе въ извѣстномъ случаѣ. Кроткая и живая бесѣда ихъ врѣзывалась въ памяти жаждущаго св. истины, стремленіе къ которой непобѣдимо въ душѣ человѣческой, особенно въ душѣ свѣжей и воспріимчивой. Тамъ русскій человѣкъ могъ изучать уроки нравственные въ самомъ приложеніи къ дѣлу,—что ему особенно дорого. Тамъ „отъ единаго видѣнія токмо и обычая устроенію довольна преподавали зрящимъ пользу“. Въ мірѣ, большею частью, хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насилія, обманъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе къ богатству, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и безконечнымъ благомъ. Взглядъ на эту чудную жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря; а строгіе уроки, осуществляемые въ жизни, возбуждали къ возможному подражанію. Глубоко справедливы слова г. Соловьева: „На встрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію,—

выходилъ монахъ, —и, въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей, юное общество было на сторонѣ втораго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и, этимъ сочувствіемъ, заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцырь и просить другаго, болѣе почетнаго, —мантіи монашеской". Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда „собирались князья и вельможи и прочіе люди, за духовною пользою". Тамъ получали правители народа человѣколюбивые совѣты, а часто и угрозы судомъ Божіимъ, въ случаѣ несправедливыхъ притязаній. Благочестивые иноки русскіе были самые практическіе люди, обращали свои взоры на міръ и тамъ преслѣдовали личныя страсти и общественные безпорядки, нерѣдко съ опасностью жизни. Монастыри служили центромъ торговли, правильнаго труда и разсадниками цивилизаціи. Около монастырей скоро собирались селенія, —и, такимъ образомъ, заселялись мѣста пустынныя и безплодныя. На монастырскія земли бѣжали крестьяне, отъ поработительнаго деспотизма, и находили тамъ жизнь льготную или защиту отъ неправды. Вообще, русскіе монахи были строгими хранителями и защитниками народныхъ интересовъ. Они принимали подъ свой убогій кровъ и не оставляли безъ утѣшенія гонимыхъ и страждущихъ всякаго рода. Въ монастырѣ находили пріютъ и отраду выходцы разныхъ областей, во время воинъ междоусобныхъ и опустошеній внѣшнихъ враговъ, особенно когда стонала Россія подъ игомъ татарскимъ. Грозившее бѣдствіе, при вѣсти о непріятеляхъ, заставляло прятать, за стѣнами монастырей, какъ въ надежномъ убѣжищѣ, все цѣнное и дорогое, — и монастырь нерѣдко превращался въ крѣпость. Въ монастырскихъ житницахъ хранились запасы, благодѣтельные во время неурожая и голода, и въ обители толпами стекались нуждающіеся, которыхъ иногда до 1000 въ день

кормили; бѣдные никогда не получали здѣсь отказа въ пищѣ и одеждѣ, а больные—во врачебномъ пособіи. Но обо всемъ этомъ извѣстно изъ жизнеописаній, а лѣтописи даютъ самыя незначительныя извѣстія о построеніи монастырей. Устройство монастырей было великимъ благодѣяніемъ, считалось дѣломъ спасительнымъ, сопровождалось душевною радостью созидавшихъ ихъ и на эту радость отзывались всѣ. Въ лѣтописяхъ нерѣдко прибавляется въ родѣ слѣдующаго: „и веселится блаженный душею и сердцемъ, устроивъ по себѣ память вѣчную, и созда честенъ монастырь“... „и бысть христіанамъ прибѣжище, Ангеламъ радость, а дьяволу пагуба“. Разсказы о несчастіяхъ, случившихся въ монастырѣ, отъ внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ, или отъ разрушительныхъ стихій природы, выслушивались съ соболѣзнованіемъ: народъ лишался въ монастырѣ одного изъ благотворительныхъ пріютовъ.

Лѣтописи служатъ живымъ свидѣтельствомъ, какъ сильно приверженъ былъ русскій народъ по всѣмъ священнымъ предметамъ храма, какъ дорого цѣнилъ всю церковно-богослужебную часть христіанства. Вотъ отрывокъ изъ описанія опустошенія Москвы Тохтамышемъ: „монастыри разориша; архимандриты, игумены, чернцы и простцы убіени... Св. Церкви стоятъ; они разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши; плачется церковь о чадѣхъ церковныхъ, паче же о избіенныхъ, яко матерь о чадѣхъ плачущися: о чада церковная, о страстотерпцы избіенніи!... Отъ поганыхъ насильства, церкви стоятъ, не имуще ни лѣпоты, ни красоты. Гдѣ тогда красота церковная? понеже престала служба церковная, еюже многа блага у Господа просимъ; престала обѣдняя, св. Литургія; престала св. просфора, приношеніе, еже на св. жертвенници; престала молитва заутренняя и вечерняя; преста гласъ псалму; по всему граду умолкоша пѣсни... Гдѣ благочестіе и благосостояніе церковное?...

гдѣ четци и пѣвцы? гдѣ клиросницы, церковницы? гдѣ суть ереи, священници, служащіи Богу день и ночь? Вси лежать, вси уснуша и почиша, вси посѣчени быша, усѣченіемъ меча умроша; нѣсть позвоненія въ колоколы, ни въ било; нѣсть зовущаго, ни текущаго; не слышати въ церкви гласа поюща, ни слышати славословія и хвалословія; не бысть въ церквахъ стихословія и благодаренія; въ истину суета человѣческая, и бысть мятежъ человѣческій" *). Этотъ плачъ, разоблаченный отъ натянутаго многословія, есть живое изображеніе того, какое сильное вліяніе имѣло на народъ вся внѣшняя, церковно-обрядовая сторона христіанства, до малѣйшихъ предметовъ и дѣйствій. Она воспитывала юный, безхитростный, народный духъ, вознося его въ высшій духовный міръ,—и лѣтописцы весьма вѣрно называютъ „все божественное церковное строеніе душеполезнымъ путемъ, ведущимъ въ жизнь вѣчную". Конечно, народъ смотрѣлъ на всю эту обрядовую сторону, мало сознавая ея значеніе, но всетаки она имѣла на него образовательное вліяніе.

Малѣйшее отступленіе отъ церковно-богослужебнаго чина, или измѣненіе какой либо черты священныхъ предметовъ и изображеній, прежде невиданное, рѣзко бросалось въ глаза русскому человѣку; онъ придавалъ подобному обстоятельству огромное значеніе, считалъ посягательствомъ на святыню, такъ сказать, на жизненную силу вѣры,—и глубоко возмущался въ своей совѣсти. У лѣтописца, въ этомъ отношеніи, понятія не выше его современниковъ. „Той же зимы, говоритъ напр., лѣтописецъ, нѣкоторыи философове начаша пѣти: о Господи помилуй, а друзѣи: Осподи помилуй!" Псковскій лѣтописецъ разсказываетъ весьма характеристическій случай: „къ успеньеву дню, привезли

*) IV Новгор. 88—7.

старцы, выходцы изъ иной земли, образъ св. Николая и святой Пятницы, на рѣзи въ храмцахъ; и были Псковичи въ недоумѣніи, что въ Псковѣ такихъ иконъ на рѣзи не бывало; и многіе невѣжливые люди поставили то за болванное поклоненіе; и было въ людехъ великая молва и смятеніе; и начала простая чадь священникамъ говорить, и священники пошли, по поводу этихъ св. иконъ, къ намѣстникамъ и дьякамъ псковскимъ, соборомъ; говорили, что въ людяхъ великое смятеніе, и тѣхъ старцевъ, съ тѣми иконами святыми, схватить послали, и эти иконы святыя къ архіепископу послали въ В. Новгородъ; и Владыко Макарій самъ поклонялся тѣмъ св. иконамъ, и молебенъ имъ соборнѣ пѣлъ, и честь имъ воздалъ, и проводилъ ихъ самъ до судна, и велѣлъ Псковичамъ эти иконы вымѣнять и встрѣчать соборомъ всѣмъ" и проч. *). Высокое благоговѣніе къ предметамъ обрядоваго богослуженія усиливалось отъ ихъ значенія, такъ сказать, историческаго. Со многими изъ нихъ, неразрывно связано было воспоминаніе великихъ событій отечества. Приписывая всякое событіе непосредственному вліянію Божества, предки наши смотрѣли на храмы, какъ на живыхъ, хотя безмолвныхъ, свидѣтелей небесной милости, оказанной русскому народу. Въ лѣтописяхъ нерѣдко говорится, что ихъ строили по обѣту, въ чувствахъ общей народной радости, въ благодарность за избавленіе отъ грозившихъ бѣдствій, или въ память христіанскихъ подвиговъ въ войнѣ съ невѣрными. Храмы были, для нашихъ предковъ, и величественными памятниками грознаго гнѣва Господня, посѣщавшаго непослушныхъ сыновъ своихъ: ихъ воздвигали, какъ умилостивительныя жертвы, въ народныхъ бѣдствіяхъ, въ от-

---

*) IV Новг. 130; I Псков. 303—4.

вращеніе моровой язвы, голода, землетрясенія и болѣзней. Объ этомъ особенно много сообщаютъ извѣстій лѣтописи.

Происхожденіе и принесеніе священныхъ предметовъ изъ Греціи, которая была духовною матерію для Россіи, возвышало ихъ значеніе въ глазахъ нашихъ предковъ, и лѣтописцы вѣрны этому взгляду. Есть еще одна сторона въ священныхъ предметахъ, болѣе всего усиливавшая народное благоговѣніе къ нимъ. Это явное обнаруженіе чрезъ нихъ чудодѣйственной силы Божіей. Эта сила обнаруживалась именно въ томъ, что особенно любилъ, на что преимущественно взиралъ, съ священнымъ восторгомъ, Русскій человѣкъ. Изъ лѣтописныхъ повѣтствованій видно, что чудеса совершались, большею частію, въ храмахъ и монастыряхъ, отъ иконъ Пр. Богородицы, какъ особенной заступницы и ходатаицы за Русь православную, и святителя Николая, который пользовался особеннымъ благоговѣніемъ Русскаго народа. Чудесная сила изливалась отъ нетлѣнныхъ останковъ мощей, къ которымъ съ вѣрою притекали страждущіе. Уже одно явленіе мощей составляло чудесное событіе. Открытіе ихъ сопровождалось величайшею радостію, какъ явный признакъ любви Божіей къ сынамъ своимъ и особенно къ тому краю, гдѣ произошло явленіе ихъ. Прославленный избранникъ общества, для блага котораго подвизался при жизни и любовь къ которому перенесъ за предѣлы земные, дѣлался прямымъ и вѣрнымъ ходатаемъ предъ престоломъ Всевышняго. Съ теплою мольбою о помощи прибѣгали къ его возвеличеннымъ останкамъ, равно какъ и къ чудотворнымъ иконамъ, во всякаго рода нуждахъ; малѣйшія частицы мощей и гробницъ ихъ считали цѣлебными для тѣла и души; воду съ мощей, свѣчу отъ иконы употребляли, какъ предохранительное и спасительное врачевство, во время моровыхъ повѣтрій и другихъ болѣзней. Всякій спѣшилъ прикоснуться къ этимъ

источникамъ благодатной силы. Вообще, чудеса, по лѣтописнымъ изображеніямъ, были или предвѣстниками бѣдствій, или средствомъ избавленія отъ нихъ, или явною милостію Божіею, выражавшеюся въ различнаго рода исцѣленіяхъ, по словамъ лѣтописей, „въ жалованіяхъ и прошеніяхъ людямъ“.

Живя болѣе чувствомъ, не занимаясь научными вопросами, когда умственная сила находилась въ усыпленномъ состояніи,—Русскій человѣкъ безусловно вѣрилъ въ чудесныя откровенія Божіи. Эта вѣра совершенно непоколебима и у народа и у лѣтописцевъ,—ясный признакъ, что религія покорила все существо Русскаго человѣка! Если и являлись иногда сомнѣнія, если и закрадывались въ пытливую душу соблазнительные вопросы, требующіе отвѣта разума, то не на долго: скоро они замѣнялись глубокимъ раскаяніемъ въ своей дерзости. Эта крѣпкая вѣра спасала юное и неустроенное общество христіанъ. Явное покровительство неба добрымъ и страдальцамъ за правду и открыто-чудесное неблаговоленіе къ злымъ поразительно дѣйствовали на *грубаго* человѣка и побуждали его держать сторону первыхъ. Легко себѣ представить, какъ поражали чудесныя явленія простую душу древняго человѣка и какъ онъ повергался въ прахъ предъ ними, ощущая свое недостоинство. У лѣтописцевъ извѣстія о чудесахъ постоянно заканчиваются сильнымъ изліяніемъ чувствъ: „О страшное и дивное чудо!... Слава Тебѣ, Господи!.. Пощади, Владыко, пощади“ и т. п.

Руководясь, въ дѣлѣ вѣры, чувствомъ и воображеніемъ, неспособный къ отвлеченнымъ понятіямъ, русскій народъ воззрѣнія свои облекалъ въ формы образовъ, обстанавливалъ ихъ разными случаями, сближалъ съ знакомыми именами, лицами и происшествіями. Отсюда рядъ народныхъ преданій и легендъ, содержаніемъ которыхъ служитъ так-

же церковно-богослужебная сторона христіанства и ея строители. Передаваемыя лѣтописями, эти преданія дышатъ свободою творческой фантазіи. Лица, которыя были удивленіемъ для современниковъ, по своей строгой жизни, или замѣчательныя въ другомъ отношеніи, по смерти, облекались фантастическимъ свѣтомъ. Не говоря уже о монастырскихъ преданіяхъ, припомнимъ видѣніе Нифонта, смерть М. Константина, видѣніе Пелгуя, смерть Новгородскаго Владыки Сергія и др. Во время замѣчательныхъ событій, особенно при видѣ грозныхъ бѣдствій, когда сильно возбуждено чувство и настроено воображеніе, болѣе всего появлялось фантастическихъ разсказовъ, и всѣ они проникнуты религіознымъ характеромъ. Много видѣній, которыя представлялись разнымъ лицамъ во снѣ и на яву, записано въ лѣтописяхъ съ чисто нравственною цѣлью, напр., какъ видѣли въ Новгородѣ живописцы явленіе Спаса, какъ были видѣнія понамарямъ Аарону и Тарасію, дѣвицѣ и священнику во время мора, какъ поднимала человѣка птица выше креста церковнаго и бесѣдовала съ нимъ о грѣхахъ людскихъ и т. д. Священные предметы, въ которыхъ видѣли присутствіе высшей силы, служатъ тоже средоточіемъ, которое фантазія обставляла цѣпью таинственныхъ разсказовъ. Лѣтописи увѣковѣчили эту игру младенческаго творчества: какъ пламя испепелило церковь, со всѣли принадлежностями, и не коснулось святительскаго посоха, какъ шло мѵро изъ иконы, кровь или роса, слезы или вино, какъ огонь палилъ собакъ, которыя хотѣли истребить просфору, какъ отъ гроба чудотворца пламя прогнало грознаго царя и проч.—Какъ всякое простое естественное выраженіе нашего духа, святое чувство, одушевляющее легенды, чисто и свѣтло и его проявленіе полно религіозной поэзіи.

Христіанское чувство нерѣдко, съ быстротою, провидитъ

то, до чего христіанское просвѣщеніе доходитъ многолѣтними трудами и познаніе есть часто уясненное ощущеніе. Но чувство, не поддерживаемое просвѣщеніемъ, темно, неопредѣленно и способно переходить къ крайностямъ; его безотчетный голосъ не свободенъ отъ условій естественности и привычки. Нельзя не признаться, что воззрѣніе нашихъ предковъ, подчиненное, главнымъ образомъ, христіанскому чувству, при послѣднихъ проблескахъ просвѣщенія во время татарскаго владычества, стало рѣзко подходить къ крайности; особенно, послѣ флорентинской уніи, когда прервано было сношеніе России съ Греціею. Въ церковно-богослужебной сторонѣ христіанства, полной спасительнаго духа церкви, видѣли только одну букву, не проникая въ живой смыслъ ея: придавая мелкимъ предметамъ слишкомъ большое и не истинное значеніе, они развивали въ себѣ суевѣрный взглядъ на богослужебныя принадлежности и храмъ. Слѣды этого явленія, какъ и слѣдовало ожидать, отразились болѣе въ позднѣшихъ лѣтописяхъ. Войдетъ *лошадь* или коза въ церковь, спадетъ не твердо укрѣпленный колоколъ, услышатъ какой-нибудь шумъ во главѣ церковной, или безвременный ночной звонъ на колокольнѣ, забудутъ погасить въ церкви свѣчу, и увидятъ, послѣ, ее горящею, сорветъ вѣтромъ крестъ съ церкви,—и народъ, а съ нимъ и лѣтописцы, влагаютъ во всякій подобный случай таинственный смыслъ, придаютъ ему огромное значеніе и считаютъ предвѣстникомъ грядущихъ ужасовъ. Какъ плодъ ясной и свободной фантазіи простаго человѣка, эти преданія выражены въ наивныхъ чертахъ и выпуклыхъ формахъ, картинно и наглядно представляющихъ предъ глазами воззрѣніе. Эти лѣтописные разсказы глубоко-жизненны и составляютъ какъ-бы блестящіе отрывки изъ одной великой христіанской поэмы. Живая связь преданія и религіознаго воззрѣнія блещетъ чертами свѣ-

жей поразительной красоты; высокое одушевленіе, глубокая вѣра и теплота нравственнаго чувства разлиты въ разсказѣ и выражаютъ задушевныя убѣжденія и вѣрованія не одного лѣтописца, а цѣлаго народа, и служитъ прямымъ отвѣтомъ на его житейскія стремленія и симпатіи. Потому-то такъ неотразимо вліяніе на народъ этихъ повѣстей, какъ и вообще всѣхъ преданій, вышедшихъ изъ глубины народнаго духа. Эти идеалы, выработанные народною фантазіей и озаренные ея лучезарнымъ блескомъ, эти необыкновенные случаи жизни, сообщаемые легендами, очищенные отъ пошлой обыденной обстановки, освѣжали душу и производили сотрясеніе при застоѣ жизни. Эти разсказы, въ свою пору, съ быстротою перелетали изъ устъ въ уста, возбуждали изумленіе и вздохи, оставляли въ душѣ каждаго неизгладимый слѣдъ; слезы радости, или глубокаго сокрушенія о грѣхахъ лились изъ глазъ,—и человѣкъ ожидалъ событія, которое, по его мнѣнію, предзнаменовано извѣстнымъ явленіемъ. Смѣемъ увѣрить, что подобные суевѣрные разсказы и народныя преданія, и въ настоящую пору, производятъ сильное впечатлѣніе на народъ и помогаютъ его нравственному отрезвленію болѣе, чѣмъ всѣ ученыя, искуственныя проповѣди о смиреніи и покаяніи.

Воспитываемый, преимущественно, церковно-богослужебною стороною христіанства, руководимый и наставляемый на путь истинный пастырями Церкви и благочестивыми иноками,—русскій народъ обнаруживалъ плоды своего воспитанія, выражалъ свою нравственную жизнь, главнымъ образомъ, во внѣшнемъ Богопоченіи, въ обузданіи тѣлесныхъ страстей и во внѣшнихъ дѣлахъ любви и милосердія къ ближнему. Лѣтописи, какъ нельзя болѣе, отражаютъ въ себѣ именно эти стороны благочестивой и добродѣтельной жизни нашихъ предковъ.

При высокомъ значеніи, какое имѣли для нашихъ предковъ св. храмы и все церковно-обрядовое Богослуженіе, очень естественно ожидать, что содѣйствіе возвеличенію и распространенію ихъ и уваженіе къ нимъ должны быть являться, въ глазахъ древняго русскаго общества, самою высокою чертою нравственности. Дѣйствительно, лѣтописцы особенною заслугою и главною добродѣтелью почти каждаго благочестиваго пастыря или князя считаютъ и выставляютъ созданіе и украшеніе храмовъ и заботу о благоустройствѣ церковнаго порядка и благолѣпія. „Владыка трудился и горѣлъ днемъ отъ жара, а ночью печалился, какъ бы окончить и увидѣть церковь свершенную и украшенную; и чего желалъ, то принялъ— царство небесное и радость нескончаемую во вѣки. Аминь". „Сама доброта церковная и прочая строенія монастырская, якоже и трубамъ гласяще проповѣдуютъ святаго подвиги",—говорится о Никонѣ преподобномъ. Какими заслугами защищаетъ лѣтописецъ архіепископа Нифонта отъ несправедливыхъ толковъ? „Много говорили на него, но себѣ на грѣхъ. О томъ бы посудилъ каждый изъ насъ: какой епископъ такъ украсилъ св. Софію? притворы росписалъ, кивотъ доспѣлъ и всю извнѣ украсилъ; а въ Псковѣ св. Спаса церковь создалъ каменную, другую въ Ладогѣ св. Климента. Я думаю, что не захотѣлъ Богъ, по грѣхомъ нашимъ, дать намъ на утѣху гробъ его, отвелъ его въ Кіевъ и тамъ онъ преставился". Даже трудъ церковныхъ мастеровъ и живописцевъ выставляетъ лѣтопись въ высшей степени душеспасительнымъ дѣломъ *). Принесеніе крестовъ, иконъ, мощей, „въ заступленье и покровъ и утвержденіе городу", и пріобрѣтеніе всякаго рода святыни служитъ похвальною чертою нравственности.

*) I Новгор. 12. 23; Лавр. 187; IV Новг. 10; II Соф. 138.

Частое хожденіе въ храмъ, усердіе къ Богослуженію, теплая молитва со слезами, благочинное проведеніе праздниковъ отмѣчаютъ лѣтописцы какъ высокіе христіанскіе подвиги: Давидъ Ростиславичъ „имѣлъ обычай каждый день ходить въ церковь св. Михаила, которую самъ создалъ, и здѣсь, смиренно повергаясь предъ св. иконами, со слезами молился". Ярославъ Владиміровичъ Галицкій „самъ наблюдалъ за церковнымъ чиномъ, самъ благоустроялъ церковный клиръ".

Высокое значеніе св. мощей породило чрезвычайное благоговѣніе къ нимъ, проявившееся въ частыхъ путешествіяхъ русскихъ христіанъ ко св. мѣстамъ. Взглядъ на усопшихъ предковъ, какъ на духовъ покровителей, выразился въ священномъ почитаніи могилъ, въ благочестивомъ обычаѣ—посѣщать гробы родителей и поклоняться ихъ праху до земли, и въ частыхъ поминовеніяхъ усопшихъ. Изъ лѣтописныхъ разсказовъ видно, что народъ глубоко дорожилъ сосудомъ духа, какъ и самъ разсказчикъ. Разрывалось сердце у русскаго человѣка, когда онъ видѣлъ, во время страшнаго голода и мора, христіанскіе трупы, изъѣдаемые псами. Духовенство всѣми силами заботилось, въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, отдать послѣдній священный долгъ умершимъ. Во время войны, считали священною обязанностью—захватить съ собою и съ честью предать землѣ тѣла убитыхъ. Бросить безъ призора прахъ усопшаго считалось самымъ чувствительнымъ оскорбленіемъ его. Слѣдовательно, особенно велика была сила завѣщанія м. Константина—по смерти его тѣло выволочь за городъ и бросить на съѣденіе псамъ; не напрасно „народи вси дивишася о смерти его". Можно думать, что изъ всеобщаго уваженія къ праху вытекаетъ извѣстное суевѣріе, что встрѣтить покойника означаетъ счастье; тогда какъ нужно бы ожидать противнаго. Съ

сердечною теплотою говоритъ лѣтописецъ о тѣхъ веледушныхъ, которые, во время мора, „весь страхъ смертный отъ сердецъ своихъ отринувше, безъ сумненія, и чужая мертвеца, или сироты или убогіи не брегомы, тѣхъ спрятывающе и износяще, погребаху, и память по нихъ творяще проскурою и службами, спасенія дѣля себѣ и своимъ душамъ“. Если милость къ роду, живущему на землѣ, была похвальною чертою въ глазахъ лѣтописца, то милость къ роду, уже отшедшему изъ міра, считалась высокою добродѣтелью. „Аще кто память творитъ когда по родителяхъ... тогда св. Ангели Божіи приходятъ и творятъ ослабленія и покой не токмо единому человѣку, по немъ же поминаніе есть, но и всему роду его радованіе и покой бываетъ“ *). Въ слѣдствіе такого взгляда, дѣлались богатые вклады въ церкви и милостыни за упокой души. Лѣтописцевъ поражала богатая милостыня, какъ и всѣхъ современниковъ: „княгиня много раздѣли богатства монастыремъ, и попомъ и убогимъ, яко дивитися всѣмъ человѣкомъ, яко таковая милости никто же можетъ створити“.

Пастыри древней русской церкви заслуженно пользовались чрезвычайнымъ уваженіемъ, которое въ лѣтописяхъ причисляется къ великимъ добродѣтелямъ. Дѣйствительно, уваженіе къ духовенству было яснымъ признакомъ доброй души, сочувствующей всему доброму и прекрасному, поборниками котораго были іерархи. Проявленіемъ достойнаго почтенія священнослужителей были совѣты съ ними, послушаніе ихъ волѣ и, слѣдовательно, необходимыя дѣйствія въ пользу общаго блага. Эти частныя отношенія къ духовенству, равно какъ и обезпеченіе ихъ со стороны матеріальной, вызываетъ слово похвалы у лѣтописцевъ.

*) Ркп. Сборн. Солов. Б. № 925, л. 76.

Внѣшнее обезпеченіе высоко цѣнилось потому, что оно давало духовнымъ средства и свободу дѣйствовать въ пользу высшихъ общественныхъ интересовъ. Этимъ объясняются грозныя выходки лѣтописцевъ противъ лицъ, непослушныхъ пастырямъ церкви, объясняется замѣтка, что, за непослушаніе духовенству, Богъ не далъ князю долгаго княженія и т. п. Къ добродѣтелямъ относитъ лѣтописецъ принятіе князьями отъ духовныхъ благословенія, которое такъ много имѣло значенія для совѣсти людей въ старые годы.

Благодѣтельное вліяніе монашества на образованіе духовной жизни древней Россіи и содѣйствіе благоустройству житейскаго быта вызвало сильное уваженіе къ монастырямъ и монахамъ, которое ставятъ лѣтописцы на высокую степень добра и нравственности. Въ похвалу благочестивыхъ князей они говорятъ: „воздавалъ честь епископамъ и пресвитерамъ, излиха же любилъ черноризцевъ". Прославляютъ также тѣхъ князей, которые „утѣшали братію" пищею и одеждою и давали монастырямъ разныя пожертвованія и льготы. Намъ кажется, что это вовсе не личный взглядъ и сужденіе лѣтописца, какъ духовнаго лица; но общій голосъ современниковъ. Въ древнюю пору, особенно въ первоначальную, одна милостыня могла поддерживать и обезпечивать духовныя занятія благочестивыхъ иноковъ; не даромъ въ лѣтописяхъ они сопоставляются, по состоянію, съ нищими. Кромѣ того вклады въ монастыри, въ первоначальную пору, были средствомъ для облагодѣтельствованія цѣлыхъ сотенъ несчастныхъ, больныхъ и бѣдныхъ. Это богатство было „нищихъ кормленіе, въ пожарѣхъ пособіе" и проч. Послѣ этого не удивительно встрѣтить такія мысли въ древнихъ сочиненіяхъ: „Аще кто творитъ милостыню къ чернцемъ, велику мзду отъ Бога пріиметъ... Множайшу мзду иматъ

паче, неже творящаго слѣпымъ и хромымъ и прокаженнымъ *)“. Послѣднее относится преимущественно къ черницамъ, частые выходы которыхъ изъ монастыря, для снисканія необходимыхъ потребностей жизни, не могли быть слишкомъ безопасны со стороны грубаго общества. Изъ уваженія къ жизни монашеской вытекаютъ христіанскіе обычаи: путешествовать по монастырямъ для богомолья и постригаться въ монашество, особенно передъ кончиной, или во время бѣдствія. О послѣднемъ сохранилось чрезвычайно много свѣдѣній въ лѣтописяхъ, какъ о фактѣ, который служитъ вѣрнымъ залогомъ отпущенія грѣховъ и наслѣдія блаженства въ будущей жизни.

Сильно занимаютъ также лѣтописцевъ добродѣтели, которые противопоставлялись господствующимъ порокамъ времени. Начала вѣры, нравственныя силы, внесенныя ею въ общество, основанное на преданіяхъ и обычаяхъ минувшаго, не давали спокойно и самодовольно примириться съ застоемъ жизни и подвигали юное общество впередъ на пути развитія. При неодолимомъ и необузданномъ стремленіи къ матеріальной жизни, сопротивленіе и противодѣйствіе этому влеченію представлялось страшнымъ подвигомъ, поражало всѣхъ и каждаго. Чувственныя страсти сильно одолѣвали и подавляли народъ древней Руси: пьянство, съ своими неразлучными спутниками, и старая языческая привычка къ телѣснымъ наслажденіямъ не погасли въ обществѣ. Очень естественно, что постъ и умерщвленіе плоти, трезвость и воздержаніе, чистота тѣла и цѣломудріе, въ понятіи нашихъ предковъ, были недосягаемыми добродѣтелями. Лѣтописцы заносятъ на свои страницы эти черты, какъ отличительныя признаки высокой нравственности извѣстныхъ лицъ. Умерщвленіе плоти

*) Ркп. Солов. Сборн. № 823, л. 45 на об.

особенно нужно было въ то время для людей грубыхъ, которыхъ только могли обуздывать смягчать чувственныя средства. Постъ уравнивалъ и богача сластолюбца и бѣдняка въ качествѣ пищи. Сознавая силу и необходимость поста, пастыри древней церкви строго преслѣдовали, кто ѣстъ мясо въ великое говѣнье и прямо высказывали основаніе: „Рать въ насъ есть многа и противится плоть духови и духъ плоти. Потребно убо есть по истинѣ быліе постное: то бо кротитъ тѣлесныя страсти, то обуздываетъ противная стремленія и духови даетъ тѣлесное покореніе... Постъ основаніе есмь добродѣтели; того ради во всемъ мірѣ, яко же солнце всіяенъ есть". Пощеніе очищаетъ душу и тѣло, и ангеломъ равны сътваряетъ и на небо возводитъ *)". Потому-то, въ старое время, смотрѣли на постъ не какъ на средство только усовершенія нравственности; но онъ самъ, въ глазахъ нашихъ предковъ, былъ величайшимъ совершенствомъ жизни. Изъ уваженія къ посту даже не начинали войны, и лѣтописцевъ поражало, при описаніи голода, то, что многіе принуждены были ѣсть мясо въ постные дни, или конину въ великое говѣнье. Строгость соблюденія поста до того простиралась, что пастыри должны были писать, чтобъ не морили голодомъ больныхъ дѣтей. Не покажется страннымъ читать слова лѣтописи послѣ такого значенія поста: „Пелгуй, или въ крещеніи Филиппъ, жилъ богоугодно, въ среду и въ пятокъ пребывалъ въ алчбѣ; поэтому сподобилъ его Богъ увидѣть видѣнье страшное" и проч.

Всеобщее господство и разгулъ личныхъ страстей, жажда къ золоту и исключительному довольству, грозили голодною смертью многимъ несчастнымъ, при упадкѣ силъ и здоровья, при недостаткѣ самостоятельнаго труда и друг.

*) Рус. Дост. 1. 62 стр.; Пам. XII в. 88 стр.; Нестор. 79.

способовъ пропитанія. Неумолимая жестокость заимодавцевъ преслѣдовала безпощадно несчастныхъ должниковъ, которые не въ состояніи были удовлетворить непомѣрнымъ требованіемъ процентовъ. Вотъ почему состраданіе къ бѣднымъ, милосердіе и щедроты поставляютъ лѣтописцы одною изъ высочайшихъ добродѣтелей въ отношеніи къ ближнимъ. Равноапостольный князь, по словамъ Нестора, милостынею разсыпалъ всѣ грѣхи. Въ лѣтописяхъ болѣе всего восхваляется „дивная и славная милостыня"; „она омываетъ всѣ прегрѣшенія отъ насъ и небесныя врата отверзаетъ, и ярость Божію на кротость и на милость претворяетъ; милостыня безъ труда на небеса возводитъ и съ дерзновеніемъ у престола Божія поставляетъ *)". Какъ слѣдствія милостиваго настроенія духа, лѣтописцы хвалятъ гостепріимство, страннопріимство и угощенія народа князьями.

При немощныхъ мѣрахъ гражданскаго управленія въ древней Россіи, надутое честолюбіе и жадное корыстолюбіе своевольно злодѣйствовали, не стѣсняясь властью закона; грубая сила и самоуправство, укрѣпленныя обычаемъ, безнаказанно буйствовали, не встрѣчая грознаго сопротивленія. Служители правосудія, движимые исключительно личными разсчетами, держали въ рукахъ не вѣсы правды, а вѣсы обыкновенныя, для повѣрки количества золота и другаго рода поборовъ, за которые продавали каждое свое дѣйствіе. Самые ближайшіе совѣтники князя старались чрезъ него удобнѣе достигнуть своихъ корыстныхъ цѣлей. „Раздавался плачь, рыданіе и вопль", по словамъ лѣтописи. При такомъ состояніи общественной нравственности, возстановленіе власти закона,

*) Пам. XII в. стр. 88, 90; Ркп. Солов. сборн. № 829, Л. 622 на об. и др.

развитіе понятій о порядкѣ, строгость къ злодѣямъ, оправливаніе и присмотръ самаго князя, не слушающаго льстивыхъ внушеній, за ходомъ правосудія, безстрашіе предъ сильными были величайшимъ благодѣяніемъ для народа и поставлялись лѣтописцами въ особенную похвалу и добродѣтель князьямъ.

Въ эту несчастную пору, когда, по словамъ древняго поученія, „кождо на зло руцѣ уготовляетъ: суди емлютъ, князь грабитъ и изъядаетъ, сильный сокрушаетъ немощнаго,—заступающаго не бѣ, а сокрушаетъ и погубляетъ всякъ“,—въ эту пору, при недостаткѣ сопротивленія, страхъ жестокаго и безпощаднаго насилія, естественно, развивалъ, въ слабыхъ и безпомощныхъ, скрытность и ложь, хитрость и коварство. Принужденные къ нравственнымъ обязательствамъ, они, по свидѣтельству того же поученія, „окаяннымъ дьяволомъ омрачени и поспѣхомъ его одержими, о Бозѣ ротятся и кленутся, крестъ цѣлуютъ ротою, до церкви и до олтаря и до страшныхъ таинъ Божество поставляютъ, на пагубленіе свое. Да убо удивися небо о семъ, сіи же не чувствуютъ богоотметницы и преступницы“. *) Когда, такимъ образомъ, правда и крестное цѣлованіе, по выраженію лѣтописи, взлетѣли на небо, вѣрность клятвѣ честнымъ крестомъ, которая была первою и важнѣйшею, и въ Греціи и въ Россіи, и прямота души—были свойствами прекрасными въ высшей степени; тѣмъ болѣе что отсутствіе ихъ часто влекло за собою опустошеніе цѣлыхъ областей, подвергало нуждѣ и горю тысячи семействъ. Лѣтописцы грозно вооружаются, противъ преступленія крестнаго цѣлованія и нарушенія, обѣщаній

*) Поученіе Епископомъ, всѣмъ Христолюб. Княземъ и всѣмъ Правовѣр. Христ. Ркп. Сбор. Сослов. № 860, полов. XVI в. Поученіе относится ко времени Татар. Господства,—о чемъ упоминается въ немъ.

обличеніями и укоризнами; а строгимъ исполнителямъ даннаго съ клятвою слова приписываютъ высокую похвалу.

При отсутствіи сознательнаго права, въ отношеніяхъ между народами и вообще сторонами воюющими, война составляла, уполномоченный и освященный стариной и привычкой, грабежъ и раззореніе: жестокость не знала границъ; жгли и рубили безъ разбора; пощады не было никому и ничему. По этому, миролюбивый князь, въ глазахъ народа и лѣтописца, казался лицомъ высокой нравственности, ангеломъ-хранителемъ своихъ подданныхъ. А такъ какъ главною причиною, нарушившею общественное спокойствіе и тяготившею на Руси, былъ раздоръ братьевъ и родственниковъ, доходившій до страшныхъ размѣровъ и часто оканчивавшійся неслыханными ужасами противо-естественной жестокости; то братолюбіе ставятъ лѣтописцы въ число главныхъ добродѣтелей, а за нимъ вообще милость къ роду.

Изъ уваженія къ матеріальной силѣ, по которому богатырей называли „Божіими людьми“, а еще болѣе отъ взгляда на войну съ невѣрными, какъ на дѣло защиты храмовъ Божіихъ и св. Вѣры, — лѣтописцы самую храбрость относятъ къ кругу христіанскихъ добродѣтелей. Въ слѣдствіе такого значенія войны, образовалось убѣжденіе, и у пастырей церкви Русской, и у князей и у народа, что убіеніе на брани служитъ непремѣннымъ залогомъ спасенія: „дай нашъ Богъ, за христіанъ и за русскую землю, головы свои сложить и къ мученикамъ причтенными быть!“ — говорили князья предъ войной съ Половцами. Вообще, сличая лѣтописныя замѣтки о нравственности народа съ другими произведеніями древней письменности, мы замѣчаемъ, что, въ посланіяхъ и поученіяхъ, проповѣдники внушаютъ народу и хвалятъ тѣ же добродѣтели

и вооружаются противъ тѣхъ же пороковъ, какіе имѣютъ въ виду и лѣтописцы.

Древній русскій человѣкъ, какъ дитя, жилъ и руководился, въ своей дѣятельности, преимущественно, христіанскимъ чувствомъ и, при недостаткѣ сознанныхъ нравственныхъ правилъ, побужденіемъ къ добру, главнымъ образомъ, служили ему представленіе награды и страхъ наказанія. Строилъ ли онъ храмъ, содѣйствовалъ ли благолѣпію Богослуженія, благоговѣлъ ли предъ духовными и монахами, жертвовалъ ли отъ своего пріобрѣтенія въ церковь, монастырь, бѣднымъ и несчастнымъ, старался ли погасить буйныя страсти тѣла, заботился ли о правосудіи и проч.,—все это онъ совершалъ не изъ прямой любви къ вѣчному добру, не изъ сознанія долга, основаннаго на достоинствѣ своего лица, какъ образа Божія, и на достоинствѣ человѣка, какъ брата; но дѣлалъ это болѣе по одному побужденію и съ единственною цѣлью: „на очищеніе своимъ грѣхамъ и на поминокъ единородныхъ и безсмертныхъ своихъ душъ и всего роду своего, еже есмь во искупленіе дому и во изрученіе грознаго и неизбѣжнаго онаго мѣста мучимаго, идѣже онъ богатый немилостивый страждетъ“. Лѣтописцы имѣютъ такое же воззрѣніе и на дѣло нравственности и равнодушно вызсказываютъ это. Въ дѣлѣ добра, древній христіанинъ видѣлъ болѣе путь къ собственному спасенію и счастію, услаждался внутреннимъ добрымъ движеніемъ и умиленіемъ, не заботясь о плодахъ посторонних, независимыхъ отъ плодовъ лично-душевныхъ. Вмѣсто любви, у него было послушаніе,—и стремленіе къ добру было уже добродѣтелью. При взглядѣ на Бога безконечно-правосуднаго, непосредственно дѣйствующаго въ царствѣ человѣческомъ, эти побужденія къ добродѣтели были такъ сильны, что, кромѣ общей для добрыхъ награды, для злыхъ наказанія на небесахъ,—всякое бла-

госостояніе земное считалось вознагражденіемъ за добро, а несчастіе—наказаніемъ за грѣхъ. Не опираясь на сознательныя правила и отличаясь неопредѣленностію цѣли, древній русскій человѣкъ дѣлалъ добро отрывочно, сообразно частнымъ обстоятельствамъ личной жизни или внѣшнихъ побужденій. По этому, добрыя дѣла особенно замѣтны въ минуты радости и во дни несчастія. Въ лѣтописяхъ очень много говорится о народныхъ бѣдствіяхъ и поразительныхъ явленіяхъ природы, съ полнымъ сознаніемъ, что онѣ имѣли самое благотворное вліяніе на нравственное состояніе общества русскаго. Опустошительныя нашествія иноплеменниковъ, грозныя и разрушительныя явленія природы производили сильное впечатлѣніе на совѣсть христіанина, образумливали его среди грубой и низкой жизни, побуждали къ немедленному раскаянію и удовлетворенію карающему правосудію. Въ такое время отказывались многіе отъ міра; духовенство пѣло молебны и совершало крестные ходы; міряне молились съ горькими вздохами, творили милостыню и дѣлали разныя пожертвованія, налагали на себя суровый постъ и строили церкви. Мысль о кончинѣ міра, предсказанной Спасителемъ въ связи съ грозными явленіями природы, тотчасъ приходила на память, какъ громъ поражала немощную совѣсть, усиливала всеобщій ужасъ, наполняла сердца отчаяніемъ и сокрушеніемъ; всѣ готовились къ разставанію съ міромъ, мучительно скорбѣли о грѣхахъ и прощались другъ съ другомъ. Лѣтописцы, описывая подробно поразительныя для нихъ явленія, невольно знакомятъ съ нравственнымъ состояніемъ общества.

Въ 1421 году, во время наводненія и сильной бури въ Новгородѣ, „такая была скорбь, что люди думали, будто потопъ нашелъ на нихъ“. Черезъ нѣсколько времени разразилась страшная гроза: „Люди полагали за вѣрное,

что пламя пожжетъ грѣшниковъ и начали кричать: Господи, помилуй! и обѣты приносили всѣмъ святымъ; молились со многими слезами и воздыханіями изъ глубины сердца". Въ 1460 году, по тому же поводу, „многіе по городамъ и селамъ отчаялись въ жизни, другъ у друга прощенія просили, слезы проливали, съ воздыханіемъ къ Богу моленія приносили, многою скорбію и сѣтованіемъ одержимы были. Плакали горько и думали, что настала кончина и должно разстаться съ жизнію". Послѣ подобныхъ описаній, лѣтописцы часто прибавляютъ нравственную сентенцію: „это было смотрѣніе милосердаго Бога къ нашему назиданію. Онъ устрашаетъ и предупреждаетъ, а иногда наказываетъ насъ, имѣя въ виду отучить насъ отъ грѣховъ, чтобъ не до конца увязли въ сѣтяхъ козней дьявольскаго ловленія; потому что большая нужда и злая скорбь устрашаетъ и приводитъ человѣка къ вѣрѣ". Эти слова глубоко-истинны въ отношеніи къ древнему русскому человѣку. Что могло смирить буйную волю, какъ не мысль о наказаніи? Дикій произволъ и наглыя нарушенія утихали предъ страшнымъ судомъ. Страхъ, трепетъ и внѣшняя сила обуздывали человѣка и замѣняли безсильный законъ. Доселѣ сохранилась пословица: „громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится". И стремленіе къ добру, въ грустное время, было пламенно, но непродолжительно: оканчивалась гроза и все шло по старому. Радостныя событія въ отечествѣ возбуждали также религіозное чувство и усиливали проявленіе его въ добрыхъ поступкахъ. Читатель лѣтописей можетъ замѣтить и вѣрно заключить, что, и въ жизни частныхъ лицъ, горестные и радостные дни и событія ознаменовывались болѣе всего добрыми дѣлами. Кромѣ общаго внѣшняго характера, свойственнаго всему церковно-историческому содержанію лѣтописей, извѣстія о состояніи нравственности

древней Россіи отличаются, повидимому, рѣзкими противорѣчіями и крайностями. Но и здѣсь лѣтописи служатъ выраженіемъ описываемой жизни, которая, дѣйствительно, слагалась изъ добра и зла, доведенныхъ до крайности.

Руководство христіанскаго чувства въ нравственной дѣятельности быстрѣе и, часто, вѣрнѣе, нежели внушенія просвѣщенія; но не уравновѣшенное, не поддержанное христіанскимъ образованіемъ, чувства, какъ свѣтъ лампады, при недостаткѣ масла, то тускло мерцаетъ, то вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ и скоро можетъ угаснуть. Не имѣя твердо-опредѣленныхъ нравственныхъ правилъ, направляя дѣйствія по привычкѣ, по впечатлѣнію и движенію чувства, или по побужденію власти и силы, русскій человѣкъ увлекался до излишества въ дѣятельности и впадалъ въ крайности добрыя и злыя. Не имѣя сознанія долга, на чемъ зиждется могущество совѣсти, человѣкъ на долгъ смотрѣлъ, какъ на внѣшнюю заповѣдь, которой не отвѣчали его внутреннія стремленія. Отсюда борьба высокихъ внѣшнихъ требованій съ низкимъ внутреннимъ влеченіемъ. Обычаи и страсти были могущественными двигателями общества, а чувство не могло противопоставить имъ неподвижнаго оплота. Въ лѣтописяхъ, дѣйствія и отношенія лицъ представляются подъ вліяніемъ необузданныхъ страстей, отъ которыхъ быстро переходитъ человѣкъ къ самому строгому противоборству ихъ напору. Но онъ сдавливаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не прорвутся съ новымъ бѣшенствомъ. Отъ того разногласіе въ словахъ и дѣйствіяхъ; искреннія обѣщанья и рѣшительныя стремленія къ добру нарушаются весьма скоро. Эта борьба рѣзко обнаруживается и въ отдѣльныхъ лицахъ и въ цѣломъ обществѣ,— что отчасти уже можно видѣть изъ вышезамѣченнаго о нравственномъ состояніи древняго Русскаго общества.

Не смотря на высокую жизнь духовенства и его за-

слуги для общества, много въ немъ было недостатковъ. Во всей наготѣ, эта черная сторона обнаружена въ древнихъ поученіяхъ. Но и лѣтописи сообщаютъ извѣстія, что кромѣ истинно-добрыхъ и заботливыхъ пастырей, были, въ древней церкви, и равнодушные къ общему благу, и неспособные къ строенію дѣла Божія, и наемники, и гонители, отъ которыхъ много терпѣло стадо Христово. Неизвѣстно, до какой степени вѣренъ разсказъ лѣтописца о Ѳедорцѣ, который подвергалъ ужаснымъ мученіямъ не хотѣвшихъ насытить его жадности къ золоту, открыто ругался надъ святыней и богохульствовалъ; но и кромѣ того, по свидѣтельству лѣтописей, были духовныя лица, которыя отличались не трезвымъ поведеніемъ, грабили церкви и монастыри, поставляли на мздѣ святителей и священнослужителей. Были епископы, которые „презрѣвъ Божественный судъ и поправъ своего святительства совѣсть, преобидѣвъ свое обѣщаніе и клятву и крестное цѣлованіе", обнаруживали двоедушіе, коварство и обманъ въ посредствующихъ сношеніяхъ съ князьями.

Замѣчательно, что въ лѣтописяхъ чрезвычайно мало говорится о недостаткахъ жизни монастырской; но, и по немногимъ даннымъ, можно судить о разладѣ жизни и въ самыхъ монастыряхъ. По свидѣтельству еще преподоб. Нестора, было много обителей, которыя „поставлены не слезами, постомъ, молитвою и бдѣньемъ, но отъ богатства царей и бояръ". Есть извѣстія, что „игумены смирились о земномъ дѣлѣ",—что два монастыря не хотѣли устроить общины у себя, потому что „въ безчиніи обыкоша жити, и Архіепископу сказали о нуждѣ своей, какой у нихъ не было" и т. п. Наряду съ извѣстіями лѣтописей о чрезвычайной любви къ храмамъ, всякой святынѣ и богослуженію, въ которыхъ дорожили малѣйшими чертами, стоятъ разсказы, что, во время пожара и суматохи, гра-

бители врывались въ церкви, похищали чужое добро, снесенное туда для сохраненія, и часто пятнали христіанскою кровію самый священный помостъ храма и проч. Рѣзко выдается благоговѣйное уваженіе къ пастырямъ и монастырямъ и послушаніе ихъ волѣ; но, во время разгула страсти, голосъ ихъ оставался безсиленъ, и самихъ ихъ не спасали отъ угнетеній ни высокія ихъ заслуги, ни неприкосновенность свящ. сана. При волненіи народа или въ вихрѣ военныхъ бѣдствій, мечь, огонь и грабежъ опустошали монастыри,—оскорбленія и ругательства сыпались на благочестивыхъ иноковъ. Когда же стихали бурныя волны страстей, сознаніе преступленія входило въ права свои, человѣкъ повергался въ прахъ предъ святыней и лицами, заслужившими всеобщее уваженіе, чувствовалъ себя глубоко виновнымъ, сильно желалъ загладить свои пороки и насилія подвигами добра и правды, и быстро переходилъ изъ одной крайности въ другую. Искреннее и порывистое стремленіе къ самоусовершенствованію и неутомимое желаніе избавиться отъ грѣха быстро увлекали отъ ненавистнаго положенія къ доброму. Но противодѣйствіе кипучихъ, бунтующихъ страстей не умолкало,— и человѣкъ, при недостаткѣ сознанія правилъ и твердаго взгляда, смиряемый нелицемѣрнымъ судомъ грозной правды,—въ дѣлѣ добра схватывалъ одну внѣшнюю сторону, считалъ ее достаточною—загладить свою виновность. Такимъ образомъ, личнымъ страстямъ все-таки оставался свободный выходъ,—и самые труды и подвиги служили нерѣдко вѣрнымъ средствомъ къ прикрытію и лучшему достиженію личныхъ цѣлей. Многіе созидали и украшали храмы въ полной увѣренности—избавиться отъ грѣховности, а „нищихъ не миловали, брата скорбящаго презирали, который паче онаго храмъ истиннѣйшій“. Уваженіе къ святынѣ было чрезвычайно сильно: св. воду Богоявленій

заповѣдуется „соблюдати честнѣ, яко самыхъ причастій св. таинъ“. Молитву и крестные ходы считали такою сильною добродѣтелью, что признавали достаточнымъ, для спасенія вѣчнаго и избавленія отъ бѣдъ временныхъ, одно исполненіе обряда, безъ внутренняго самоочищенія; чтеніе извѣстныхъ буквъ молитвы считалось спасительнымъ отъ пожара, грозы, потопленія, укушенія змѣи, нападенія разбойниковъ; явились молитвы врачевальныя отъ всякаго недуга и даже отъ безсонницы *). Многіе проводили праздники, поминали усопшихъ, путешествовали ко св. мѣстамъ, чтобы имѣть хорошіе случаи ѣсть, пить, и пьянствовать; погребеніе въ церкви и постриженіе предъ смертію считали средствомъ загладить грѣхи всей жизни и вступить въ рай; тоже нужно замѣтить и о причащеніи, въ моментъ смерти. На вклады въ церкви и монастыри такъ надѣялись разнаго рода преступники, что самый неправедный прибытокъ несли на пользу души своей; поэтому, въ древнихъ сочиненіяхъ, подъ ужасными угрозами, запрещается принимать отъ преступниковъ приносы въ церковь **). Было убѣжденіе, будто монастырь умолитъ Бога за того, кто отдаетъ ему наслѣдство, помимо родственниковъ. Занимаясь вопросами о качествѣ и количествѣ кушанья, на разныя дни года, о величинѣ той части, изъ которой заповѣдали св. Отцы выпивать на праздникъ,—предки наши до того довели уваженіе къ святости

---

*) Напр. Ркп. Сол. Сборн. № 813, л. 48 на об. Поучен. русское, приписанное Златоусту; также: листъ 542. Въ Сбор. № 839 есть даже замѣчательная статья подъ заглавіемъ: „Послѣдованіе о причащеніи св. воды“, Л. 147 на об. Еще см. Сбор. Солов. № 447; Опис. Рум. Муз. стр. 514 и мн. др.

**) Ркп. Сбор. Солов. № 829, „Отъ слова на сошествіе св. Духа“. Л. 474. „Сказаніе о божеств. Писаній о праздникахъ“; Л. 553. Степ.; кн. 1, 279; Пам. XII в. 176, 203. Ркп. Солов. Сборн. № 854. Л. 585. Также № 860, Л. 83—5; № 924, глава 23. Акт. Истор. 1, № 109.

поста, что говѣніе въ извѣстные дни предлагалось, какъ жертва Богу, вполнѣ достойная небесной награды: „мѣсяца Марта, аще, кто постится человѣкъ 4 дни: недѣлю, понедѣльникъ, среду и пятокъ, да причтется четырсмъ надесяти родамъ Авраамлимъ". Многіе уходили въ монастыри отъ нищеты и отъ обязанности воспитанія дѣтей,— „чревоугодіе творити, отбѣгая пораженія своего" *). Все это, конечно, естественно было при наивномъ взглядѣ на церковно-обрядовую сторону христіанства, и человѣкъ, когда стремился къ подобнымъ дѣйствіямъ, вовсе не сознавалъ ничего предосудительнаго въ нихъ, а видѣлъ только одну спасительную сторону; ему никакъ не могло придти въ голову, чтобъ святое дѣло могло потворствовать страстямъ, прикрывая низкую цѣль. И лѣтописцевъ, по той же причинѣ, не занимали эти явленія нравственной жизни и они не касаются ихъ; только передаютъ много фактовъ о злоупотребленіи монашескимъ званіемъ. Они говорятъ, впрочемъ равнодушно, о насильственныхъ постриженіяхъ въ иноческій чинъ, о самовольномъ оставленіи его, о принятіи монашества, какъ средства избѣжанія гражданскаго наказанія за преступленія.

Много распространяются лѣтописцы о церковно-обрядовой сторонѣ христіанства, даже нерѣдко доходили до мелочныхъ, утомительныхъ подробностей, которыя имъ весьма нравились. Менѣе говорятъ о состояніи нравственности, но все можно составить, хотя не полное понятіе о тогдашней жизни. И, какъ нарочно, почти не сообщаютъ никакихъ данныхъ, которыми особенно дорожитъ современный историкъ и безполезно усиливается отыскать ихъ

---

*) Псков. Лѣт. 115. Сборн. Солов. № 829, л. 654; № 860 л. 215; № 803 л. 30—1. Опис. Рум. Муз. стр. 228 и 514. Измарагдъ Солов. Б. № 270.

въ лѣтописяхъ. Лѣтописи не даютъ извѣстій о состояніи христіанскаго просвѣщенія, о его ходѣ, объемѣ, развитіи и вліяніи. Онѣ ограничиваются поверхностными замѣчаніями о судьбѣ книгъ и о усвоеніи книжной мудрости нѣкоторыми лицами. Въ древней русской жизни, гдѣ все подчинено было началу вѣры, образовался высокій религіозный взглядъ на книжную мудрость. „Первый убо, велій всѣхъ даровъ, письменное поученіе. Солнце бо и луна, звѣзды и ликъ рѣки, источники и озера,—се тѣлеснѣй устрой бѣ сбышась. Святое же писаніе къ душевному исправленію вдашася". „Сладко бо медвенъ сотъ и добро есть сахаръ, обоего же добрѣе книжный разумъ: сія бо суть сокровищи вѣчныя жизни" *). Какъ вмѣстилище божественной мудрости, какъ средство къ нравственному усовершенію и утвержденію въ Вѣрѣ, какъ путь къ небесной жизни,—книги въ древности пользовались большимъ почетомъ и благоговѣніемъ. Онѣ не иначе назывались, какъ святыми, божественными и т. п. На нихъ смотрѣли, какъ на всякую священную вещь храма, какъ на всякую принадлежность богослуженія. Усердіе переписчиковъ книгъ, такъ же какъ трудъ мастеровъ церковныхъ, считалось не только дѣломъ святымъ, но и спасительнымъ, достойнымъ вѣчной награды. Напротивъ, къ нерадивымъ писцамъ относился грозный приговоръ: „горе пишущимъ св. Божіи книги, а страха Божія и вѣры правы въ сердцы не имуще. Таковый осуженъ есть муцѣ вѣчнѣй и огню негасимому" **). И писцы брались за дѣло, какъ за подвигъ богоугодный, съ теплою молитвою, въ надеждѣ милость отъ Бога пріяти, здравіе и спасеніе. Распространеніе книгъ было также дѣломъ

*) Ркп. Солов. Сборн. № 813 л. 415 на об. Пам. XII в. стр. 133.
**) Опис. Рум. Муз. стр. 692.

высокой важности. Книги жертвовали въ церкви и монастыри, какъ всякія церковно-богослужебныя принадлежности, себѣ и дѣтямъ на здравіе при жизни, на вѣчную память и отпущеніе грѣховъ по смерти. Въ древности, кто чаще и больше читалъ книги, тотъ утверждался въ Вѣрѣ Христовой и нравственныхъ правилахъ, —и, по понятію народа, былъ высокой жизни человѣкъ: „иже бо книги часто четъ, то бесѣдуетъ съ Богомъ, или святыми мужи“. Большая же часть древнихъ книжниковъ не углублялась въ смыслъ книгъ; самое умѣнье чтенія считали уже заслугою, книжною мудростью. А кто умѣлъ не только читать, но понимать написанное и объяснять просто и показывать на дѣлѣ; то эту мудрость считали низпосланною свыше: „Блаженный Авраамій Смоленскій бѣ хитръ почитати, дастъ бо ся ему благодать Божія не токмо почитати, но и протолковати, я же мнозѣмъ не свѣдущимъ и отъ него сказанная всѣмъ разумѣти“ *). Неграмотный простой народъ съ любовью лобызалъ св. Евангеліе и другія богослужебныя книги, смотрѣлъ на нихъ съ тѣмъ уваженіемъ и благоговѣйнымъ страхомъ, какъ смотрятъ дѣти на непонятныя для нихъ, загадочныя вещи, и въ самой ихъ внѣшности полагалъ духъ мудрости. Не понимая, что это за мудрость, онъ представлялъ ее какою-то таинственною, живою силою, усвоеніе которой слишкомъ трудно и почти невозможно.

Всеобщее уваженіе къ книгамъ, въ древней Россіи, заставляло и лѣтописцевъ обращать частое вниманіе на судьбу книжной мудрости и ея вмѣстилищъ; но они заносили на свои страницы самыя краткія замѣтки объ этомъ занимательномъ предметѣ, не возвышаясь надъ со-

*) Правосл. Собес. 1858 г. за Сентябрь. Житіе Препод. Авр. Смол. Лаврент. 186 и др.

временнымъ взглядомъ, и часто совершенно мимоходомъ. Они, главнымъ образомъ, касаются судьбы книгъ, по поводу устройства церкви или ея разрушенія, когда перечисляютъ ея принадлежности. Въ этомъ перечнѣ церковныхъ принадлежностей, книги стоятъ наряду съ иконами, кадиломъ, ризами, свѣчами, колоколами и другими священными принадлежностями храма, и имъ не дается никакого знака предпочтенія. „Въ лѣто 1171, марта 8, взяли имѣнья множество и церкви обнажили отъ иконъ и книгъ и ризъ, и колокола вынесли всѣ“ и проч. Кажется, самихъ лѣтописцевъ занимало болѣе внѣшнее украшеніе книгъ, чѣмъ внутреннее содержаніе ихъ. По крайней мѣрѣ, такъ можетъ заключать на основаніи совершеннаго отсутствія извѣстій о внутреннемъ достоинствѣ книгъ, какихъ бы то ни было, и слѣдующаго описанія наружнаго убранства и цѣнности. Владиміръ Васильковичь Волынскій „Евангеліе написалъ Апракосъ, оковалъ все золотомъ и камнями драгими съ жемчугомъ, деисусъ на немъ скованъ изъ золота, цаты большія съ финифтью, чудно видѣніемъ; другое Евангеліе Апракосъ же волоченное оловаромъ, цату возложилъ на нее съ финифтью, а на ней св. мученики Борисъ и Глѣбъ“. Нельзя составить понятія, по лѣтописнымъ отзывамъ, и о степени просвѣщенія извѣстныхъ лицъ. Они слишкомъ общи: извѣстный пастырь былъ „учителенъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ“, „исполненъ книжнаго ученья“. О нѣкоторыхъ князьяхъ иногда совершенно случайно говорится: онъ „былъ книжникъ и философъ“, или „исполнялъ церкви книгами и всякими украшеніями“. Говоря о посольствѣ епископа, лѣтописецъ прибавляетъ: „Володимеръ разумѣлъ притчи и темное слово—былъ книжникъ великій и философъ, какого не бывало во всей земли и по немъ не будетъ“. Встрѣчаются извѣстія, характеризующія лѣтописца,

а съ нимъ и вообще древняго русскаго человѣка, который руководился болѣе впечатлѣніями и не умѣлъ углубляться въ сущность дѣла. На прим. говорится, что привезли или читали грамату „вельми любезно и слезъ достойно", и ни слова не высказывается ни о ея содержаніи, ни о поводѣ, по которому она прислана или читана.

О темной сторонѣ просвѣщенія христіанскаго, т. е. о ересяхъ и расколахъ, появлявшихся въ древней русской церкви, лѣтописи или совершенно молчатъ, или упоминаютъ въ короткихъ словахъ. Признавая мудрость таинственно-живою силою, наши предки дѣлили ее на два разряда: мудрость отъ Бога, — благодатную, и мудрость отъ діавола или чернокнижіе; пагубной мудрости діаволъ научаетъ иновѣрцевъ и всѣхъ людей еретическихъ мнѣній. На языкѣ древнихъ русскихъ памятниковъ еретикъ, нехристь, чернокнижникъ, чародѣй, волхвъ—слова однозначущія. Опасеніе, чтобъ прилипчивая ересь и прокаженная мудрость не поразила христіанина, при столкновеніи съ иновѣрцемъ, или еретикомъ, заставляло предписывать запрещеніе ѣсть и пить съ ними изъ одной посуды, освящать купленную у нихъ пищу и носить при себѣ разныя травы, „вельми добрыя противъ всякаго еретика, супротивника и лихаго человѣка". Поэтому, еретическое ученіе не останавливаетъ на себѣ вниманія лѣтописца; его болѣе занимаетъ наказаніе лживыхъ людей и развратниковъ вѣры: „обыскали еретиковъ, повелѣли лихихъ смертною казнью казнити; и сожгли въ клѣткѣ дьяка Волка Курицина" и пр. „Стригольниковъ побили, дьякона Никиту, дьякона Карпа и третьяго человѣка его, и сбросили ихъ съ мосту". И ни одного почти слова нѣтъ о лжеученіи и о ходѣ дѣла. При извѣстномъ настроеніи древней жизни и отсутствіи умственнаго движенія, конечно, и не могло появиться ересей, касающихся

догматическаго ученія вѣры. Въ русской церкви разногласія и споры касались почти исключительно обрядовой стороны христіанства, а иногда ересью называли даже одно неправильное пониманіе слова, напримѣръ: *кустодіи*, подъ которой разумѣли *служанку Пилата*. Въ слѣдствіе этого, гдѣ касается лѣтописецъ споровъ о церковно-богослужебной сторонѣ христіанства, тамъ излагается дѣло подробнѣе: видно, что ему это было дорого, интересовало его,—и общество христіанское, по крайней мѣрѣ, въ числѣ главныхъ членовъ, болѣе принимало здѣсь участія. Такъ довольно обстоятельно описанъ споръ о хожденіи посолонь при освященіи церкви, объ отрѣшеніи отъ службы вдовствующихъ поповъ и особенно споръ о постѣ въ среду и пятокъ, такъ долго занимавшій юные умы передовыхъ людей стараго времени и продолжавшійся съ такою силою и настойчивостью. О нравахъ и законахъ, равно какъ и о соборахъ церкви русской также почти ничего не говорится, тѣмъ менѣе о побужденіяхъ, цѣли и слѣдствіяхъ соборныхъ рѣшеній. Есть извѣстіе о соборахъ по поводу споровъ о тѣхъ же предметахъ, о какихъ выше упомянуто, и еще по поводу разрѣшенія поста Ростовскимъ епископомъ въ навечеріе богоявленія. Это, въ свое время, считали такимъ преступленіемъ, за которое душа прямо должна пойти „въ безконечныя вѣчныя муки во адовѣ пропасти, и въ этомъ зломъ грѣхѣ нужно было каяться до конечнаго издыханія". Такъ было велико значеніе обрядности для нашихъ предковъ!

Самыя скудныя свѣдѣнія находятся въ лѣтописяхъ и объ остаткахъ языческой старины и о различныхъ суевѣріяхъ, крывшихся въ народѣ, и притомъ—только въ раннюю пору лѣтописей. Кромѣ единственно-полнаго извѣстія пр. Нестора, есть двѣ, три самыя краткія и неопредѣленныя замѣтки. Напримѣръ, о появленіи въ Новгородѣ

волхвовъ и о судьбѣ ихъ, о сожженіи вѣдьмъ, о мѣшкѣ зѣлій, найденномъ у попа. Очень понятно, что лѣтописца занималъ фактъ, внѣшнее явленіе, и онъ не могъ возвыситься до пониманія его смысла, значенія и идеи. При томъ онъ самъ раздѣлялъ иногда суевѣрный образъ мыслей съ своими современниками.

Хотя древняя жизнь и письменность не отличались ни большимъ разнообразіемъ, ни измѣнчивымъ теченіемъ,— всетаки, при тщательномъ изученіи лѣтописей, можно уловить нѣсколько характеристическихъ оттѣнковъ содержанія того или другаго времени, а съ половины XVI вѣка содержаніе лѣтописей получаетъ рѣзкія отличительныя особенности. Но, въ настоящей статьѣ, мы ограничились изложеніемъ взгляда за церковно-историческое содержаніе лѣтописей, до половины XVI вѣка, только въ общихъ чертахъ. Намъ только хотѣлось показать смыслъ и значеніе лѣтописныхъ фактовъ, какъ матеріала церковно-историческаго; а для этого, мы часто поставлены были въ необходимость прибѣгать къ объясненіямъ постороннимъ. Считаемъ нужнымъ также замѣтить, что мы брали во вниманіе лѣтописи только въ полномъ собраніи, изданномъ Археографической Коммиссіей.

ВЗГЛЯДЪ

ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЦЕВЪ НА СОБЫТІЯ МІРА.

II.

ВЗГЛЯДЪ

древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра.

На какой бы степени развившагося сознанія ни стоялъ человѣкъ, духъ его неодолимо стремится извѣдать минувшее и удержать въ памяти его образъ. Кромѣ этого естественнаго стремленія, силою котораго преданія всякаго рода идутъ преемственно отъ поколѣнія къ поколѣнію,— русскихъ лѣтописцевъ побуждали къ труду другія, высшія чувствованія. Важныя дѣла св. Церкви и христіанскаго государства, въ которыхъ очевиднымъ образомъ проявляется Божественный промыселъ, нравственные подвиги достославныхъ лицъ, по своей возвышенности, святости и вліянію на общество, воспламеняли въ свидѣтеляхъ этихъ дѣлъ ревностное желаніе—передать въ родъ и родъ память о нихъ. „Мы грѣшніи раби Христови, говоритъ лѣтописецъ послѣ разсказа о спасеніи земли русской отъ страшнаго завоевателя Тимура, слышавше сіе удивленіе Господа нашего Іисуса Христа, пречистой Его Матери Богородицы, понудихъ сія писанія предати во славу имени Господа Іисуса и пречистой Его Матери, Владычицы и

Заступницы нашей Богородицы. Богу нашему слава“ и проч. По словамъ другаго лѣтописца, „добродѣянья во вѣки святятся, записанныя въ хронографъ въ память дѣтямъ“ *). Отличаясь по природѣ своей практическимъ направленіемъ, русскій человѣкъ выражалъ его во всякой отрасли древней письменности. Не говоря объ обиліи древнихъ поученій, церковныхъ бесѣдъ и другихъ статей нравоучительнаго содержанія, въ самыхъ народныхъ произведеніяхъ повѣтствовательнаго рода отразилось нравоучительное направленіе: имъ проникнуты и всѣ лѣтописи. Увѣковѣчивая замѣчательныя явленія Церкви и отечества, русскіе лѣтописцы руководились въ своихъ трудахъ главнымъ образомъ желаніемъ—способствовать нравственному усовершенію современниковъ и потомковъ: „Дѣло Божіе и святыхъ Его, говорили наши предки, подобаетъ вездѣ и повсюду и всяко съ высокимъ проповѣданіемъ и извѣщеніемъ возглашать въ общую пользу и спасеніе всѣмъ Христоименитымъ людемъ“. Въ самомъ началѣ софійскаго временника, лѣтописецъ обращается къ современникамъ: „васъ молю, стадо Христово, съ любовію преклоните ушеса ваша разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, и како отбороняху русская земля и иныя страны пріимаху подъ ся. Ти бо князи не сбираху много имѣнія не творимыхъ виръ, ни продажъ вскладаху на люди... не кладаху на своя жены златыхъ обручей... Да отселѣ, братія моя возлюбленная, останемся отъ несытства своего; довольни будете уроки вашими... никому же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страсѣ Божіи и правовѣрніи свое спасеніе содѣвающе, да и здѣ добре поживемъ и тамо вѣчнѣй жизни причастницы бу-

*) Въ полн. собр. рус. лѣтоп. II софійск. 128 стр. ипатьевск. 194.

демъ“ *). Священная забота—увѣковѣчить въ назиданіе потомства память о благодѣяніяхъ Божіихъ, явленныхъ Церкви русской, и доблестныхъ подвигахъ ревнителей вѣры и благочестія, не исключала другой заботы—ознакомить роды иные съ поступками худыми и небеснымъ наказаніемъ порока.—Писатель отдѣльной повѣсти „о нашествіи водномъ“ признается, что „старые лѣтописцы къ нашему наказанію писаны“, приводитъ слова Соломона: „се же есть мудръ, еже вѣсть древняя повѣсти“ и говоритъ въ заключеніе своей статьи: „для того мы приложили во свидѣтельство страшное чудо и необычайное наводненіе, чтобъ водрузилось въ мысляхъ слышащихъ и предпосылалось частою памятью къ потомкамъ, и такъ въ родъ и родъ, по Давиду: восхвалятъ дѣла Божія и силу Его возвѣстятъ. Видѣвъ, братіе, божественную силу и уразумѣвъ страшное наказаніе долготерпѣливаго Владыки Христа, убоимся и вострепещемъ, вспоминая это, и позаботимся сохранить Его заповѣди: кто зло дѣлаетъ, пусть обратится, а кто въ добрѣ и правдѣ стоитъ, не разлѣнится“.—Послѣ повѣтствованія о нашествіи Едигея, есть любопытная приписка: „сія вся написанная, аще и нелѣпо кому видится, иже толико отъ случившихся въ нашей земли, не сладостная намъ и не уласканная изглаголавшимъ, но взустительная и къ пользѣ обрѣтающаяся, и возставляющая на благая и не забытная; мы бо не досаждающе, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ таковая вчинихомъ, якоже бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца кіевскаго, иже вся времена бытства земская не обинуяся показуетъ, но и первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелевающе вся добрая и не добрая

*) II соф. 326; I соф. 87.

прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ, якоже при Володимірѣ Мономахѣ онаго великаго Сильвестра выдобичскаго не украшая пишущаго, да аще хощеши прочти тамо прилежно, да почетъ почіеши“ *). Если переписываніе и распространеніе книгъ считалось въ древней Руси дѣломъ высокой важности и заслуги, то трудъ составленія лѣтописи, назначаемый съ прямою цѣлію—утвердить соотечественниковъ въ вѣрѣ и благочестіи,—являлся и въ мнѣніи лѣтописцевъ и въ глазахъ современниковъ особенно богоугоднымъ и спасительнымъ подвигомъ. Это также было немалымъ побужденіемъ посвящать время и стараніе на благочестивое занятіе составленія лѣтописи. „Се азъ игуменъ св. Михаила Селивестръ, написахъ книги сіи лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милости пріяти... а иже чтутъ книги сія, то буди ми молитва ихъ“ **).

Движимые такими высокими побужденіями и руководимые такою святою цѣлію, лѣтописцы заботились давать религіозно-нравственный смыслъ и самымъ описываемымъ событіямъ, и въ этомъ смыслѣ излагали свои мнѣнія и сужденія о нихъ. Можно сказать, что въ лѣтописяхъ довольно полно отразился взглядъ ихъ составителей на происшествія міра.

Русскіе лѣтописцы, воспитанные почти исключительно ученіемъ слова Божія и твореній св. отцевъ, усвоили библейскій взглядъ на событія міра, тѣмъ болѣе на явленія въ исторіи Церкви отечественной. Этотъ взглядъ болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ русскихъ лѣтописяхъ.

---

*) II новг. 138. 139; никон. лѣт. V, стр. 17; также: и пат. 224—5.

**) По кенигсбер. сп. стр. 178; никон. лѣт. II, 51. О религіозномъ значеніи книжнаго дѣла можно читать въ Опис. моск. синод. библ. славян. ркп. л. напр. 223. 224. 298. 299. Опис. Р. муз. 172. 465. 692 и др.

Всѣ происшествія лѣтописцы возводятъ къ одной безконечной причинѣ—правителю вселенной—Богу. Господь—начало и конецъ всякаго добраго дѣла. Онъ самъ избираетъ добрыхъ и мудрыхъ дѣятелей Церкви и отечества, надѣляетъ ихъ благодатными дарами, поручаетъ имъ народъ христіанскій, хранитъ и защищаетъ въ опасныхъ путяхъ жизни, возставляетъ отъ одра болѣзни и спасаетъ отъ смерти. „Какъ Богъ положитъ на сердце" благочестивымъ людямъ добрыя мысли, такъ они и осуществляютъ ихъ: по Его св. волѣ созидаютъ и благоустрояютъ храмы и монастыри, закладываютъ города, и „всуе всякій трудъ безъ Божія повелѣнія" *). Человѣколюбивый Богъ посылаетъ народу своему благосостояніе и тишину. Если же возгараются междоусобія,—Онъ или не допускаетъ до пролитія крови христіанской, возвращая къ любви враждующихъ, или помогаетъ правой сторонѣ и рѣшаетъ раздоръ нелицемѣрнымъ судомъ **). Иновѣрцы суть „враги Божіи", и Господу угодна мысль христіанъ о брани съ ними; Онъ побуждаетъ возставать въ защиту церквей святыхъ противу поганыхъ, благословляетъ оружіе православныхъ, заступаетъ ихъ и своею силою содѣйствуетъ святому подвигу. Напротивъ, Онъ влагаетъ страхъ и ужасъ въ сердце непріятелей православной Церкви и гонитъ ихъ своимъ грознымъ гнѣвомъ, насылаетъ неблагопріятную для нихъ погоду и голодъ, и совершенно посрамляетъ. Такъ напр. „окаянный и беззаконный Телебуга что перейти можно было въ 3 дни — блуждалъ въ горахъ и ходилъ по 30 дней, водимъ гнѣвомъ Божіимъ.

---

*) I новг. 21. 25. 37. 46. 68. 77. 86. 93. 94; троиц. 232; ипат. 80. 170. 172. 202. 206. 226; II псков. 9; II соф. 194. 210. 302; лаврент. 208; I пск. 183. 198. 233.

**) I псков. 233; ипат. 16. 18. 22. 25. 54. 184. 187; I новг. 17. 23. 24. 77; IV новг. 12. 14. 24. 56. 70.

И перемерло безчисленное множество войска его отъ голода. И вышелъ онъ пѣшкомъ съ своею женою объ-одной лошади, посрамленъ отъ Бога“ *). Если враги русской земли одолѣваютъ ее, Богъ наводитъ на невѣрныхъ въ отмщеніе другихъ иноплеменниковъ и помогаетъ христіанскимъ воинамъ отбивать плѣнныхъ. „Не терпя зрѣть на нечестивыхъ, видя ихъ проливающихъ, какъ воду, кровь христіанъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ расточенными по чужимъ землямъ, Господь воздаетъ поганымъ по дѣламъ ихъ“ насылаетъ мятежъ великій на ихъ государство и „пособляетъ сынамъ своимъ отомстить имъ десятерицею“ **). Повелѣніемъ небеснымъ заключается миръ, который и „стоитъ доколѣ Богъ дастъ“ ***).

Матерь Божія, какъ ближайшая заступница Христіанъ, ходатайствуетъ за вѣрныхъ предъ престоломъ всемогущаго Сына своего, и по ея мольбѣ посылается намъ помощь свыше. Весьма часто она является въ Церкви Христовой непосредственно, „покрываетъ православныхъ своею рукою“, и гонитъ враговъ ихъ ****). Св. ангелы какъ ближайшіе слуги и исполнители воли Божій, принимаютъ сильное участіе въ событіяхъ Церкви и государствъ. Каждая Церковь, каждый крещенный, особенно князь, имѣютъ своего ангела хранителя. Къ каждому народу приставленъ особенный ангелъ соблюдать землю. Они „посылаются повелѣніемъ Божіимъ, куда захочетъ Владыка и Творецъ всѣхъ“: они „водятъ иноплеменниковъ на русскую землю,

*) Ипат. 15. 40. 71. 97. 104. 106. 108. 121. 125. 127. 193; I новг. 37. 57; IV новг. 12. 40. 75. 150; I пск. 179. 180; II пск. 15; I соф. 189. томъ VI: 47. 51; II соф. 136. 260. 297. 317.

**) Троиц. 216; ипат. 182; I новг. 58; IV новг. 57; II пск. 41.

***) II соф. 252; ипат. 47. 161; троиц. 227; IV новг. 104; I соф. 201.

****) Нест. 120; лавр. 150. 152. 166; ипат. 3. 36. 106. 117. I соф. 234. II соф. 280.

и тогда побѣждаютъ они; но преимущественно содѣйствуютъ православнымъ и являются поборниками воюющихъ на сопротивныя силы". Ангелы молятся за родъ человѣческій, „приходятъ, гдѣ добрыя мѣста и молитвенные домы, и тамъ проявляютъ видѣнія, насколько можно созерцать людямъ *)". Св. угодники Божіи, обитающіе въ славѣ на небѣ, не остаются безучастными зрителями дѣлъ царства благодати. Они иногда цѣлымъ сонмомъ возсылаютъ молитвы къ Богу, который принимаетъ и исполняетъ ихъ любвеобильное ходатайство. Часто почившіе праведники и сами являются на помощь вѣрнымъ. Поэтому тщательныя отмѣтки лѣтописцевъ: „на память такаго-то святаго" случилось извѣстное обстоятельство— нельзя считать простою привычкою; лѣтописецъ справлялся съ святцами не безъ цѣли: онъ святыхъ Божіихъ признаетъ дѣятелями въ событіяхъ, случившихся во дни ихъ памяти. Это иногда прямо высказывается: князь Андрей „помолился Богу, вынулъ мечь свой и призвалъ на помощь себѣ св. муч. Ѳеодора, и по вѣрѣ избавилъ его Богъ и св. Ѳеодоръ безъ вреда, а была память св. Ѳеодора въ этотъ день **)". Особенно подвизаются за своихъ братій праведники, тѣла которыхъ нетлѣнно почиваютъ среди ихъ, или которымъ посвященъ главный храмъ въ извѣстномъ мѣстѣ ***). Благодатная сила самаго храма, который представлялся нашимъ предкамъ, какъ-бы живое лице, подаетъ большую помощь вѣрнымъ. Лѣтописцы часто приписываютъ успѣхъ дѣла милости храма: новгородскій—

---

*) Нест. 121—2; лавр. 206; ипат. 3. 169. 195; прилож. ипатьев. л. т. II. стр. 375—7.

**) Ипат. 47. также: Нест. 120; ипат. 128; I пск. 182. I новг. 46.

***) Ипат. 110; IV новг. 56. 70; I псков. 181. 187—8; II пск. 3. 7. 11. 32. 39; I соф. 195. 197. 203. 224; II соф. 293.

храму св. Софіи, псковскій—св. Троицы, кіевскій и владимірскій—св. Богородицы и проч. Сила святыхъ иконъ и честнаго креста также много значитъ въ событіяхъ историческихъ. Крестъ хранитъ того, кто остается вѣренъ обѣщаніямъ, даннымъ при крестномъ цѣлованіи, помогаетъ противъ невѣрныхъ, казнитъ и посрамляетъ ихъ; а преступающихъ клятву караетъ и никогда имъ не помогаетъ *).

По усерднымъ молитвамъ вѣрныхъ, особенно по ходатайству пастырей Церкви, Богъ измѣняетъ ходъ событій. Такъ избавилъ Господь Игаря изъ плѣна „по молитвѣ христіанъ, которые много печаловались и проливали слезы свои за него" **). Важны въ этомъ отношеніи и молитвы дѣда и отца, слезы и молитвы материнскія; онѣ укрѣпляютъ человѣка и имѣютъ сильное значеніе въ быту гражданскомъ и семейномъ. Желаніе этихъ молитвъ было чрезвычайно важно для древняго русскаго человѣка. Прощаясь съ дѣтьми, предъ кончиною, князь Всеволодъ говоритъ: „да будетъ вамъ Господь помощникъ и св. Богорода, и молитва дѣда вашего Георгія и прадѣда Владиміра" ***). Часто на благополучный ходъ событія имѣютъ вліяніе совокупныя силы креста, молитвы предковъ и святителей, заступленіе святыхъ и ходатайство Богородицы ****).

Правосудный Богъ, содѣйствуя своимъ вѣрнымъ чадамъ, наводитъ справедливое наказаніе на непокорныхъ: „грѣхи разлучаютъ человѣка съ Богомъ, и отвращаетъ

*) II пск. 55; ипат. 28. 63. 84. 122. 194; I новг. 60. 78; II новг. 227. IV. новг. 13; I соф. 209; лавр. 177.

**) Ипат. 133; лавр. 202; I новг. 15. 49; II новг. 137; IV новг. 34; I соф. 233. 234; II соф. 127. 291.

***) По сп. переясл. суздал. подъ 1213 г. Времен. общ. ист. кн. 9. стр. 110; Опис. Рум. муз. Восток. 732 стр. въ послѣсловіи къ хронографу 1494 г. также: лавр. 129. 140. 143. 144. 207; ипат. 10. 46—7. 61; IV новг. 6; I соф. 158.

****) Лавр. 129. 130. 151. 202; ипат. 24. 106; IV новг. 13.

онъ тогда лице свое и посылаетъ гнѣвъ ярости своея... да и прочіи накажутся страхъ Божій имѣти и въ покаяніи быти". За грѣхъ даетъ Богъ пастырей Церкви недостойныхъ; предаетъ иногда огню и мечу самые св. домы, посвященные славѣ Его имени: „творитъ оскудѣніе и презрѣніе славословію Его"; веселья христіанинъ онъ превращаетъ въ плачь и праздники—во дни сѣтованія. За беззаконіе страны Господь посылаетъ высокоумнаго князя, „ожесточаетъ сердце правителя великимъ гнѣвомъ и неукротимою яростію и озлобленіемъ", посылаетъ злыхъ намѣстниковъ. Въ Его праведной десницѣ иноплеменники служатъ, смотря по надобности, или грознымъ мечемъ, или сильной розгой, которыми Онъ казнитъ неправедныхъ *). Неправда частнаго человѣка привлекаетъ также гнѣвъ Божій, какъ на него самаго, такъ и на цѣлую область или страну. Господь за грѣхъ не даетъ дѣтей, отнимаетъ любимыхъ лицъ, насылаетъ смерть, иногда насильственную, или наказываетъ болѣзнію, которую никто, кромѣ Его, не силенъ исцѣлить **).

Съ другой стороны, Богъ попускаетъ дѣйствовать въ царствѣ человѣческомъ начальнику зла—діаволу. Этотъ „ратоборецъ всякаго злаго дѣла непрестанную ведетъ брань съ родомъ христіанскимъ и особенно сопротивится любящимъ Бога". Діаволъ закидываетъ свои сѣти и злорадные люди увязаютъ въ нихъ, дѣлаясь добычею лукаваго ловца и гордаго убійцы душъ человѣческихъ ***). Бѣсъ долго былъ господиномъ некрещенной Руси, слѣпотою помрачилъ народъ и соблазнялъ кумирами, въ которыхъ

---

*) Лавр. 173. 172; II соф. 298; III новг. 255; I новг. 101; I пск. 304; Нест. 60. 64. 95—6 и мн. др.

**) Лавр. 170; ипат. 72. 214. 227; II новг. 148; II соф. 171.

***) II пск. 37; IV новг. 144; I соф. 208; том. VI, 5.

самъ сидѣлъ, принимая себѣ поклоненіе. Онъ разсыпалъ суевѣрія по землѣ русской, когда уже она просвѣтилась но прелесть его и память погибли съ шумомъ. По бѣсовскому наущенію и дѣйству возставали противъ православныхъ слуги діавола—волхвы *). Пронырливый прелестникъ влѣзаетъ въ сердце человѣка, влагаетъ злые помыслы и совѣты, невидимо служитъ и всѣми мѣрами способствуетъ ихъ исполненію **). Безумные люди слушаютъ совѣта льстиваго врага, который „воздвигаетъ крамолы другъ на друга, сосѣда на сосѣда, брата на брата"; онъ „сѣетъ властолюбіе, гордость и похвалу, уязвляетъ сердце плотскимъ похотѣніемъ", разжигаетъ его сребролюбіемъ и завистію; его веселитъ и радуетъ месть, вражда, убійства; онъ воспламеняетъ междоусобія, мятежи, разбои и проч. ***). Злые люди, какъ сосуды діавола, какъ послушныя его орудія, дѣйствуютъ съ нимъ заодно, стараясь поселить въ душахъ чистыхъ преступныя мысли и желанія; онъ самъ устами злыхъ сребролюбцевъ, богатыхъ, злыхъ и буйныхъ людей, предателей Христіанства и богоотступниковъ, влагаетъ въ уши другихъ злые совѣты ****). За то порочные и „получаютъ мзду отъ злоначальнаго бѣса"... „Увлекая на зло, діаволъ насмѣхается послѣ надъ человѣкомъ, ввергнувъ его въ пропасть смертную" †). „Злые люди не хуже діавола: они и Бога не боятся и людей не стыдятся; отъ нихъ ни крестомъ, ничѣмъ не отдѣлаешься" †*).

*) Нест. 50. 52. 63. 73. 78; густинск. 256—8.

**) Нест. 109; I лавр. 135. 139; ипат. 23. 113; IV новг. 51; I пск. 185. 199; I соф. 150; II соф. 172.

***) Напр. Нест. 78. 72. 88; лавр. 169. 175. 179. 186. 203. 207; ипат. 26. 109. 125. 137; I новг. 31. 36. 37. 50. 87. 94. 107; I пск. 209. 253. 320; I соф. 219; II соф. 133. 296.

****) II соф. 224; III новг. 255 и др.

†) Нест. 58. 75. 99; лавр. 204; ипат. 121; IV новг. 128.

†*) Нест. 58; ипат. 99.

Но злоба діавола и исчадій его очень ограниченна: Богъ не даетъ часто развиваться ей, попираетъ и разоряетъ адскія ухищренія. И люди благочестивые, хотя вдаются иногда въ обманъ многоглаваго звѣря, но большею частію сокрушаютъ его ядовитыя стрѣлы оружіемъ креста и молитвы, прогоняютъ ночнымъ стояніемъ (на молитвѣ) и пѣніемъ. Искушенный въ борьбѣ даже можетъ посмѣяться надъ хитростями бѣсовъ и привыкнуть къ нимъ, какъ къ мухамъ *). Видя возвеличеніе добра и радость христіанъ, а себя побѣжденнымъ и посрамленнымъ, злобный духъ глубоко печалится, сѣтуетъ и плачетъ **).

Подчиняя всѣ событія въ Христіанствѣ, всѣ движенія души человѣческой высшимъ причинамъ, лѣтописцы убѣждены, что и всѣ явленія видимой природы, дѣйствующія на человѣка или благопріятно, или враждебно, совершаются также подъ управленіемъ Божіимъ. Видно, что наблюдательные русскіе лѣтописцы, при созерцаніи природы, вдумывались въ ея разнообразныя и измѣнчивыя явленія и, не находя отвѣта на свои пытливые вопросы, обращались къ небу, въ которомъ кроется разрѣшеніе всякой тайны. Природа со всѣми стихіями, по мнѣнію лѣтописцевъ, есть послушное орудіе въ рукахъ Всемогущаго, награждающаго чрезъ нее добрыхъ и наказывающаго порочныхъ. Подъ условіемъ сохраненія заповѣдей Онъ „даетъ времена тихія и прохладныя и обиліе большое“ и всякое добро въ обыденной жизни: дѣлаетъ перемѣны погоды благопріятными для произростанія плодовъ земныхъ, разгоняетъ мглу, даетъ дождь ранній и поздній, посылаетъ много хлѣба яроваго и озимаго, наполняетъ гумна пшеницей и всѣми произведеніями земными, которыя такъ дороги для земледѣль-

---

*) I Новг. 38. 44. 60; лавр. 165; ипат. 150.

**) Нест. 66. 109; лавр. 179; I новг. 82. 98; 1 соф. 188.

ческаго русскаго народа *). Но когда грѣхи вопіютъ къ Богу отъ земли,—Онъ дѣйствуетъ на человѣка чрезъ природу грозными и разрушительными явленіями: „Онъ затворяетъ небо, или на зло отверзаетъ, вмѣсто дождя пускаетъ градъ (иногда въ садовое яблоко), морозомъ плоды знобитъ, землю зноемъ томитъ"; покрываетъ землю страшною саранчею, пожирающею хлѣбъ и траву, или наводитъ червей, которые истребляютъ всѣ овощи, посылаетъ моръ на животныхъ, служащихъ человѣку **). Господь разливаетъ наводненіе и затопляетъ поля и людей; потрясаетъ землею, и все колеблется и трепещетъ, посылаетъ грозныя тучи и опустошительные пожары. Праведный гнѣвъ Его особенно страшно проявляется въ моровыхъ повѣтріяхъ и отчаянномъ голодѣ, когда люди питаются трупами своихъ собратій, когда псы таскаютъ по улицамъ и пожираютъ тѣла даже незлобивыхъ младенцевъ ***).

Но безконечно-правосудный Богъ также безконечно-милосердъ. Онъ не желаетъ погибели грѣшника, а ждетъ его исправленія. Поэтому всѣ физическія бѣдствія суть „милосердіе и щедроты человѣколюбиваго Господа", ведущаго неизреченными судьбами къ совершенству народъ свой. Покаяніе и молитвы смягчаютъ Его гнѣвъ и измѣ-

---

*) Нест. 73; лавр. 166. 173; ипат. 21. 22. 63. II новг. 148; пск. 208. 233; II пск. 42. 44.

**) Нест. 96. 98; ипат. 146; I новг. 13. 26. 65; II новг. 161; I пск. 251. 317; I соф. 112. 150.

***) I новг. 65; ипат. 12. 92; лавр. 131. 208; II соф. 261; Нест. 120. лавр. 193; ипат. 8. 10. 12; II новг. 216. 237; ипат. 195; I новг. 66; II пск. 36; I соф. т. VI. 53; Нест. 64. 92; троиц. 120. 231; ипат. 74. 85. 105. 213; II новг. 125. 219. 251; п. VI, 139; I пск. 188—9. 230; II соф. 289; лавр. 192; троиц. 230; ипат. 105; I новг. 5. 12. 47; II пск. 23—4.

няютъ явленія природы *). Въ видимой природѣ Богъ дѣйствуетъ часто посредствомъ ангеловъ: всѣ стихіи и перемѣны природы управляются ими. Есть „ангелъ облакомъ и мгламъ и снѣгу и граду и мразу, ангелъ гласомъ и громомъ, ангелъ зимы и зноя и осени и весны и лѣта", и проч. **).

Это догматическое ученіе о міроправленіи выбрано нами изъ различныхъ мѣстъ лѣтописей, гдѣ оно по частямъ высказывается кратко и направляется къ поясненію частныхъ событій. Оно проникнуто духомъ слова Божія и отцевъ Церкви и высказывается часто подлинными ихъ словами.

Впрочемъ лѣтописцы видятъ причины извѣстныхъ событій не исключительно въ существахъ невидимаго міра. Кромѣ этихъ главныхъ и отдаленныхъ причинъ, они нерѣдко высказываютъ и ближайшія, естественныя побужденія и причины историческихъ явленій. Сюда относится умъ человѣка, изобрѣтающій и избирающій средства, сердце человѣческое, какъ родникъ, изъ котораго проистекаютъ и чистыя и мутныя мысли, слова и дѣйствія,

---

*) Лавр. 166; I новг. 58. 60; II новг. 234; III новг. 254; II соф. 182. 291. 302.

**) Нест. 122—3; ипат. 169. Въ дополненіе къ этому взгляду можно взять мѣсто изъ посланія старца Филоѳея Елеазар. монастыря къ дьяку Мунехину: «не самыя звѣзды двизаемы суть, ниже чувственны или животны, и не зрятъ ни на чтоже, но огнь невещественъ, ни что же вѣсть, ниже знаетъ. Но приносимы суть отъ ангельскихъ невидимо силъ... овіи солнце носятъ, друзіи—луну, иныя—звѣзды, овіи—воздуха, правятъ вѣтри, облаки, громи, отъ послѣднихъ земли воды возносятъ отъ облаковъ и лицо земли напояютъ, на рощеніе плодовъ, на весну и жатву, ангели на осень и зиму» и проч. ркп. хронограф. солов. библіот. подъ № 53. л. 344. Подобныя же понятія высказываются въ ркп. сборн. солов. б. № 813 л. 544. Судя по палеографич. признакамъ, этотъ сборникъ отнести можно къ концу XVI в. также въ сборн. № 860 л. 120 об. № 925. л. 172.

искреннее желаніе къ начинанію предпріятій извѣстнаго рода и неодолимое стремленіе къ окончанію ихъ. Лѣтописецъ часто приписываетъ личнымъ свойствамъ человѣка успѣхъ или неуспѣхъ въ извѣстномъ дѣлѣ; напр., говоритъ, что „одолѣли поганыхъ ума мудростью, ходяща по заповѣдямъ Божіимъ", и т. п. *).—Занималъ также лѣтописцевъ законъ добра и правды и основанныя на немъ поведенія и взаимныя отношенія людей. Они высказываютъ иногда въ немногихъ, но весьма мѣткихъ словахъ, по поводу частныхъ случаевъ, глубокія истины, отличающіяся опытнымъ познаніемъ жизни. Присматриваясь къ описываемой дѣйствительности, лѣтописцы замѣчали, что при возвышеніи законнаго права, злоупотребленіе его ярко выдается, какъ черный цвѣтъ при бѣломъ: „гдѣ законъ, тутъ и обидъ много". Они отдавали должную цѣну незначительному, но истинно-доброму и полезному: „и въ многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда". Они видѣли, что благочестіе и правда добрыхъ не по духу развращеннымъ совѣстью, которые въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ первыхъ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, видятъ свое нравственное безобразіе и возстаютъ противъ нихъ: „у благочестивыхъ всегда враги" **). Добро и зло рано или поздно, приноситъ свои плоды: „что сѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ". Увлекаемый страстями плохо соображаетъ, не наблюдаетъ мѣры въ предпріятіяхъ и весьма часто запутывается въ собственныхъ замыслахъ и разсчетахъ: „кто копаетъ подъ другихъ яму,—самъ въ нее ввалится." Человѣкъ самолюбивъ, хитръ, часто противорѣчитъ на дѣлѣ своимъ словамъ; и желанія и усилія его весьма нерѣдко остаются безуспѣшны; поэтому „плоха надежда на

*) Ипат. 155. 182. 199; лавр. 133. 148. 161. 179 и др.

**) Лавр. 157; ипат. 115; I новг. 33; ипат. 112.

человѣка... сердечныя мысли никтоже вѣсть". Желаніе богатства, какъ и всѣ страсти, сначала идетъ ровнымъ теченіемъ, потомъ раздается шире и шире и увлекаетъ въ своемъ стремленіи чужую собственность; тогда человѣкъ прибѣгаетъ къ самымъ предосудительнымъ средствамъ; да и самое богатство въ неопытныхъ рукахъ служитъ неистощимымъ средствомъ къ пороку: „желающій богатиться впадаетъ въ зло". Изъ грубаго сердца, какъ изъ кремня, не излетитъ искра Божія, если не ударитъ въ него несчастіе: „велика нужда и злѣйша скорбь приводитъ человѣка къ вѣрѣ... Если не напасть, то не вѣнецъ" *). Лѣтописцы крѣпко задумывались надъ событіями, въ которыхъ сокрушалась сила и мощь, трудъ и надежда: „князь Семенъ Дмитріевичь суздальскій многія истомы претерпѣлъ, въ ордѣ и на Руси трудился... подымалъ рать, какъ бы найти свое княженіе и добиться своей отчины, своего пристанища не зналъ, не обрѣталъ покоя ночамъ своимъ, и не достигъ ничего и пользы не нашелъ никакой, всуе трудился". Андрей суздальскій совокупилъ было всѣ земли и множеству войска его не „было числа, пришли высокоумніи, а въ смиреніи отошли въ свои домы" **). Особенно останавливало вниманіе и размышленіе лѣтописца грозное таинство смерти, неразгаданная и неумолимая власть которой не щадитъ ни званія, ни состоянія, въ мгновеніе пресѣкаетъ земное горе и радость, мечты и замыслы: „смерть есть общій долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому рожденному... сана свѣтлостью не умолена бываетъ смерть, на всѣхъ бо вынизаетъ своя многоядныя зубы" ***).

*) I новг. 56. 73. 78; IV новг. 108. 128; I пск. 283; II новг. 139; лавр. 112.

**) IV новг. 108; ипат. 110; троиц. 214 и др.

***) Ипат. 102. 123. 152; I пск. 191; IV новг. 112.

Обычай, ведущій начало свое изстари, въ глазахъ Лѣтописца, имѣлъ сильное вліяніе на ходъ событій; а еще болѣе важны въ этомъ отношеніи были для него народныя свойства, о которыхъ у него имѣлись опредѣленныя понятія. О Новгородцахъ, напримѣръ говорится, какъ о людяхъ вольныхъ, постоянно нарушающихъ свои клятвы. Рязанцы выставляются, какъ народъ грубый и буйный. О грекахъ составилъ убѣжденіе безхитростный древній русскій человѣкъ, какъ о людяхъ хитрыхъ и коварныхъ *). Рѣдко встрѣчаются въ лѣтописяхъ попытки—объяснить явленія видимаго міра законами естественными; но и изъ немногихъ данныхъ можно заключать, что у грамотныхъ людей древней Руси были составлены опредѣленныя понятія о извѣстныхъ явленіяхъ природы, хотя и онѣ главнымъ образомъ подчинены религіозному взгляду. Эти свѣдѣнія почерпали Лѣтописцы изъ греческихъ книгъ. „Бываютъ знаменія въ солнцѣ и въ лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но въ какой-либо землѣ будетъ знаменіе, то та земля и видитъ, а иная земля не видитъ". Затмѣнія не по всей землѣ бываютъ, но на которую страну Владыко хочетъ навести. Вотъ замѣчательное разсужденіе Лѣтописца о громѣ и молніи. „Аще отъ сраженія облокомъ точію молнія будетъ, нѣсть враждающи, но абіе мимоходитъ и изгинетъ; аще ли съ ударяющимся облакомъ, и къ симъ снидетъ небесный блескъ огнемъ, пламеновиденъ и совокупиться съ молніею, исходимо дому творитъ сгорѣніе, его же налучить... о громогласномъ томъ ошибеніи, отъ матернихъ ядръ младенца извергъ снабжаетъ; другощиже отъ рукъ матернихъ истергъ младенецъ суду

---

*) Если передаетъ Лѣтописецъ о низкомъ и лживомъ поступкѣ грека, то въ объясненіе всегда прибавитъ: „зане бѣ гречинъ... греки льстиви до сего дне". Нест. 29. ипат. 92.

предаетъ, матерь же младенца снабжаетъ; то кто изглаголетъ силы Господня, како ли увѣстся смотрѣніе. Не видимъ есть громъ, ни рукъ человѣческихъ имѣетъ, прерѣвая, превращая и растерзая подруга отъ ужикъ своихъ и чадо отъ родитель своихъ; но токмо повелѣніе Господне съ страхомъ творить, но прещеніемъ тѣмъ на молитву вставляетъ“ *).

Взглядъ свой лѣтописецъ не всегда раздѣляетъ съ современниками. Какъ человѣкъ начитанный и вдумавшійся въ жизнь, онъ знаетъ, что людская молва, какъ морская волна, непостоянна и измѣнчива; поэтому онъ часто становится судьею современныхъ мнѣній, позволяетъ себѣ противорѣчить имъ, или съ сомнѣніемъ выражается о сужде-

*) Ипат. 3. 135; IV новгор. 118—19. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь понятіе нашихъ предковъ о явленіяхъ природы изъ источниковъ не лѣтописныхъ: «Дугу Мою поставлю, рече Богъ, на облацѣхъ; и дуга та повелѣніемъ Божіимъ собираетъ морскую воду, якоже въ мѣхи, и наливаетъ облачныя воды, да егда повелитъ Богъ вдати дождь на землю, восходитъ шумъ изъ трубы дужныя, а той духъ есть и крохокъ вельми и смущаясь, да яко же духъ начнетъ раздирати облакы, уготовати путь водѣ, и проливати ю въ ширину вданому тому облаку,—да тѣмъ путемъ великимъ скрежетъ ея сотворитъ, его же скрежетъ человѣцы навыкли суть нарицати громомъ, понеже скрежетъ облакы, готовая путь, да быша пріяли воду. Да егда пріидетъ духъ правый громный и отпуститъ облакы, тогда пакы входитъ другій духъ, воду кропя, скрежеча и громя, наполняя облакы водою, яко же и губу. И по семъ отверзается другое сокровище одержати ихъ и воду, и прежъ поидетъ духъ, сущій въ немъ, съ громомъ пути творя водамъ, хотящимъ пріяти на облацѣхъ, да тако пущаетъ отверзаетъ сокровище водокропно... Громъ бо приходитъ предъ водою; множицею и безъ грома бываетъ дождь... Трубы облачныя собираютъ отъ моря и отъ рѣкъ воды и отъ озеръ, и напивше восходятъ и изливаютъ изъ себе воду въ сокровенныя бездны, да егда наполнятъ вся, отходятъ на страну на мѣста своя и пребываютъ не двигающесь... Молнія приходитъ предъ громомъ, строяще путь, сущій во облацѣхъ, на низъ и преже оцыщаетъ и приготовляетъ... Небесный огонь Илія молитвою сведе... Сего огня сіяніе молнія есть“. Это заимствовано изъ статьи: „Бесѣда Епифанія къ св. Андрею“, находящійся въ ркп. сборн. солов. б. подъ № 613 л. 544 и № 219.

ніяхъ и дѣйствіяхъ другихъ лицъ: „одни говорили такъ, иные—другояко и много прикладывали... Богъ вѣсть, много говорятъ иные... право ли есть глаголющее? Богъ вѣсть испытанія человѣческа... А то вѣдаетъ самъ Христосъ промежи ими о томъ*)". Но само собою разумѣется, что воспитанный въ духѣ своего вѣка, лѣтописецъ не могъ выйти совершенно изъ круга общихъ мнѣній своихъ современниковъ, и яркими чертами отобразились онѣ на страницахъ лѣтописей.

Часто немногосложныя причины и цѣли затрудняли лѣтописцевъ, и онѣ не указывали главной. Зло происходитъ отъ діавола, но попускаетъ его Богъ для благихъ цѣлей; это приводитъ въ недоумѣніе составителя лѣтописи и онъ говоритъ: „или Божіимъ попущеньемъ, или вражіимъ подстрѣканіемъ... А то Богъ вѣсть, или казня насъ, или милуя... или ради мятежа или на потребу". Есть даже мѣста, гдѣ приписывается одно событіе и дѣйствію Божію и вліянію духа тьмы **). Лѣтописцы иногда не различали нѣкоторыхъ явленій обыкновенныхъ отъ сверхъестественныхъ, и къ дѣйствіямъ высшихъ силъ относили собственные поступки человѣка, выполненные по личнымъ разсчетамъ и по разнымъ человѣческимъ побужденіямъ. Понятіе о дѣйствіяхъ діавола было очень обширно, и приписывалось ему много силы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ: „отъ дѣйства вражія началъ мостъ въ лѣвомъ крылѣ церковномъ гнуться ***)". Признавая войну нелицепріятнымъ судомъ Божіимъ, лѣтописецъ иногда оправдываетъ сильнаго, не смотря на ужасныя слѣдствія побѣ-

*) Ипат. 72. 91; I новг. 52. 71. 96. 114. II новг. 147; IV новг. 29. 122; I пск. 209; I соф. 206.

**) II соф. 302; I новг. 77; II новг. 137; III новг. 254. 5. 262.

***) II соф. 287; III новг. 218.

ды и злоупотребленія силы. „Помогъ Богъ Андреевичу Мстиславу со братью, и взяли Кіевъ... и грабили въ продолженіи двухъ дней весь городъ, Подолье и Гору и монастыри, и Софью, и десятинную церковь Богородицы: и не было помилованія никому ни откуда; церкви пылали, жители одни были убиваемы, другіе взяты въ плѣнъ, младенцы рыдали не видя матерей своихъ, и вся святыня взята была; и было тогда въ Кіевѣ на всѣхъ людяхъ стенаніе и туга и скорбь неутѣшная и слезы непристанныя *)".

Понятія лѣтописца объ опредѣленіяхъ всемогущей воли, управляющей всѣми событіями человѣческой жизни, переходитъ иногда въ мысль о неизмѣнномъ предопредѣленіи. Мысль эта поддерживалась особенно въ тѣхъ нерѣдкихъ, тяжкихъ бѣдствіяхъ, которыми Промыслу угодно было испытывать твердость русскаго народа. Хотя несчастіе цѣлыхъ областей лѣтописецъ иногда выставляетъ, какъ слѣдствіе проступковъ одного лица, но вѣритъ также въ неизмѣнное счастіе извѣстныхъ лицъ, равно и бѣдствія признаетъ неизбѣжными **). А среди ужасныхъ бѣдствій отечества мысль о скорой кончинѣ міра, перешедшая изъ Греціи, глубоко и живо была принята въ Россіи и сильно смущало въ свое время легковѣрныхъ ***). Еще Кириллъ туровскій съ церковной каѳедры прямо говорилъ, что за три года до исхода семи тысячъ лѣтъ придетъ антихристъ ****). Лѣтописцы вмѣстѣ съ народомъ въ особенно поразительныхъ явленіяхъ и бѣдствіяхъ видѣли вѣр-

*) Ипат. 100.

**) Лавр. 151; 206; II пск. 51; II соф. 260; I пск. 261; III новг. 254 и дал. Акт. ист. 1, № 23.

***) «Глаголется, яко по седмихъ тысящахъ лѣтъ пришествіе антихриста будетъ». Тріодь постн. синакс. въ нед. мясопустъ л. 28 об.

****) Пам. слов. XII в. изд. Калайд. стр. 100.

ный признакъ окончательнаго проявленія гнѣва Божія надъ грѣшнымъ родомъ человѣческимъ—страшнаго суда и кончины міра. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ мысль о второмъ пришествіи Спасителя высказывается кратко и болѣе какъ мнѣніе народное: „такой былъ пожаръ, что думали пришла уже кончина... такая брань была, какъ будто во второе пришествіе“ *). Но чѣмъ ближе подходилъ грозный 1492 годъ, тѣмъ сильнѣе высказывалась мысль о кончинѣ міра, какъ лѣтописцами, такъ и другими писателями **). Первые не разъ останавливаются на ней и сильно развиваютъ ее: „пришелъ въ Псковъ владыка суздальскій Діонисій поучать закону Божію и утверждать правовѣрную вѣру и истинное христіанство, чтобы Богъ въ послѣднія лѣта утвердилъ несмущенно отъ злыхъ человѣкъ“... Тотъ же лѣтописецъ отмѣтилъ побудительную причину, которую выставлялъ владыка Іоаннъ для примиренія псковичей съ новгородцами: „занеже, дѣти, видите, уже послѣднее время; вы бы были за одинъ братъ въ христіанствѣ“. Подъ 1402 годомъ, по поводу явленія кометы, помѣщено въ новгородской лѣтописи длинное разсужденіе: „что въ Евангеліи прежде Спасъ нашъ говорилъ, то нынѣ въ послѣднія времена все сбывается; знаменія въ небеси и въ солнцѣ, и въ звѣздахъ являются. А что сказано, возстанетъ языкъ на языкъ и царство на царство: уже возстали на рать татары, турки, фрязи... Да что упоминать о татарахъ и туркахъ, и прочихъ языкахъ не вѣрныхъ и не крещенныхъ? И мы сами называемые христіане, правовѣрные и православны, творимъ между себя брани и рати и кровопролитія. Случается вотъ что: возстаетъ правовѣрный князь на правовѣрнаго князя, также

*) I новг. 79; ипат. 90; лавр. 176.
**) Напримѣръ: Акт. ист. I, № 253. 280.

на брата своего или на дядю, и бываетъ между ними вражда и непокорство, гнѣвъ и ярость, кровопролитіе и междоусобица... А правовѣрные войны волею или неволію... бьются нещадно и сѣкутся безъ милости: воздвигаетъ оружіе свое другъ на друга, куетъ копье братъ на брата, острить мечь свой любимый на любимаго, юноша старца сѣдинъ многолѣтнихъ не устрамляется и рабъ Божій раба Божія не щадитъ. Гдѣ же та любовь совершенная, которую заповѣдалъ намъ Христосъ въ Евангеліи?.. Мы не токмо не полагаемъ души свои за ближняго, но изъ ближняго извлачимъ ее, хотимъ взять ее оружіемъ заколенія... Время послѣднее приходитъ и сокращено уже есть, конецъ житію приближается и знаменія въ звѣздахъ являются: вотъ звѣзда, которую видимъ нынѣ, изъ необычныхъ и незнаемыхъ звѣздъ, о которой нынѣ пишемъ и говоримъ". Въ другомъ временникѣ подъ 1459 годомъ написано: „было благовѣщеніе на пасху, въ пасхаліи приписано: „братія! здѣ страхъ, здѣ бѣда велика, здѣ скорбь немала: якоже въ распятіи Христовѣ сій кругъ солнцу бысть 23, луны 13, сіе мѣсто на конци явися, въ оньже чаемъ всемірное пришествіе Христово". О Владыко! умножишася беззаконія наша на земли: пощади, Владыко, исполни небо и землю славы твоей; пощади насъ, благословенъ грядый во имя Господне. Блюдите убо, братія, но вѣрно разумѣйте, кто хочетъ, въ то время бѣжи и невѣрія, при насъ измаилы... Рече Господь: не вѣсте дни и часа, въ оньже Сынъ человѣческій пріидетъ" *). Но по прошествіи ужаснаго срока, когда „молва была въ людехъ не токмо простыхъ, но и преимущихъ и многимъ сомнѣніе бысть" **), —страшная мысль о кончинѣ міра не по-

*) I Новг. 93. 97. IV новг. 105—6; II соф. 181.

**) Кругъ міротворный, ркп. солов. б. подъ № 479. л. 19. Эта рукопись «дача Исидора митр-та». 1 л.

гасла въ русскомъ народѣ: она особенно развивается съ полнымъ убѣжденіемъ и опредѣленностью во время междуцарствія *).

Наши предки видѣли въ иноплеменникахъ враговъ вѣры христіанской, управляемыхъ темною силою, и полагали, что они возстаютъ на православныхъ съ цѣлью: „крестьянство потребить, церкви Божія попалить, кровь пролить и законы погубить" **). Лѣтописцы всегда обвиняютъ иновѣрцевъ и жестокости въ обращеніи съ погаными считаютъ правомъ. Какъ необычайную черту отмѣтилъ составитель лѣтописи, что по завоеваніи Литвы въ 1535 году приказано было церкви честно держать ***). Трудно подмѣтить, какое различіе видятъ лѣтописцы между проклятыми татарами и окаянными ляхами, между погаными половцами и беззаконными латинянами, между лукавыми нѣмцами и безбожною Литвою. Всѣмъ приписываютъ чары и волхованья въ высшей степени ****). Неблагопріятное мнѣніе о западной Церкви наши предки заимствовали отъ грековъ, которые старались оградить новорожденную русскую Церковь отъ притязаній папскихъ, помня незаконное вмѣшательство въ дѣла греческой и болгарской Церкви †). Въ древней нашей лѣтописи почти съ первыхъ строкъ дается невыгодное понятіе о латинской Церкви. Частыя притязанія папъ подчинить русскую Церковь своему престолу, предательство Исидора и т. п. развивали болѣе и болѣе это понятіе. Духъ нетерпимости въ

---

*) I псков. 322; II псков. 56—7; ркп. солов. б. подъ № 895 отъ л. 36.

**) IV новг. 75; I пск. 189. 200 и во мн. др.

***) II соф. 293.

****) Напр. 184. 188 ипат.

†) Татищ. II, 78 стр. и прим. 195; ник. I, 104.

отношеніи къ латинянамъ имѣлъ большое значеніе для Россіи: онъ воспрепятствовалъ папскому властолюбію подавить православіе въ Россіи, когда нельзя было ей ожидать ни откуда помощи. Но скоро неблагопріятный взглядъ на латинянъ доведенъ былъ до крайности. Лѣтописцы причисляютъ ихъ даже къ разряду нехристіанъ; богослуженіе ихъ называютъ „сквернымъ молбищемъ", храмъ— божницей или ропатью, крестъ—крыжемъ, и пр. *). Русскіе пастыри во всѣ времена предостерегали чадъ Церкви отъ единенія съ латинянами въ пищѣ и въ молитвѣ и ограждали отъ усвоенія обрядовъ ихъ **). И лѣтописцы подозрительно смотрятъ на всякое столкновеніе православныхъ съ римскими католиками, которое, по ихъ понятію, не могло остаться безъ вреда для вѣры.

Выписавъ повѣсть о взятіи крестоносцами Царяграда изъ иностраннаго хронографа, русскій лѣтописецъ прибавляетъ въ заключеніе отъ себя: „и такъ погыбе царство богохранимаго Костянтиня града и земля гречьская, въ свадѣ царствъ, еюже обладаютъ фрязи" ***). Послѣ флорентинскаго собора возникло въ Россіи сомнѣніе касательно православія грековъ и отразилось въ лѣтописяхъ ****). Взятіе турками Константинополя, которое наши предки

---

*) Напр. II соф. 155. 191. 197.

**) Рус. достоп. 1, 90; Акт. арх. эксп. 1, № 184 и 108. А. ист. 1, № 370. Опис. Рум. муз. стр. 285; крыжъ лядскій стесать въ церкви. II соф. 221. Между прочимъ вотъ молитвенное обращеніе, замѣчательное по выраженію духа времени: «согрѣшихъ хожденіемъ въ латинскія божницы, и тѣхъ пѣнія слушахъ, и срѣтаяся и стоя и глаголахъ съ латины и со армены и съ жиды, въ забвеніи миръ и благословеніе имъ рекохъ и руку давахъ правую и по отхожденіи прощеніе имъ глаголахъ въ забытьи, и отъ нихъ слышахъ такожде. Прости мя, отче!». Сбор. солов. б. подъ № 895 л. 200—1.

***) I новг. 29.

****) Акт. истор. 1, № 41; II соф. 161—3 и дал.

считали слѣдствіемъ отпаденія грековъ отъ истинной вѣры, еще болѣе утвердило это сомнѣніе: „поставленъ былъ Іосифъ протосинкеллъ (въ Россіи) митрополитомъ кесаріи филиповой; потому что тамъ уже все православіе поганые взяли по морю, и Царьградъ, и Антіохію, и Александрію, и Іерусалимъ“ *). Послѣ этого и на грековъ стали смотрѣть у насъ съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, особенно когда прибыла въ Россію великая княгина Софья, супруга Іоанна III-го, „*по отцѣ христіанска, а по матери латынска*“. Особенно рѣзко бросилось въ глаза лѣтописцу, что „пріѣздъ ея былъ отъ великаго Рима и изъ нѣмецъ... И былъ съ нею свой владыка, не почину нашему оболченъ весь червленымъ платьемъ, имѣя на себѣ куколь червленъ же, на главѣ обвитъ глухо, якоже каптуръ литовскій, только лице его знати, и перстатицы на рукахъ его имѣя непремѣнно, яко рукъ его никому же видѣти, и въ той благословляетъ, да такоже и крестъ предъ нимъ и распятіе осязаему, якоже всѣмъ человѣкомъ видѣти, вылитое носятъ предъ нимъ, на высокое древо воткнуто горѣ; не имѣя же поклоненія къ св. иконамъ и креста на собѣ рукою не прекрестяся, и въ дому св. Троица только знаменася ко Пречистой, и то по повелѣнію царевны“ **). Даже образованные люди стали говорить: „какъ пришла сюда великая княгиня Софья съ греки, такъ наша земля замѣшалася“ ***).

Признавая русскаго царя единымъ православнымъ царемъ и покровителемъ вѣры, русскіе непріятно смотрѣли на приближеніе иностранцевъ къ престолу, и всякое неблагопріятиое для себя дѣйствіе власти объясняли изъ ихъ

---

*) Акт. ист. 1, № 281; II соф. 186.
**) Акт. арх. экспед. 1. № 172, I псков. 245.
***) Сборн. кн. Оболенскаго стр. 3. изд. 1828 г. Москва.

вліянія. Съ такими убѣжденіями слилась мысль о пришествіи антихриста, и стали приспособлять слова Апокалипсиса къ извѣстнымъ лицамъ. Изъ лѣтописей видно, что еще съ раннихъ поръ старались находить черты, приписываемыя антихристу, въ жестокихъ правителяхъ: „былъ Тимоѳей въ Галичѣ премудрый книжникъ, отечество онъ имѣлъ въ городѣ Кіевѣ, притчею говорилъ слово о томителѣ Бенедиктѣ, яко въ послѣдняя времена тремя имены наречется антихристъ.—И вправду, замѣчаетъ лѣтописецъ, былъ онъ антихристъ по скверным дѣламъ своимъ" *). И вотъ, когда Василій Іоановичъ „обычай псковскій перемѣнилъ и старину порушилъ, да свои обычаи и новыя пошлины уставилъ",—лѣтописецъ съ скорбію говоритъ: „а все то за наше согрѣшеніе такъ Богъ повелѣлъ быти. Занеже писано во Апокалипсисѣ глава 54 **): пять бо царей минуло, а шестой есть, по не ỳ бѣ пришелъ; шестое бо царство именуетъ въ Руси скиѳскаго острова; си бо именуетъ шестый, и седьмый потомъ еще, а осьмый антихристъ. Се бо Христосъ во св. Евангеліи глагола: да не будетъ бѣжство ваше зимѣ, ни въ суботу; се убо пріиде на ны зима. Сему бо царству разширятися и злодѣйству умножитеся. Охъ, увы! Да насъ Іс҃съ Христосъ Богъ нашъ избавитъ отъ сего зла и вѣчнаго мученія" и проч. Тотъ же лѣтописецъ говоритъ объ Іоаннѣ IV: „князь великій женился и поятъ княгиню Настасью во вдовыя у Романовскія Юрьевича, и быша вѣнчаны цар-

*) Ипат. подъ 1205 г. 157 стр. Этотъ Бенедиктъ, намѣстникъ венгерскій, былъ латинянинъ, а папы всѣми силами старались подчинить себѣ югозападную Россію.

**) Означеніе главы нельзя считать ошибкою; лѣтописецъ слѣдуетъ древнему дѣленію Апокалипсиса, которое состояло изъ 72 главъ. По нынѣшнему дѣленію это мѣсто находится въ XVII гл. ст. 10. 11.

скими утварьми, и восхотѣ царство устроити на Москвѣ; и якоже написано во Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царевъ минуло, а шестой есть, но не убо пришло, но се абіе уже настало и пріиде". Вотъ чѣмъ объясняетъ лѣтописецъ жестокости Іоанна Грознаго: „прислали къ царю нѣмчина лютаго волхва нарицаемаго Елисея, и бысть ему любимъ, въ приближеніи. И положи на царя страхованіе, и выбѣглецъ отъ невѣрныхъ нахожденія, и конечнѣ былъ отвелъ царя отъ вѣры: на русскихъ людей царю возложи свирѣпство, а къ нѣмцамъ на любовь преложи. Понеже безбожніи узнали своими гаданіи, что было имъ до конца разореннымъ быти, того ради таковаго злаго еретика и прислала къ нему... И много множества роду боярскаго и княжеска взусти убити цареви, послѣди же и самаго приведе наконецъ еже бѣжати въ англінскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшіе побити. Того ради и не даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша, да не до конца будетъ русское царство разорено и вѣра христіанская" *). Мы потому особенно остановились на этихъ мнѣніяхъ лѣтописцевъ, что въ нихъ кроется объясненіе зарожденія и развитія основной мысли раскола, хотя эти мнѣнія не всѣ лѣтописцы раздѣляютъ.

Такому взгляду на событія соотвѣтствуетъ и тотъ характеръ, которымъ вообще запечатлѣвается самый разсказъ нашихъ лѣтописцевъ. Религіозное воодушевленіе, искренность и безъискусственность разсказа, часто небогатаго свѣдѣніями, за то всегда согрѣтаго теплотою чув-

---

*) I псков. 282. 307. 318. А. Отрепьевъ,—эта „головня, забытая отъ Содома и Гаморра",—который получалъ „отъ римскаго папы грамату, а въ граматѣ писано, чтобъ онъ держалъ крѣпко латынскую вѣру",—прямо называется *предтечею антихриста*. Учен. зап. Каз. унив. 1843, II и III кн. стр. 45—9.

ства, составляютъ отличительную черту нашихъ лѣтописей. Правда, у лѣтописца нашего быстрота и разнообразіе чувства не подчинены единству мысли; за то всѣ движенія его сердца сводятся къ одному началу—чистой любви къ быту и добродушнаго безпристрастія. У лѣтописца нѣтъ напередъ задуманной цѣли разсказа, нѣтъ мысли, подъ которую онъ хотѣлъ бы подвести свое повѣствованіе, какъ видимъ у современныхъ историковъ: его радуетъ всякое встрѣчаемое доброе дѣло; слабости и заблужденія всякаго времени, эпохи или лица, возбуждаютъ въ немъ искреннее презрѣніе, а порокъ и преступленіе возвышаютъ строгій голосъ осужденія и обличенія. Онъ не старается скрыть и современные недостатки; напротивъ желаетъ выставить ихъ на позоръ, чтобъ всякій могъ видѣть и чувствовать отвращеніе при взглядѣ на нихъ. Лѣтописцы не смущались, что ихъ безпристрастіе и желаніе добра можетъ быть не по вкусу современникамъ, ложно понимавшимъ честь своей родины, и можетъ навлечь на нихъ личную непріязнь общества. Они понимали непріятное положеніе другихъ и свое собственное, и съ патріархальною простотою часто объясняли свою высокую цѣль, или только дѣлали разныя оговорки. Напримѣръ, описавъ добросовѣстно безпорядки при нашествіи Едигея, лѣтописецъ весьма поучительно говоритъ: „быть можетъ, нѣкоторымъ покажется непріятно написанное нами; быть можетъ, найдутъ неприличнымъ, что мы разсказали событія, не очень для насъ лестныя; но все сказанное нами клонится къ тому, чтобъ удержать отъ зла, направить къ добру. Мы написали это не въ досаду, не въ поношеніе чье либо, не изъ зависти къ чести честныхъ; мы пишемъ по примѣру начальнаго лѣтописца кіевскаго, который всѣ событія земскія не обинуясь показываетъ; да и первые наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвали описывать

все, что ни случится добраго или недобраго въ землѣ; хочешь, прочти прилѣжно того великаго Сильвестра выдубицкаго, безъ украшеній писавшаго при Владимірѣ Мономахѣ. Блага временныя и вѣчныя пріобрѣтаются не гнѣвомъ и гордостію, но простотою, умиленіемъ и смиреніемъ. Отцы наши безгнѣвіемъ, простотою и смиреніемъ обрѣли блага настоящаго и будущаго вѣка и намъ предали; мы же, поучаясь ихъ примѣромъ, не преминули описать все приключившееся во дни наши, да властодержцы наши прилѣжно внимаютъ, избирая лучшее; юноши да почитаютъ старцевъ, а сами одни безъ опытнѣйшихъ старцевъ да не самочинствуютъ въ земскомъ правленіи". Также лѣтописцы замѣчали, что ихъ побудилъ высказать горькую истину законъ правды: „сія убо написахъ не отъ своего произволенія, ни яже мой худый умъ достиже, на память послѣднему роду, но по св. отецъ правилѣхъ" и проч. *).

Задушевная дума, проникнутая силою глубокаго чувства, нравственныя наставленія постоянно сопровождаютъ частные лѣтописные разсказы. Любовь къ благорусской Церкви и отечества возвышается надъ всѣми другими чувствами лѣтописца. Всякое доброе дѣло, въ чемъ бы оно ни проявлялось, — въ созданіи ли храма и принесеніи иконы, или на поприщѣ противу внѣшнихъ враговъ,— вызываетъ у лѣтописца чувство свѣтлой радости и чистосердечное слово похвалы и благословенія; на благородный порывъ души и нравственное движеніе сердца онъ отзывается искреннимъ привѣтомъ, и даетъ урокъ современникамъ. По описаніи удачной побѣды Владиміра Мономаха надъ Ярославомъ и его союзниками, лѣто-

*) Ник. л. V, 28; I пск. 224. 339; II соф. 232.

писецъ восклицаетъ: „виждьте, братіе, коль благъ Богъ и милостивъ на смиренныя и на праведныя призирая“ и проч. *). Особенно подвиги самопожертвованія и страданія за св. вѣру и русскую землю, труды, безпокойства, поднятыя для ихъ огражденія, восхищаютъ составителя лѣтописи и онъ съ сильнымъ одушевленіемъ говоритъ о нихъ, какъ высокихъ образцахъ для современниковъ. Описавъ мученическую кончину Романа рязанскаго въ ордѣ, лѣтописецъ обращается къ князьямъ съ наставленіямъ: „О возлюбленные князья русскіе! не прельщайтесь пустою славою свѣта сего, которая хуже паутины, какъ тѣнь проходитъ; не принесли вы на этотъ свѣтъ съ собою ничего, ничего и не отнесете; не обижайте меньшихъ родственниковъ своихъ... Смотря на суету жизни человѣка, который вчера славою былъ украшенъ и гордился боярами, а нынѣ персть и гной,—вспомнимъ о своихъ грѣхахъ и покаемся“ **). Кромѣ желанія общаго спокойствія, и благосостоянія, лѣтописецъ принимаетъ участіе въ личномъ благѣ ближняго: въ его сердцѣ находитъ сладостный отзывъ счастіе и радость другаго; онъ подаетъ утѣшеніе и надежду истерзанной страданіемъ душѣ ***).

При описаніи нравственныхъ заблужденій лѣтописцы воспламеняются чувствомъ истинной правды противу злаго дѣла: не бываетъ пощады часто и лицу порочному. Если заблужденіе было временное или не влекло за со-

---

*) Ипат. 9.

**) IV новгор. 33.

***) „Благовѣрный князь Святославъ Юрьевичь—этотъ избранникъ Божій—отъ рожденья до совершеннаго мужества страдалъ болѣзнью злою, которой просили для себя св. апостолы и св. отцы у Бога; кто постраждетъ болѣзнью тою, какъ книги говорятъ, тѣло его мучится, а душа его спасается... Не далъ ему Богъ княжить на землѣ, за то далъ царство небесное“. Лавр. 156. 178.

бою вредныхъ послѣдствій для христіанскаго общества,— лѣтописецъ снизходителенъ къ человѣку, особенно, если онъ за свое преходящее заблужденіе заплатилъ продолжительнымъ несчастіемъ. Къ несчастнымъ падшимъ лѣтописецъ не чувствуетъ презрѣнія: онъ, такъ сказать, одною рукою старается поднять падшаго, другою—указываетъ современникамъ на камень соблазна, причину паденія; у него является одно слово укора, другое—сожалѣнія. Таковы отзывы объ Андреѣ боголюбскомъ, о Семенѣ Дмитріевичѣ суздальскомъ и др. Особенно лѣтописецъ остороженъ въ выраженіи чувства, когда судитъ о лицахъ уже отшедшихъ изъ міра: по понятію его, могила все миритъ, и онъ не произноситъ строгаго слова усопшему за его нравственныя недостатки; онъ любитъ отзываться объ умершемъ снисходительно; даже, какъ видно, считаетъ грѣхомъ произносить строгій человѣческій приговоръ тому, „кого взялъ Богъ, кто отошелъ къ Богу“ на судъ: „а онъ былъ великій злодей, прибавляетъ объ иномъ лицѣ лѣтописецъ; не судя его писахъ, но дѣла его зла“ и т. д. *).

Такъ какъ несчастія и бѣдствія лѣтописецъ разсматриваетъ, какъ достойное наказаніе современныхъ пороковъ, то чаще всего и особенно сильно изливается чувство при описаніи общественныхъ бѣдствій. Сокрушая гордыню человѣка, скорбь размягчаетъ сердце и дѣлаетъ его впечатлительнымъ; и лѣтописецъ, при видѣ общаго горя, какъбы не въ силахъ удерживаться отъ нравственнаго наставленія. Эти задушевныя мысли очень важны для церковнаго историка, потому что служатъ часто безпристрастными обличителями современныхъ бытописателю нравовъ, и имѣютъ одинаковую важность съ древними поученіями.

*) Ипат. 109; IV новг. 109; I пск. 364; I соф. 203.

Обнаруженіе чувства у лѣтописца довольно разнообразно, смотря по случаю, который подаетъ къ нему поводъ. Иногда онъ выражаетъ его въ самыхъ наименованіяхъ лицъ, совершившихъ то или другое дѣло: блаженный, добросердный, боголюбивый и т. п., или: лукавый, окаянный, проклятый и пр. *); иногда высказываетъ искреннія благожеланія добрымъ: „покой, Господи, во царствіи небеснѣмъ; услыши, Госпоже, молитву его“! А на порочныхъ призываетъ праведный гнѣвъ Божій: „воздай имъ, Господи, по дѣламъ ихъ!.. Суди имъ, Боже“!.. Или при описаніи справедливаго наказанія Божія за порокъ въ здѣшней жизни, онъ подтверждаетъ необходимость его и сильно сочувствуетъ: „ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ. Судъ безъ милости не сотворшему милости“ и т. п. **). Для выраженія похвалы или порицанія лѣтописцы нерѣдко берутъ сравненія изъ библейской и церковной исторіи и сопоставляютъ съ нимъ лица и сходныя событія своего отечества: „былъ протокъ какъ Давидъ, мудръ какъ Соломонъ; пастырь добрый какъ Іоаннъ Златоустъ“,—или: убилъ брата какъ Каинъ, измѣнилъ какъ Іуда, былъ злодѣй какъ Иродъ ***). Иногда лѣтописецъ, пораженный рѣдкимъ явленіемъ высокой нравственности, невольно выражаетъ чувство свое въ сильныхъ восклицаніяхъ. Сюда относятся всѣ молитвенныя обращенія къ праведникамъ, съ прошеніями и ходатайствомъ за народъ православный, и прославленія праведниковъ. Чрезвычайныя милости Божіи заставляли восклицать: „Господи! слава Тебѣ, давшему

---

*) I новг. 15. 20. 36; II новг. 126. 131. 133 и др.

**) I новг. 50. 70; IV новг. 154; лавр. 162—3. 180. 182. 186. ип. 21; I пск. 239.

***) Лавр. 157. 181. 195; ип. 113. 135. 154. 204. 214. 220; I новг. 51; II новг. 139; I пск. 237. 280; I соф. 176.

намъ недостойнымъ и грѣшнымъ рабамъ своимъ такое благословенie; на Тя уповаемъ, Господи Вседержителю! яко призираеши на насъ убогихъ своею многою милостью, человѣколюбче!". Мѣра зла также сильно дѣйствовала на лѣтописцевъ: „Оле страшно чюдо и дивно, братiе! поидоша сынове на отци, а отци на дѣти, братъ на брата, рабы на господу, а господа на рабы" *). Похвалы и порицанiя свои лѣтописцы сопровождаютъ указанiемъ на высшiй судъ, который непремѣнно воздаетъ по достоинству добродѣтели и пороку, и весьма часто съ полною увѣренностью говорятъ, что извѣстныя лица наслѣдуютъ царствiе небесное, или будутъ ввержены въ адъ, судя по ихъ дѣйствiямъ земнымъ: „претерпѣвый до конца прiиметъ спасенiе. Окаянные же твои убiйцы (Андрея боголюбскаго) огнемъ крестятся конечнымъ, иже ижигаетъ всякаго грѣха купину" **). Впрочемъ, лѣтописцы не чуждаются и земныхъ побужденiй для возвышенiя добродѣтели и униженiя порока. „Сего имени толико трепетаху вся страны, говорится о Димитрiѣ Юрьевичѣ, и по всей земли изыде слухъ его, и вся зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его... и дарова ему Богъ чада добромыслена" ***). Въ обращенiяхъ къ современникамъ съ нравственными наставленiями грозно вооружаются лѣтописцы на господствующiе пороки и недостатки общества и прямо выставляютъ ихъ на показъ, какъ причину, которая произвела бѣдствiе: „Богъ, видя наши беззаконiя и братоненавидѣнiе, и непокоренiе другъ другу, и зависть, ложное цѣлованiе креста, на который ангели не могутъ зрѣть и многоочитые крылами закрываются; а мы въ рукахъ держимъ и скверными устами

*) Нест. 34. 59. 109; ипат. 113. IV новг. 22. тр. 214; I новг. 54.
**) Л. Переясл.užд. подъ 1206 г. лавр. 156. 138. 186; II соф. 228.
***) Лавр. 184. 185; VI новг. 144; ип. 216. II соф. 232.

цѣлуемъ; и за то Богъ на насъ поганыхъ навелъ и землю нашу пусту положилъ“ *). Иногда, проникнутый сознаніемъ собственной слабости и слабости другихъ, лѣтописецъ предается глубокой скорби и тяжелому раздумью о непостижимыхъ судьбахъ премудраго Міроправителя: „сотвори Господь за грѣхи наша, казня весь міръ и паки обращая, якоже согрѣшихомъ и беззаконовахомъ и не оправдихомся предъ Нимъ: кто бо свѣсть умъ Господень, и тайная Его творенія кто вѣсть“ **)? Истиннымъ краснорѣчіемъ дышатъ тѣ строки, одушевленныя горячимъ чувствомъ лѣтописца, гдѣ онъ въ общемъ горѣ оплакивая и свое собственное, призываетъ и другихъ къ плачу и покаянію, приглашаетъ къ молитвѣ, или самъ изливаетъ чувство свое въ молитвенныхъ выраженіяхъ, прося у Бога помилованія христіанскому народу, или благодаря за справедливое временное наказаніе. Эти строки писаны подъ вліяніемъ богослужебныхъ книгъ и даже цѣлыя выраженія церковныхъ молитвъ часто здѣсь слышатся: „клятвы убоявшеся, братіе, плоды покаянія принесемъ. Но Ты, милостивый Спасе, простри руку свою невидимую, изведи насъ ото всякаго зла и буди намъ смиреннымъ помощникъ въ день печали нашея, егда вострепещетъ душа наша, видяще противныя силы; но Ты, милостивый Господи, посли намъ отъ вышняго честнаго престола Твоего помощь и оружіе непобѣдимое — честный крестъ, молитвами св. Богородицы и всѣхъ святыхъ... Праведно и достойно есть, тако да накажемся, тако вѣру имемъ, кажемы есмы: подобаше намъ преданнымъ быти въ рукы языку странну и безпокойнѣйшму всея земли. Рцемъ велегласно: праведенъ

---

*) Нест. 73; I новг. 46. 64; II новг. 139; IV новг. 29.
**) Ипат. 139; нест. 96. 99.

еси, Господи, и прави суди твои“ и т. д. *). Христіанская мысль, что временное наказаніе ведетъ къ лучшей высшей цѣли и самое зло служитъ средствомъ къ добру, проникаетъ описанія бѣдствій и нравственные уроки лѣтописца, и смягчаетъ тяжелое впечатлѣніе: „милосердъ Богъ и человѣколюбецъ, не до конца прогнѣвается на ны, ни въ вѣки враждуетъ... Казнивъ, помилуй, Господи“ **).

Русскіе лѣтописцы любили и старались облекать свои мысли и чувства въ выраженія слова Божія. Причиною этого было безпредѣльное уваженіе къ глаголамъ жизни вѣчной, какъ главному источнику образованія умственнаго и нравственнаго, и, при созерцаніи высоты и глубины мудрости Божественной, чувство смиренія и сомнѣнія въ собственныхъ достоинствахъ для великаго дѣла—сообщенія истины. Начитанные въ словѣ Божіемъ, они пользовались имъ легко и часто приводили себѣ на память. Но надобно замѣтить, что объемъ и сила библейскаго выраженія не всегда соотвѣтствуютъ содержанію мыслей ихъ, такъ что иногда священное выраженіе не о томъ говоритъ, что они имѣютъ въ виду.

Но лѣтописцы, руководясь главнымъ образомъ впечатлѣніями чувства, не повѣряли строго разсудкомъ слышанныхъ разсказовъ и происшествій. Простодушная довѣрчивость позволяла имъ передавать свѣдѣнія не въ настоящемъ свѣтѣ, но съ прикрасами народной молвы, или съ дѣтскою искренностію разсказыватъ вымыслы досужаго воображенія. Но всегда почти лѣтописцы безхитростны и незамѣтно изъ ихъ разсказовъ намѣреннаго внесенія ложныхъ фактовъ съ извѣстною цѣлью. Во многомъ съ ними

---

*) Ип. 118—19; I новг. 68; I соф. 188. 194 и пр.

**) I новг. 92. 93; I пск. 190.

нельзя согласиться, но съ точки своего воззрѣнія они всегда правы.

Сила любви къ своей вѣрѣ и отечеству, откуда лѣтописецъ почерпалъ все свое одушевленіе, была нерѣдко исключительна. Чувство, заключенное въ кругу своихъ непосредственныхъ убѣжденій, не могло примириться съ мыслію объ иновѣріи, и лѣтописецъ нерѣдко съ непріязнію выражается объ иноплеменникахъ. Различныя непріятности, наносимыя отъ иновѣрцевъ русскимъ, поддерживали, питали и усиливали это чувство непріязни. Несчастіе иноплеменниковъ большею частію радуетъ нашего лѣтописца, и онъ отзывается о нихъ не въ лестныхъ выраженіяхъ; иногда даже чувство его переходитъ въ злую насмѣшку надъ иновѣрцемъ, какъ поганымъ: „увидѣлъ Даніилъ ляховъ, крѣпко идущихъ на Василька, поющихъ керлешь (χύριε ἐλέησον), сильный голосъ ревѣлъ въ полку ихъ, и пр... Убилъ одинъ воинъ князя ятвяжскаго; пока тѣло его долетѣло до земли, душа уже вышла съ кровью и очутилась въ аду... Нѣмцы погорѣли, какъ свиньи... Давали дьяки по монастырямъ татаръ, какіе захотѣли креститься; а которые не хотѣли креститься, тѣхъ метали въ воду... Въ 1535 году пометали въ Новгородѣ татаръ въ тюрьму 80 и болѣе, они же по своей скверной вѣрѣ всѣ померли; также и въ Псковѣ 70 вскорѣ умерло... Шведы пріѣхали къ воротамъ псковскимъ и сотворили свое скверное молбище въварганы, и въ бубны и въ трубы“ *). За то обращеніе къ христіанству иновѣрцевъ приводило въ восторженную радость и лѣтописца и народъ, который во множествѣ стекался смотрѣть на присоединеніе ихъ къ Церкви, „аки на дивное чудо“, и возсылалъ теплую мо-

*) Ип. 183. 193; I пск. 22. 331; II новг. 157; II соф. 297.

литву къ небу, какъ передаютъ лѣтописи: „обрати, Господи, поганыхъ въ христіанство, да и они будутъ братья наши, пріемше св. крещеніе, и да будетъ едино стадо и единъ пастырь“. Нельзя однако по строгомъ вниманіи сказать, что нерасположеніе лѣтописцевъ къ иновѣрцамъ доходило до крайней нетерпимости и закоренѣлой ненависти, тѣмъ болѣе, что они обнаруживаютъ свое чувство въ особенности при такихъ случаяхъ, когда иновѣрцы наносили сильный вредъ Церкви и отечеству, когда конечно и не лѣтописецъ не остался бы равнодушнымъ. Въ подобныхъ случаяхъ у лѣтописца не бываетъ пощады и православнымъ.

По внѣшнему своему изложенію лѣтописи весьма не хитры. Событія церковной исторіи является въ простыхъ разсказахъ, не имѣющихъ внутренней связи съ цѣлымъ составомъ лѣтописи. Порядокъ повѣтствованій въ нихъ хронологическій: по порядку лѣтъ пересказываются случившіяся событія безъ всякаго соотношенія и связи, и не дается даже преимущества однимъ извѣстіямъ предъ другими по ихъ сравнительной важности. Событія, продолжающіяся нѣсколько лѣтъ, упоминаются подъ разными годами, напримѣръ, подъ тремя годами можно встрѣтить построеніе храма. Церковно-историческое содержаніе является въ лѣтописяхъ или въ видѣ краткихъ замѣтокъ, или въ довольно значительныхъ описаніяхъ разныхъ обстоятельствъ Церкви, а иногда содержаніе этого рода пополняется особыми вставками въ лѣтопись, таковы: жизнеописанія замѣчательныхъ лицъ, посланія, краткія поученія, описанія путешествій, и т. п.

Чтобъ дать понятіе о мѣстности извѣстныхъ происшествій, лѣтописцы нерѣдко указываютъ храмы и монастыри, вблизи которыхъ они совершались: „у св. Петра и Павла

на берегу“... „Между путемъ на Берестово и на монастырь“... „Близко Юрьева монастыря“ *)...

Время событій у лѣтописцевъ опредѣляется по кругу церковныхъ праздниковъ, постовъ и замѣчательныхъ дней. Такъ, говорится, что извѣстное обстоятельство произошло въ великое говѣнье, въ филипповъ постъ, въ молочное заговѣнье, о средохрестьи. Иногда означается время по извѣстнымъ недѣлямъ, которымъ даются названія церковно-богослужебныя: въ недѣлю блуднаго сына, на фарисеевѣ недѣли, въ день антипасхи. Чаще всего полагаются границами времени извѣстные праздники церковные: „на великъ день, на духовъ день, отъ крещенья до вознесенья, въ николинъ день, въ недѣлю по водохрещахъ, на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, въ день воздвиженія“ и т. д. Иногда указывается время извѣстное по какому-нибудь общему обычаю: „въ зимнее время о свадьбахъ, какъ ходятъ на скудельницы“ **). День дѣлитъ лѣтописецъ по часамъ, въ которые совершается служба церковная: „на успѣнье въ заутреню, въ недѣлю по вечерни, какъ обѣдню поютъ“.

*) Лавр. 99; тр. 212. 224; I пск. 179. 183. 259.

**) I пск. 218. 294. 313. Иногда праздники называются народными именами, напр. *въ осменика,* т. е. въ недѣлю по пасхѣ. Ипат. 81.

ОБЗОРЪ

РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ ВЪ СОДЕРЖАНІИ И ХАРАКТЕРѢ ИХЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ.

III.

ОБЗОРЪ

русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ.

При внутреннемъ сходствѣ общаго содержанія, при довольно однообразномъ характерѣ изложенія его, русскія лѣтописи отличаются одна отъ другой частными особенностями, хотя не очень рѣзкими. Теченіе времени и измѣнчивость жизни, впрочемъ болѣе внѣшняя и немногозначительная, положили свою печать на лѣтописи. Сообразно съ ходомъ историческихъ обстоятельствъ, видоизмѣнялись и лѣтописи. Въ періодъ междоусобныхъ войнъ и во время господства татаръ, по естественной невозможности собирать свѣдѣнія о цѣлой Россіи, въ слѣдствіе самостоятельности отдѣльныхъ княжествъ и разобщенія народной жизни, являются лѣтописи мѣстныя, ограничивающіяся почти исключительно обзоромъ мѣстныхъ событій. Только до извѣстной степени одну древнюю лѣтопись можно назвать всероссійскою по объему содержанія. Съ XV столѣтія Россія начала собираться въ одно цѣлое; независимость удѣльныхъ княжествъ падала; съ этого времени и въ мѣстныхъ лѣтописяхъ стали появляться свѣдѣ-

нія о событіяхъ другихъ княжествъ, по близкому между ними соприкосновенію. Когда же Россія начала устроиваться, какъ одно государственное тѣло, подъ однимъ скипетромъ самодержавія, когда ходъ дѣлъ зависѣлъ отъ воли одного правительства, явилась необходимость общей лѣтописи, которая бы обнимала событія всей Россіи. Съ этого времени болѣе и болѣе появляется лѣтописныхъ сборниковъ, въ которые вносились извѣстія по выбору изъ разныхъ частныхъ и мѣстныхъ лѣтописей. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе историческаго теченія событій, русскія лѣтописи распадаются на два отдѣла: лѣтописи мѣстныя и лѣтописные сборники. Впрочемъ и мѣстныя лѣтописи дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а со вставками изъ разныхъ другихъ лѣтописей. Различіе между мѣстными лѣтописями зависѣло отъ неодинаковаго хода историческихъ обстоятельствъ, отъ особаго круга явленій извѣстнаго княжества, отъ различія племеннаго или народнаго характера. Дѣйствуя въ опредѣленномъ кругу, въ извѣстной вѣтви племени, которая имѣетъ свою особенную жизнь, свой особый міръ понятій и дѣйствій, лѣтописецъ передавалъ господствующія мысли и потребности своей мѣстности. Подъ вліяніемъ ихъ, онъ обогащалъ подробностями свои записи и много говорилъ такого, чего не говоритъ лѣтописецъ другой области, и даже противорѣчилъ ему; за то онъ часто опускалъ изъ виду случившееся въ другихъ областяхъ и его не интересовавшее, или упоминалъ только мимоходомъ и неудовлетворительно, дѣлалъ извлеченія изъ источниковъ любопытныя и дорогія для его племени, и сокращалъ ненравившееся ему, а о другомъ вовсе умалчивалъ. Поэтому лѣтописи, даже составленныя на основаніи однихъ источниковъ, часто не сходны между собою. По подробности разсказа, по свойству взгляда, по особой приверженности и сочувствію къ

событіямъ и лицамъ извѣстной мѣстности, можно узнавать вставки въ лѣтописяхъ. Оттого поздніе составители лѣтописей, пользуясь разными мѣстными записками при изложеніи одного извѣстія и не вникая въ ихъ смыслъ, допускали грубыя ошибки и противорѣчія. Такъ напримѣръ о совѣщаніи Давыдовичей изгнать Игоря Ольговича ипатьевскій лѣтописецъ отзывается съ ненавистью и представляетъ это дѣло съ мрачной стороны: „всекозненный дьяволъ, не хотяй любви между братьею, и вложи въ сердце злымъ совѣтомъ“ и пр. Но о торжествѣ враговъ его далѣе говорится: „се же есть пособіемъ Божіимъ и силою честнаго креста, и заступленіемъ св. Михаила, и молитвами св. Богородицы“. А потомъ опять разсказывается въ прежнемъ духѣ объ изгнаніи Игоря: „лукавый пронырливый дьяволъ, не хотяй добра между братьею, хотяй приложити зло къ злу и вложи Давыдовичамъ мысль не взыскати брата Игоря, не помянути отечества и о крестѣ утвержденія, ни божественной любви, якоже бѣ лѣпо жити братья единомысленно вкупѣ, блюдучи отечества своего; но преступивше крестное утвержденіе, и забыша страхъ Божій“ и проч. *). Мѣстный народный характеръ, отражаясь въ лицѣ составителя лѣтописи, имѣлъ вліяніе и на самый способъ изложенія и языкъ лѣтописей. Главное и яркое различіе находится между мѣстными лѣтописями южными и сѣверными. Но есть событія, которыя имѣли интересъ для каждой мѣстности и описаніе которыхъ занесено во всѣ лѣтописи. Таковы, напримѣръ, извѣстія о постановленіи и смерти особенно замѣчательныхъ митрополитовъ, объ устройствѣ Печерскаго монастыря, о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, о созданіи церкви владимірской св.

*) Ипат. 23—25.

Богородицы, о новгородскомъ епископѣ Нифонтѣ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ: „бысть поборникъ всей русской земли“, и т. п. *).

Независимо отъ времени, народнаго характера и мѣстности, особенности лѣтописей, какъ мѣстныхъ, такъ и сборниковъ, зависѣли также отъ личнаго образованія и характера составителей ихъ. Умственное развитіе, степень начитанности по такимъ или другимъ книгамъ, своеобразныя размышленія, пристрастіе къ любимымъ идеямъ, различіе въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, заставляли лѣтописцевъ излагать событія самостоятельно, сообразно съ своею личностью, и были причиною различія взглядовъ. Кромѣ общихъ побужденій для составленія лѣтописей, были у многихъ писателей разныя цѣли и потребности, которымъ старались они удовлетворить: иные вели дневники по требованію высшихъ лицъ, нѣкоторыя просто—желали подѣлиться своимъ книжнымъ ученіемъ и познаніями; любовь къ тѣмъ или другимъ предметамъ, желаніе произвести сочувствіе къ нимъ въ другихъ, налагали на лѣтописи особенныя черты. Почерпая свѣдѣнія изъ расличныхъ источниковъ, имѣя подъ руками неодинаковые образцы, лѣтописцы могли дѣлать своеобразныя заключенія и придавать разсказу свой смыслъ, свое значеніе. Даже пользуясь одними источниками, лѣтописцы употребляли ихъ по своему. Склонность къ такому, а не другому способу изложенія, употребленіе любимыхъ оборотовъ рѣчи и проч. давали новые оттѣнки разсказу. Хотя личность лѣтопосцевъ всегда почти остается въ тѣни, но всеже они обнаруживали движеніе своего духа; иногда взглядъ на нѣкоторыя событія бываетъ очень рѣзокъ въ одной лѣтописи

---

*) Ипат. 79.

и нисколько не похожъ на взглядъ другой. Такъ, напримѣръ, въ двухъ разныхъ спискахъ одной и тойже псковской лѣтописи встрѣчается совершенно разнорѣчивое воззрѣніе на характеръ и поведеніе великаго князя Василія Іоанновича. Составитель одного списка лѣтописи по описаніи его смерти говоритъ: „буди ему доброму государю милосердому и боголюбцу, и нищелюбцу, и защитителю отовсюдѣ русской земли вѣчная память“; а по другому списку онъ называется *злосердымъ*; первый оправдываетъ разводъ его съ супругою Соломоніею: „неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ винограда“, а другой называетъ его второй бракъ прелюбодѣйствомъ, и т. д. *).

О южныхъ лѣтописяхъ.

Раннее знакомство съ Христіанствомъ, частыя соотношенія южной Россіи съ Византіею, имѣли свое вліяніе, какъ на мѣстный характеръ исторіи, такъ и на лѣтописи, веденныя на Югѣ. Содержаніе южныхъ лѣтописей отличается большимъ разнообразіемъ и глубиною, чѣмъ содержаніе сѣверныхъ. Южные лѣтописцы излагаютъ происшествія церковной исторіи не въ сухомъ перечнѣ, но часто передаютъ обстоятельно, въ подробномъ разсказѣ, знакомятъ съ причинами, ходомъ и слѣдствіями событій. Они сообщаютъ свѣдѣнія и о внутренней жизни христіанскаго общества, и о душевныхъ движеніяхъ отдѣльныхъ лицъ; много говорятъ о дѣйствіяхъ разныхъ лицъ на пользу Церкви и при описаніи ихъ смерти выставляютъ похвальныя свойства и дѣйствія, а такимъ образомъ знакомятъ съ чертами ихъ характера и часто съ степенью образован-

*) Псков. 282. 295—6. 298.

ности. Поэтому южныя лѣтописи доставляютъ довольно обильный матеріалъ для составленія картины нравственности тогдашняго времени. Не распространяются южные лѣтописцы много о внѣшнихъ постройкахъ церквей, какъ сѣверные, а изображаютъ болѣе внутреннее украшеніе ихъ и обнаруживаютъ склонность къ изяществу. Южные лѣтописцы касаются иногда и состоянія быта, особенно княжескаго. Они чрезвычайно много сообщаютъ извѣстій о встрѣчахъ князей, когда они занимаютъ престолъ; даже часто говорятъ о семейномъ торжествѣ князей, освящаемомъ св. Церковію, и видно, что весьма расположены къ князьямъ: радость князя была общею радостью жителей города и дамашнее его горе печалило народъ. У южнаго лѣтописца вездѣ замѣтно ощутительное присутствіе мысли, которая объясняетъ часто описанныя происшествія, или соединяетъ разнородные предметы въ одно цѣлое, замѣтно болѣе человѣчности, мягкости и теплоты сердечной. Къ этому нужно прибавить взглядъ болѣе чистый, болѣе свободный отъ суевѣрныхъ предубѣжденій.

Разсказъ южнаго лѣтописца отличается обиліемъ подробностей и передается не въ сухихъ и холодныхъ выраженіяхъ, но въ повѣствованіи и картинахъ, полныхъ жизни и движенія. Страна благословенная дарами природы, необыкновенное плодородіе, раскошная растительность, умѣренность и благорастворение климата развили живое воображеніе, теплоту и мягкость чувства въ душѣ южнаго человѣка, которыя давали силу и способъ представить разсказы въ ясныхъ картинахъ. Южныя лѣтописи написаны языкомъ легкимъ, игривымъ; ихъ рѣчь образна и украшена, какъ природа южной Руси, которая даетъ имъ черты для оживленія разсказа. Южные лѣтописцы любятъ иносказательную рѣчь, метафорическій образъ выраженій; у нихъ замѣтно особенно простодушное сочув-

ствіе съ природою и ея явленіями; у нихъ господствуетъ свѣтлый взглядъ на прекрасный міръ Божій. Форма ихъ рѣчи большею частію разговорная. Наконецъ, на южныхъ лѣтописяхъ болѣе замѣтно вліяніе греческихъ хроникъ, чѣмъ на лѣтописяхъ сѣверныхъ.—Сдѣлаемъ обозрѣніе лѣтописей по порядку.

Лѣтопись преподобнаго Нестора есть самая древняя и составляетъ особенное явленіе въ ряду русскихъ лѣтописныхъ памятниковъ. Если много можно сказать о недостаткахъ въ содержаніи нашихъ лѣтописей и самомъ характерѣ ихъ—вообще, то многое не относится къ произведенію святаго дѣеписателя.

Главною чертою лѣтописи Нестора служитъ полнота. Ни одна лѣтопись не раскрываетъ такъ обстоятельно хода дѣла, не знакомитъ такъ полно, живо и наглядно съ состояніемъ Христіанства въ Россіи, какъ лѣтопись Нестора. О чемъ бы ни заговорилъ преподобный, онъ изложитъ обстоятельство полно и цѣльно. Таковъ разсказъ его о принятіи крещенія мудрою Ольгою, разсказъ о мученикахъ-варягахъ; особенно подробно изложены обстоятельства принятія Христіанства св. Владиміромъ и крещеніе русской земли; такова повѣсть о убіеніи Бориса и Глѣба, о состояніи Христіанства при Ярославѣ мудромъ, объ обрѣтеніи мощей св. Θеодосія, о нападеніи половцевъ на Кіевъ, о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, о появленіи волхвовъ, о созданіи Десятинной церкви; таково и повѣствованіе о началѣ и состояніи Печерскаго монастыря: здѣсь преподобный разсказываетъ, какъ монастырь Печерскій отъ благословенія св. Горы *пошелъ*, какъ къ одной малой двухсаженной пещеркѣ добрые люди приходили, потомъ стали собираться подвижники и начали принимать и постригать ихъ, и собралось до двѣнадцати человѣкъ. Построили Церковь и кельи, „и нача Богъ умножати черно-

ризцевъ. Игуменъ и братья заложили Церковь велику и монастырь огородили столпьемъ, кельи поставили многи, Церковь совершили и иконами украсили". И такимъ образомъ братіи умножилось до ста человѣкъ. Далѣе показываетъ Несторъ, какъ высоки были подвиги черноризцевъ Печерскаго монастыря, какъ Богъ надѣлилъ избранниковъ своихъ духовными дарованіями. И въ заключеніе говоритъ: „они сіяютъ и по смерти яко свѣтила и донынѣ живутъ въ немъ добродѣтельное житіе, обще вси вкупѣ".

Вся лѣтопись Нестора, не смотря на отрывочные разсказы, составляетъ довольно цѣльное повѣствованіе. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе очеркъ постепеннаго развитія и движенія новой христіанской вѣры въ русскомъ обществѣ. Дѣеписатель разсказываетъ сначала преданіе о путешествіи св. апостола Андрея и его пророчествѣ о просвѣщеніи кіевской страны; потомъ говоритъ о предварительномъ приготовленіи Руси къ принятію Христіанства и указываетъ самый путь его: „греческій царь Леонъ слы русскія, почтивъ дарами, и приставивъ къ нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту, и страсти Господни, вѣнецъ и гвоздья и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаще я къ вѣрѣ своей, и показающе имъ истинную вѣру" (стр. 16). Далѣе въ договорѣ Игоря съ греками объяснено, что сѣмя слова Божія пало на воспріимчивую почву, не засохло, но возрасло. Несторъ останавливается на замѣчательныхъ чертахъ договоровъ и объясняетъ, что во время княженія Игоря дѣйствительно было много христіанъ изъ варяговъ и церковь св. Иліи. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе путешествія въ Царьградъ Ольги и принятія ею Христіанства. Это—начатокъ примиренія Руси съ Богомъ: „си первое вниде во царство небесное отъ Руси" (26. 29).

Очень естественно, что, просвѣтившись истиннымъ бо-

гопознаніемъ, мудрая Ольга склонила къ принятію Христіанства приближенныхъ, и особенно больно было материнскому сердцу ея смотрѣть на сына—язычника. Далѣе объясняетъ преподобный постепенность возрастанія вѣры Христовой на Руси и открываетъ принятіе Христіанства Владиміромъ изъ его характера, главную черту котораго составляли привязанность и усердіе къ вѣрѣ—вообще, и изъ примѣра мудрой Ольги (34. 35. 46). По сказанію Нестора, замѣтно постепенное расположеніе Владиміра къ Христіанству, начиная отъ описанія мученій Варяга до словъ: „топерево увидѣхъ Бога истиннаго“ (стр. 47). И уже ясно видимъ мы перерожденнаго Владиміра послѣ крещенія; онъ съ тѣмъ же характеромъ глубокой преданности вѣрѣ, но вѣрѣ уже новой: онъ взялъ изъ Греціи все необходимое для христіанскаго богослуженія и сталъ распоряжаться своею властію противъ язычества. Несторъ разсказываетъ, какъ онъ приказалъ строить церкви и какъ занялась заря просвѣщенія (стр. 51). Еще одна черта прибавляется къ характеру Владиміра: онъ создалъ церковь и далъ ей десятину, и написавъ далъ клятву... Потомъ является истиннымъ христіанскимъ княземъ—благотворителемъ, до такой степени, что любовь христіанская кажется ему препятствіемъ къ исполненію правосудія (53—54). За тѣмъ излагаются подробныя свѣдѣнія, какъ Борисъ и Глѣбъ,—эти поборники новаго, лучшаго порядка, основаннаго на Христовой любви,—боялись „поднять руки на брата своего старѣйшаго“, какъ „агнцы непорочные принеслись на жертву Богу, въ воню благоуханія, жертвы словесныя, и приняли вѣнецъ... и стали заступниками русской земли и молитвенниками всегдашними ко Владыцѣ о своихъ людяхъ и земля благословилась ихъ мученическою кровью“ (57. 59. 60).—По поводу разныхъ случаевъ замѣчаетъ преподобный, что са-

мымъ сильнымъ оружіемъ на брани князья считали помощь свыше и руководились въ дѣятельности правилами вѣры (74. 118. 120). Онъ сказываетъ далѣе, что при Ярославѣ „нача вѣра христіанская плодитися и расширятися и черноризцы пачаша множитися, и монастырове починаху быти; церкви ставляше (Ярославъ) по градомъ“ (65. 66). Особенно описываетъ, какой высокой степени достигла христіанская жизнь на Руси въ Печерскомъ монастырѣ, какъ свѣтъ вѣры разливался оттуда во всѣ концы Руси, особенно подъ управленіемъ игумена Θеодосія; за то и наградилъ его Богъ; его мощи явились прославленными и надъ гробомъ его Богъ проявлялъ знаменія (85. 89. 22. 121). Преподобнаго восхищало это движеніе къ лучшему, это постепенное устройство жизни нашихъ предковъ, возрастаніе благочестія и умноженіе способовъ просвѣщенія. Мудрая Ольга, по его словамъ, „бысть предотекущая крестьянстѣй земли яко денница предъ солнцемъ и аки заря предъ свѣтомъ, си бо аки луна въ нощи“; при Владимірѣ „ветхая мимоидоша, и быша новая... нощь успѣ, а день приближися“; Борисъ и Глѣбъ, это—„свѣтлыя звѣзды, по утру восходящіи“; а черноризцы печерскіе „сіяютъ яко свѣтила“ (26. 22. 52. 60. 81. 85). Говоря о распространеніи вѣры при Ярославѣ, Несторъ прибавляетъ: „яко же бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣетъ, ини же пожинаютъ и ядять пищю бескудну, тако и святый отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ: сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное“ (стр. 65). Наконецъ, и въ мірскомъ обществѣ были лица высокой нравственности, какъ напримѣръ Янъ, старецъ добрый, кроткій, смиренный, *огребаяся всякой вещи* (стр. 120).

Но въ постепенности этого развитія дѣеписатель про-

слѣдилъ и борьбу стараго порядка съ новымъ. Эту борьбу онъ показываетъ во всѣхъ слояхъ общества и даже въ частныхъ отрасляхъ его жизни. Св. Ольга, оставляя Царьградъ, говорила патріарху: „людье мои погани и сынъ мой; да бы мя Богъ съблюлъ отъ всякаго зла“. Это опасеніе было весьма естественно. Преподобный объясняетъ, какъ большинство смотрѣло на новую, возвышенную вѣру: „невѣрнымъ вѣра христіанска юродство есть. Аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому“. Святославъ отвѣчалъ на увѣщанія матери: „како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ? а дружина сему смѣятися начнутъ“ (стр. 27). При смерти нужно было мудрой Ольгѣ заповѣдать: „не творите тризны надъ собою“. Въ разсказѣ о мученіи Варяга и его сына Несторъ показываетъ, что новая вѣра уже возвысила свой голосъ, и старая стала въ открытую борьбу съ нею (26. 29. 35). Изображаетъ онъ далѣе, какъ крестился народъ, по примѣру сильныхъ, неохотно разставаясь съ своими идолами, „какъ плакали невѣрные людіе“ (стр. 50); какъ плакали матери, будто по мертвыхъ, дѣтяхъ своихъ, когда отдавали на ученье книжное; „еще бо не бяху утвердилися вѣрою“ (стр. 51). „Живяше Володимеръ въ страсѣ Божіи, и умножишася разбоеве“. Эти слова даютъ ясное понятіе о неустройствахъ въ общественной жизни, и по поводу умноженія разбойниковъ можно заключать о нетвердости въ ней новой вѣры и объ открытой борьбѣ съ нею прежнихъ нравовъ (стр. 54). Такъ лѣтописецъ подробно и обстоятельно описалъ возстаніе недовольныхъ язычниковъ, которые укрывались въ лѣсахъ и, воспользовавшись голодомъ въ народѣ, старались дѣйствовать подъ предводительствомъ волхвовъ въ пользу своей религіи, смущали и привлекали на свою сторону не утвердившійся въ Христіанствѣ народъ (63—64. 75. 78. 92). Отсюда становятся понятны намъ и по-

стоянные нападки древнихъ поученій на остатки языческихъ суевѣрій и обрядовъ. Преподобный объясняетъ, что даже въ его время невездѣ еще истреблено было язычество: „еже творятъ вятичи и нынѣ“ (стр. 6). Да и въ средѣ самыхъ христіанъ не погасли языческія привычки и обычаи, и народъ часто мѣнялъ христіанское богослуженіе на игрища: „словомъ нарицающеся христіане, а погански живуще. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множьство, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять; егда бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви“ (стр. 73). Преподобный замѣтилъ и другаго рода борьбу въ первоначальномъ христіанскомъ обществѣ, борьбу въ жизни нравственной, въ самомъ духовенствѣ и монашествѣ и даже въ любимомъ монастырѣ Печерскомъ (стр. 80). Онъ изложилъ съ горечью повѣствованіе о препятствіяхъ, замедлявшихъ успѣхи христіанскаго просвѣщенія. Это—междоусобія князей и набѣги иноплеменниковъ (99. 108 и др.). Вообще можно замѣтить, что у Нестора всегда для оттѣнка выставляется противоположная сторона изображаемыхъ предметовъ. Онъ не отвернулся съ презрѣніемъ отъ темной жизни нашихъ предковъ, когда они еще были „*поганіи*“. Онъ безъ страха смотрѣлъ „на обычаи, законы отецъ своихъ и преданья, каждаго свой нравъ«. Онъ даже отдавалъ должную цѣну, хотя незрѣлымъ, но добрымъ обычаямъ и находилъ свѣтлыя стороны, примиряющія насъ съ древнимъ бытомъ. Онъ безъ стыда признается, что наши предки были дѣтьми, и вмѣстѣ замѣчаетъ, что безъ дѣтства они не были бы и взрослыми (стр. 6). Онъ выставляетъ на видъ жизнь Владиміра въ язычествѣ, можетъ быть даже болѣе, чѣмъ сколько нужно было, и удивляется, „какъ сей невѣголосъ обрѣте спасенье“ (стр. 34). Онъ не умолчалъ о сомнѣніи митрополита при перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, о

волненіи въ Печерскомъ монастырѣ при избраніи игумена, о некнижномъ митрополитѣ Іоаннѣ, котораго народъ называлъ мертвецомъ, и т. п.

Другихъ лѣтописцевъ болѣе занимаетъ наружная, церковно-богослужебная сторона христіанства: а Несторъ обращаетъ главное вниманіе на сущность его. Онъ счелъ необходимымъ сказать о началѣ словенскихъ письменъ и перевода священнаго Писанія, потому что это необходимо для разъясненія, откуда получили на родномъ языкѣ руссы слово Божіе (11—12). Онъ передаетъ, какъ заповѣдалъ Ольгѣ цареградскій патріархъ о церковномъ уставѣ, какъ излагалъ ученіе христіанское предъ Владиміромъ философъ греческій; даже помѣщаетъ исповѣданіе вѣры, переданное Владиміру, упоминаетъ о церковномъ уставѣ, данномъ Десятинной церкви, излагаетъ довольно подробно ученіе волхвовъ (48. 53. 76—77).

Особенно любитъ слѣдитъ Несторъ за ходомъ христіанскаго просвѣщенія. Въ его понятіи любовь къ книгамъ составляетъ высшую похвальную черту: Владиміръ „любилъ словеса книжныя... По его повелѣнію, дѣти отданы были на ученье книгамъ, и сбылось пророчество на русской землѣ: во оны дніи услышатъ глусіи словеса книжная, и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ“. (51. 54). Ярославъ „книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне, многы написавъ положи въ церкви св. Софіи; и собра писцѣ многы и прекладаше отъ грекъ на словеньское письмо, и списаша книгы многы, и сниска, ими же поучающеся вѣрніи людье, наслаждаются ученья божественнаго... Велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость обрѣтаемъ и воздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣки, напаяющи вселенную, се бо суть исходища мудрости; книгамъ бо есть не исчетная глубина, сими бо въ печали

утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью... Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей; иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуеть съ Богомъ или святыми мужы" и пр. (65. 66). Не на постройкахъ только монастырскихъ останавливается Несторъ; онъ вводитъ внутрь монастыря, показываетъ его внутреннюю жизнь и борьбу подвижниковъ съ порокомъ, знакомитъ съ уставами и занятіями ихъ. Онъ повѣствуетъ, какъ возвышенная жизнь и святость обитателей монастыря, ихъ высокія качества, которыми они заслужили всеобщую любовь, привлекали всѣхъ въ монастырь—князей и бѣдныхъ; какъ благочестивые иноки не чуждались общества и бесѣдовали тамъ не о предметахъ обыденной жизни, но о пути покаянія и тайнахъ жизни и смерти. „Когда держалъ игуменство Ѳеодосій, онъ не только правилъ стадо порученное ему Богомъ, но и заботился о мірскихъ душахъ, какъ бы имъ спастись, а особенно о своихъ духовныхъ дѣтяхъ, утѣшая и научая приходящихъ къ нему, а къ другимъ самъ въ домы ходилъ и благословеніе имъ подавалъ" (стр. 91). Несторъ показалъ Русь именно съ тѣхъ сторонъ, которыя такъ дороги для современнаго изслѣдователя. И что всего важнѣе, онъ показалъ дѣйствительность безъ прикрасъ, именно такою, какою она была, и если есть у него своеобразные взгляды на нѣкоторыя вещи, то онъ правъ съ своей стороны *). Нѣтъ нужды распространяться о добросовѣстности. этомъ неоцѣненномъ качествѣ древняго русскаго лѣтописца, давно признанномъ всѣми. Правдивость и безпристрастіе поражали не однихъ продолжателей труда Нестерова, которые руководились въ этомъ дѣлѣ болѣе простымъ чувствомъ правды

---

*) Таковы напримѣръ, слова, которыя влагаетъ Несторъ въ уста волхвовъ объ антихристѣ, и др.

и указывали на него, какъ на высокій образецъ, которому они стараются слѣдовать, говорили о немъ, что онъ „всѣ бытства земская не обинуяся показуеть“; но не могли не признать за преподобнымъ этихъ качествъ и люди съ строгимъ критическимъ разсудкомъ, изслѣдовавшіе всѣ его мысли и слова.

Что касается до изложенія древней лѣтописи, Несторъ и въ этомъ отношеніи превосходитъ послѣдующихъ продолжателей его святаго труда. Онъ не довольствуется простымъ разсказомъ случая, но всегда почти, и непременно въ сомнительныхъ или неопредѣленныхъ случаяхъ, поясняетъ или доказываетъ мысль свою; что слышалъ отъ другихъ, повѣряетъ размышленіемъ и говоритъ, что взялъ изъ устныхъ преданій. Ни одна лѣтопись не заключаетъ въ себѣ столько благочестивыхъ размышленій и нравственныхъ замѣтокъ, какъ лѣтопись Нестора. Преподобный даетъ наставленія и нравоученія не сухія и холодныя, не общія и отвлеченныя; они находятся у него въ самой тѣсной связи съ разсказомъ, служатъ прямымъ объясненіемъ его; ихъ значеніе оправдывается опытомъ, и направлены они прямо противъ современныхъ недостатковъ общества (73. 74). Напримѣръ, въ разсказѣ о волхвахъ, Несторъ разъясняетъ безсиліе бѣсовъ и пагубныя слѣдствія вѣры въ волшебства (стр. 76). Мысль, повидимому, самая общая, но для того времени она чрезвычайно важна, потому что приверженность къ языческимъ испытаніямъ судьбы посредствомъ разныхъ заклинаній, наговоровъ и гаданій, весьма была сильна; а это все у преподобнаго и называется *волхованьемъ*. Похвала братолюбію, осужденіе мести—остатка языческаго (87. 114) и вообще всѣ сильныя нападенія на пороки имѣютъ въ виду современность. Похвалы Нестора нравственнымъ свойствамъ князей довольно однообразны, насколько одно-

образна самая древняя жизнь этихъ лицъ; но каждый его отзывъ непремѣнно имѣетъ отличительную особенность, какъ неотъемлемую принадлежность того или другаго характера (85. 86. 88. 92. 112). Особенно поразительною кажется, послѣ чтенія другихъ лѣтописей, эта задушевность, которою проникнута каждая мысль Нестора. Его благочестивыя размышленія и нравственныя замѣчанія горятъ огнемъ любви, неотразимаго убѣжденія и вѣры. Въ его чувствахъ столько теплоты, въ его словахъ такая тихость и глубокая дума. Его изліянія чувства не краткія и мгновенныя вспышки, но продолжительныя ощущенія, сдерживаемыя размышленіемъ; они отличаются спокойнымъ и ровнымъ самообладаніемъ. Религіозная и любящая душа его, младенческое простодушіе дали ему силу представить разсказъ въ свѣтлыхъ образахъ, въ картинахъ полныхъ жизни и мысли, простоты и увлекательности. Таковъ разсказъ Владиміра дружинѣ о таинствахъ новой вѣры, съ которою познакомилъ его греческій проповѣдникъ. Таковы рѣчи пословъ, возвратившихся изъ Царяграда (стр. 46). И весь этотъ разсказъ объ обращеніи Владиміра составляетъ яркую, законченную картину. Какъ выразительно переданы отношенія просвѣщенной Христіанствомъ Ольги къ язычнику-сыну *)! Ни одна лѣтопись не проникнута до такой степени духомъ библейскимъ, какъ лѣтопись Нестора. Онъ до того сроднился съ духомъ и языкомъ Библіи и съ такимъ искуствомъ пользуется изреченіями слова Божія, что размышленія его, полныя св. текстовъ и большихъ выпи-

---

*) Тоже можно замѣтить о картинѣ крещенія русской земли. Таковы же разсказы о Матѳеѣ прозорливомъ, объ Исакіѣ печерскомъ, о погребеніи Изяслава, объ обрѣтеніи мощей св. Ѳеодосія, о нашествіи половцевъ и пр. и пр. (стр. 27. 81—83. 86. 89—91. 94—96).

сокъ изъ Библіи, на первый взглядъ кажутся его собственными. Разговорная форма также напоминаетъ языкъ библейскій. По обилію нравоученій лѣтопись подходитъ подъ духъ проповѣди, а частыя, краснорѣчивыя молитвенныя обращенія, вытекающія изъ пламенной любви къ Богу и ближнимъ, спокойный, глубокій взглядъ, просвѣтленный вѣрою, приближаютъ лѣтопись къ духу церковныхъ книгъ. Языкъ Нестора можно назвать цвѣтущимъ въ самой простотѣ своей.

Ипатьевская лѣтопись излагаетъ свѣдѣнія о происшествіяхъ южной Россіи и состоитъ почти исключительно изъ подробныхъ описаній внутреннихъ несогласій князей, кровопролитныхъ усобицъ за волости, походовъ на внѣшнихъ враговъ и ихъ набѣговъ. Упоминаніе въ лѣтописи языческихъ божествъ давно подало поводъ думать, что она составлена лицемъ свѣтскимъ. Это мнѣніе находитъ себѣ опору въ свойствѣ самаго содержанія лѣтописи и въ возрѣніяхъ ея составителя. Лѣтописецъ передаетъ самыя мелкія подробности о военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ съ любовію обращаетъ вниманіе на устройство и расположеніе войска, на военные походы и бранное искуство, отмѣчаетъ всѣ движенія и станы войска, и распоряженія военачальниковъ *). Сильно занимаютъ лѣтописца военныя игры и веселость, подарки коней и оружія, угощенья, красивое и блестящее вооруженіе и убранство, музыка и пѣсни: „Изяславъ ото святоѣ Софьи поѣха, и съ братьею, на Ярославль дворъ, и угры позва съ собою на обѣдъ и кіяны, и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и прибыша увелицѣ весельи; тогда же угре на фарехъ и на скокахъ играхуть, на Ярославли

*) Стр. 51. 59. 66. 73. 186 и др.

дворѣ, многое множество. Кіяне же дивяхутся угромъ множеству, и кметства ихъ, и комонемъ ихъ... Многихъ христіанъ изъ плѣна избавили и славныя пѣсни пѣли... Начаша веселитися; Мьстиславъ же одаривъ Кондрата конми красными и въ сѣдлѣхъ въ дивныхъ, и порты дорогими, ины дары многи вдалъ ему, и тако отпусти съ честію" *). Онъ слѣдитъ за разными военными хитростями и случайностями, воинскою ловкостью и оборотливостію: „нѣкто отъ ляховъ, не бояринъ, ни добраго роду, но простъ сый человѣкъ, ни въ доспѣсѣхъ за одинимъ мятлемъ сосулицею, защитився отчаяньемъ акы твердымъ щитомъ, створи дѣло достойно памяти"... „Дружина не стерпѣла, устремилась на бѣгъ великій, только двое не побѣгли Рахъ съ Прусиномъ, но сотворили дѣло достойно памяти и начали биться мужески". (199. 110. 204). Тѣлесная сила и мужество, храбрость и удальство въ войнѣ и на охотѣ составляетъ предметъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ съ любовью и удовольствіемъ, и вмѣняетъ эти свойства въ большую похвалу людямъ. О Всеволодѣ Святославичѣ замѣчается, что онъ былъ „во Ольговичѣхъ всѣхъ удалѣе рожаемъ, и воспитаньемъ, и возрастомъ, и всею добротою и мужественною доблестью... Изяславъ разже сердце болма на Святослава, бѣ бо храборъ, крѣпокъ на рать **)". Весьма нерѣдко лѣтописецъ

*) Стр. 56. 187. 217; также: 46. 57. 60. „Бѣша кони въ личинахъ и въ кьярѣхъ кожаныхъ, и людье въ ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю руску: бѣ бо конь дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира грецькаго и круживы златыми плоскыми ошитъ, и сапози зеленого хъза шити золотомъ. Нѣмцемъ же зрящимъ, много дивящимся, рече ему король: „не взялъ быхъ тысящѣ серебра за то, оже еси пришелъ обычаемъ рускимъ отцевъ своихъ".

**) Стр. 28. 47. 134. 135. 149. 182. 192.

приводитъ военныя рѣчи, которыми предводители возбуждали мужество войска, и перебранки непріязненныхъ сторонъ, затрогивающія самолюбіе, любитъ передавать острыя пословицы, и самъ прибѣгаетъ къ насмѣшкамъ *). Вообще честь и слава, позоръ и стыдъ предъ людьми— эти мірскіе двигатели—производятъ сильное впечатлѣніе на лѣтописца. „Умерли мужественно, оставили по себѣ славу будущимъ вѣкамъ... Кондратъ поѣха во свояси,埋 веземъ соромъ великъ, лѣкши бы неживъ былъ **)". Мельчайшія, однакожъ краснорѣчивыя подробности въ описаніи битвъ, обращеніе къ дружинѣ съ увѣщаніемъ, выраженія, приличныя человѣку, созерцающему военныя дѣла: („была въ тотъ день мгла велика, такъ что не видно до конца копья; отъ старости или отъ дѣтства не могъ на коня сѣсть; военный законъ былъ у ляховъ такой", и т. п.)—все это обличаетъ въ лѣтописцѣ не только современника, но и очевидца происшествій, и именно—свѣтскаго, даже бывшаго на гражданской службѣ. Онъ самъ это высказалъ: „бысть брань крѣпка вельми зѣло отъ обоихъ, и тако страшно бѣ зрѣти, яко второму пришествію быти"; „мы пошли съ Володиміромъ изъ Вышгорода"; „позоровали насъ" (90. 101. 106). Надо прибавить къ этому взглядъ лѣтописца на природу, сильно напоминающій языческое воззрѣніе ***), выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „предъ

---

*) Стр. 60. 76. 157. 171. 180. 189.

**) Стр. 209. 210. 212. 218; также 15. 24. 40. 46. 56. 64. 71. 77. 86. 100. 108. 118. 120. 128. 143. 186. 200. 213.

***) Стр. 10. 29. 73. 160. 209. Вотъ напримѣръ мѣсто: „пришедшимъ орломъ и многимъ вороном, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ криломы своими и воспрометающимъся на воздусѣ, якоже иногда и николиже не бѣ; и се знаменіе на добро бысть". стр. 183. Травамъ и пѣнію пѣсней приписываетъ чарующую силу стр. 155.

татарами владыка стояше въ ужасти велицѣ... князь пилъ съ попами", и т. п.—Такая мысль о лѣтописцѣ находитъ еще основаніе въ томъ, что въ лѣтописи чрезвычайно мало церковно-историческихъ фактовъ и какіе есть, весьма коротки и, кажется, внесены позднѣйшимъ переписчикомъ. „Умеръ епископъ полотскій. Мы же убо о семъ поглаголемъ... Мы это потому написали, чтобъ не наскакивали на святительскій чинъ". Эти оговорки подаютъ поводъ думать, что изложеніе церковныхъ событій не входило въ планъ лѣтописца, и онъ тогда только касается ихъ, когда они выдаются изъ ряда обыкновенныхъ. Нравоучительныхъ замѣчаній весьма мало и выражены они кратко. Изреченій слова Божія также весьма немного, и какія есть, большею частію обще-извѣстныя и вошедшія уже въ народную рѣчь. Съ другой стороны, нетвердый взглядъ на иновѣріе и презрѣніе къ иновѣрцамъ, основанное болѣе на народной хвастливости и трусости, чѣмъ на различіи вѣръ, опять приводитъ къ этой мысли. Вооружаясь на некрещенныхъ иноплеменниковъ, лѣтописецъ смотритъ на папистовъ не только снисходительно, но и позволяетъ себѣ признавать въ нихъ святость: „преставися великій князь краковскій Болеславъ, добрый, тихій, кроткій, смиренный, незлобивый; поживъ лѣта многа, и тако въ старости добрѣ отъиде ко Господу, тѣло же его спрятавше положиша е въ божницѣ святаго Франциска, въ городѣ Краковѣ". Объ одной женщинѣ католичкѣ говоритъ онъ: „много послужи Богови по мужи своемъ и святу наричють". (157. 208). Папскому проклятію приписываетъ силу: „Локетко много зла въ земли польской творилъ, изгнали его изъ земли, ходилъ до Риму, жалуяся папѣ на ляховъ:—онъ ихъ прокля..." За того Локетка въ ляхахъ бѣ гладъ великъ, во всей земли ихъ, яко матки дѣти своя ядяху и рабини малыя (стр. 227). Замѣчательною вставкою въ лѣ-

тописи служитъ похвала крестоносцамъ, которая, какъ замѣчено въ изданіи лѣтописей, безъ сомнѣнія, выписана изъ какой нибудь латинской легенды. Въ ней между прочимъ сказано: „сіи нѣмцы, яко мученицы святіи, прольяша кровь свою за Христа, со цари своими. О сихъ бо Господь Богъ нашъ знаменія прояви: аще кто отъ нихъ въ брани отъ иноплеменныхъ убьени быша, и по трехъ днехъ тѣлеса ихъ невидимо изъ гробъ ихъ ангеломъ Господнимъ взята бываху ть, и прочіи видяще се тосняхуться пострадати за Христа; о сихъ бо воля Господня да сбыться, и причте я́ ко избраному своему стаду, въ ликъ мученицкый“ (стр. 139). Можно думать, что эти записки вели княжескіе писцы, подобные Ѳедорцу, составившему завѣщаніе Владиміра Васильковича, или тому писцу, который внесь, по повелѣнію Мстислава, крамолу берестянъ въ лѣтопись. (215. 225). Намеки на оффиціальное веденіе лѣтописи можно видѣть въ постоянныхъ перечисленіяхъ убитыхъ на полѣ битвы, именъ пословъ, татарскихъ воеводъ, литовскихъ князей, участвовавшихъ при заключеніи мира, и проч. *). Но замѣтка о княжескихъ путешествіяхъ въ Выдубицкій монастырь и похвалы князьямъ, помогающимъ этой обители, особенно похвала Рюрику, несомнѣнно принадлежащая одному изъ братій монастырскихъ, даютъ поводъ заключить, что эти записки свѣтскаго лица пополнены въ Выдубицкомъ монастырѣ св. Михаила **).

Если же это мнѣніе справедливо, то Ипатьевская лѣ-

*) Стр. 158. 161—162. 173. 177. 187. 202.

**) Замѣчательно, что лѣтописецъ весьма часто приписываетъ успѣхъ дѣла помощи св. Михаила; разумѣется ли здѣсь церковь переяславская или Выдубицкаго монастыря, опредѣлить трудно. Стр. 10. 17. 23. 24. 118. 169.

топись заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія церковнаго историка, потому именно, что можетъ сообщить ему данныя для вывода, до какой степени усвоена была вѣра свѣтскими лицами и отразилась въ ихъ понятіяхъ. Не смотря на скудость прямыхъ указаній, относящихся къ Церкви, для церковнаго историка эта лѣтопись незамѣнима въ томъ отношеніи, что одна излагаетъ такъ подробно южныя русскія событія, и, при подробномъ описаніи гражданскихъ событій, въ связи съ ними сообщаетъ нѣкоторыя дорогія церковно-историческія свѣдѣнія.

Ипатьевская лѣтопись, по содержанію своему, раздѣляется на двѣ части. Первая содержитъ извѣстія о кіевскомъ и другихъ юго-восточныхъ княжествахъ и оканчивается XII столѣтіемъ. Событій сѣверныхъ касается лѣтописецъ со времени Андрея Боголюбскаго, преимущественно по дѣламъ Новагорода. Но когда князья владимірскіе основались на Сѣверѣ, прекратили стремленія на Югъ, и стали ограничивать независимость новгородцевъ,—съ того времени излагаются исключительно дѣла южныя. Эта часть лѣтописи наполнена самыми подробными извѣстіями о военныхъ дѣйствіяхъ, и только случайно и мимоходомъ сообщаются факты, весьма важные въ церковномъ отношеніи. Она знакомитъ съ христіанскими обычаями князей при началѣ и по окончаніи войны и во время самой битвы: „въ среду крестъ цѣловали и возложили всю надежду на крестъ, со многими слезами; и потомъ перешли много рѣкъ въ шестую недѣлю поста, и пришли къ Дону во вторникъ. И облачились въ брони, и полки изрядили, и пошли къ городу Шаруканю; и князь Владиміръ приставилъ поповъ своихъ предъ полкомъ пѣть тропари и кондаки креста чеснаго и канонъ св. Богородицы... Одинъ изъ воиновъ вынулъ мечь свой и началъ сѣчь по шлему;

а на шлемѣ надъ челомъ написанъ св. мученикъ Пантелеимонъ золотой“ и проч. *).

Описывая взаимныя отношенія князей, лѣтописецъ въ подробномъ ходѣ дѣлъ часто передаетъ, какъ они старались опредѣлить и основать ихъ на правилахъ св. вѣры, какое участіе принимали духовные въ ихъ дѣлахъ, какое вліяніе имѣли на событія. Объ этомъ много можно найти въ первой части лѣтописи.

Особенно знаменательны передаваемые лѣтописцемъ разговоры дѣйствующихъ лицъ, въ которыхъ часто разъясняются или причина событія, или господствующій современный взглядъ, или христіанскій обычай, или важная черта нравственной жизни общества и характеръ извѣстнаго лица. Эти разговоры писаны живою, народною южною рѣчью и проникнуты духомъ времени: „Игорь воззрѣлъ на небо и видѣ солнце стояще, яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: видите ли что есть знаменіе се?—Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: княже! се есть не на добро знаменіе се.—Игорь же рече: братья и дружино! тайны Божія никтоже вѣсть, а знаменію Творецъ Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а тоже намъ видити“ **). Въ самыхъ военныхъ рѣчахъ и причитаньяхъ надъ умершимъ сообщаются дорогія черты въ церковномъ отношеніи ***). Еще дороже рѣчи духовныхъ лицъ, въ которыхъ иногда одна черта проливаетъ свѣтъ на многое: жаль, что ихъ немного. На-

---

*) Стр. 2. 64. смотр. также: 23. 26. 27. 36. 37. 44. 51. 58. 60. 69. 71. 98. 100. 104. 143. Очень замѣчательно въ этомъ отношеніи описаніе плѣна Игоря, князя сѣверскаго, 131—133.

**) Стр. 130—131. также: 32. 35. 38. 48. 57. 61. 62. 68. 69. 71. 81. 84. 98. 121 и др.

***) Напр. стр. 67. 74. 114—115. 121. 123.

примѣръ, митрополитъ говорилъ князьямъ: „вотъ иноплеменники присвоили себѣ вотчину вашу; и весьма достойно васъ было бы выгнать ихъ оттуда... Кто преступитъ крестное цѣлованье, да будетъ проклятъ 12-ю Господскими праздниками“ (43. 81. 145). Достойны также вниманія частыя поясненія событій самимъ лѣтописцемъ; изъ нихъ можно составить понятіе о религіозномъ взглядѣ южнорусскаго человѣка и пополнить характеристику времени.

Вторая часть лѣтописи начинается съ 1200 года и изображаетъ происшествія юго-западной Руси, именно случившіяся въ княжествахъ Волынскомъ и Галицкомъ. Только въ разсказѣ о нашествіи Батыя лѣтописецъ коснулся разоренія и паденія матери городовъ русскихъ—Кіева и замолчалъ о немъ. Съ самаго начала видно, какія событія будетъ излагать лѣтописецъ: „великій мятежъ возсталъ въ землѣ русской, когда остались два сына Романа — одинъ четырехъ, а другой двухъ лѣтъ... Начнемъ сказывати безчисленныя рати и великіе труды, и частые войны, и частыя возстанія... Скажемъ многій мятежъ, великія льсти, многія крамолы“. (155. 166. 170). Въ этихъ словахъ обрисовано все содержаніе лѣтописи и жизни юго-западной Руси. Отдаленная отъ сѣверо-восточныхъ русскихъ княжествъ, она была окружена и постоянно обуреваема могущественными врагами—Венгріею, Польшею, ятвягами, Литвою, татарами. Внутри были въ ней неустройства, ниспроверженіе общественнаго порядка крамольными боярами, которые своевольно стремились присвоить себѣ неограниченную власть во владѣніяхъ своихъ, сѣяли измѣны и коварства, были во взаимной непріязни и раздорахъ. Трудная борьба Даніила Романовича со всѣми этими внѣшними и внутренними врагами, цѣною которой онъ пріобрѣлъ и удержалъ Галицкую Русь, составляетъ главный предметъ второй части лѣтописи. О Даніилѣ лѣтописецъ

говоритъ съ сильною любовію, когда онъ еще „такъ молодъ былъ, что и матери своей не зналъ“ (стр. 159), и слѣдитъ за всѣми его трудными дѣйствіями въ теченіе всей его жизни, съ тѣхъ поръ, какъ онъ выучился ѣздить на конѣ, какъ за первые подвиги мужества получилъ похвалу и подарокъ, какъ отступили всѣ отъ Даніила и помогалъ ему одинъ Богъ, какъ онъ отличался стойкостію въ борьбѣ съ своими врагами, получалъ глубокія раны и не чувствовалъ ихъ по своей молодости и силѣ, не спалъ сряду по три дня и по три ночи, какъ помогалъ ему Богъ на всѣхъ трудныхъ путяхъ жизни, вѣнчалъ его труды славою и честію *). Лѣтописецъ слѣдитъ и за возрастомъ его дѣтей, которыя радовали достойнаго отца мужествомъ (160. 191). При всякомъ возможномъ случаѣ лѣтописецъ говоритъ о Даніилѣ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени замѣчательномъ. Неудачи его извиняетъ молодостью, и кротко сноситъ промахи и недостатки любимаго князя (163. 172). Лѣтописецъ питаетъ сочувствіе къ лицамъ, которые держали сторону Даніила, покровительствовали ему, или были къ нему лично привержены (159. 160. 168). Напротивъ, всѣ недоброжелатели его возбуждаютъ сильную ненависть и презрѣніе, особенно „безбожные, невѣрные, мятежные галицкіе бояре“ **). Лѣтописецъ разражается проклятіями при описаніи злодѣяній, которыя направлялись противъ любимаго его князя, или при воспоминаніи личныхъ оскорбленій его (напр. стр. 173). Когда же твердая воля и неутомимая дѣятельность короля побѣждали крамольниковъ, лѣтописецъ весьма радъ и описываетъ живыми красками: „вотъ нашъ держатель Богомъ данный“, говорили жители Галича, „и пустились ко Данилу, какъ

---

*) Стр. 159. 161. 162. 164. 169. 172. 174. 181. 182. 183. 184.
**) Стр. 159. 162. 165—166. 171. 174. 177. 178. 184.

дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику. Епископъ Артемій и дворскій Григорій явились ко Данилу со слезами на глазахъ, съ осклабленнымъ лицемъ, облизывая губы“ и проч. (стр. 175). Сильно возстаетъ также лѣтописецъ противъ внѣшнихъ враговъ Даніила, особенно когда въ отношеніяхъ къ нимъ унижается этотъ великій человѣкъ *). Замѣчательно, что о Михаилѣ Черниговскомъ, который боролся съ Даніиломъ за Галичь, лѣтописецъ отзывается не совсѣмъ благопріятно и весьма коротко говоритъ о его мученической кончинѣ въ ордѣ (179. 181).

Во второй части лѣтописецъ касается церковно-историческихъ обстоятельствъ только тѣхъ, которыя имѣли отношенія къ Даніилу. Онъ повѣствуетъ, какъ Даніилъ укрѣплялся на трудный подвигъ молитвами и благословеніемъ духовенства и путешествіями ко св. мѣстамъ, какъ „скорбѣлъ и молился Богу о отчинѣ своей, и о томъ, что нечестивые бояре держатъ ее и обладаютъ ею“, какъ создалъ городъ Холмъ, гдѣ кипѣла дѣятельная жизнь, сооружалъ и украшалъ домы Божіи, какъ не поддался обольстительнымъ искушеніямъ папы и пр. **). Лѣтописецъ весьма часто передаетъ его сильныя, проникнутыя духомъ вѣры и нравственности, рѣчи, состоящія нерѣдко изъ текстовъ св. Писанія ***). Вообще лѣтописецъ обрисовалъ превосходно жизнь и характеръ Даніила Романовича. По словамъ лѣтописи, это „даръ Божій Роману“; никто не отличался такъ въ войнѣ, начиная отъ Владиміра святаго, какъ Даніилъ; „такого никогда не было“ (189. 191). И по смерти его лѣтописецъ дѣлаетъ краткую

*) Стр. 181. 182. 183. 184. 193.

**) Стр. 163. 179. 185. 190. 191. 196. 197.

***) Стр. 166. 172. 174. 175. 186. 189. 192.

заключительную похвалу, въ которой совмѣстилъ прежде такъ подробно вышесказанныя разныя стороны характера Даніила: „се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда городы многи, и церкви постави, и украси ѣ разноличными красотами; бяшеть же братолюбьемъ свѣтяся со братомъ своимъ Василькомъ; сей же Данило бяшеть вторый по Соломонѣ“ (стр. 202).

На остальныхъ 12-ти листахъ Ипатьевской лѣтописи описаны дѣйствія сыновей и племянниковъ Даніила. И здѣсь встрѣчаются важныя извѣстія. Вообще вся эта лѣтопись доставляетъ матеріалъ церковно-историческій, такъ сказать, ненамѣренно, упоминая о христіанскихъ обычаяхъ и о состояніи вѣры въ обществѣ. Она знакомитъ не съ общими причинами явленій жизни, а вводитъ читателя въ самый ходъ дѣлъ, показываетъ душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ и обрисовываетъ характеръ каждаго довольно рѣзкими чертами. Достоинство похвалы, которая обыкновенно слѣдуетъ за описаніемъ смерти князя, состоитъ въ отличительныхъ особенностяхъ. Здѣсь лѣтописецъ часто касается семейнаго быта и обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть и погребеніе. Впрочемъ нѣкоторыя выраженія напоминаютъ похвалы Нестора *). Самыя, повидимому, незначительныя выраженія дополняютъ картину жизни: и лѣтопись знакомитъ не съ внѣшнею ея стороною, но съ духомъ времени и мѣста; причемъ и открывается степень усвоенія св. вѣры христіанами и вліянія ея на бытъ общества, однимъ словомъ—внутренняя жизнь южно-русскаго христіанства.

Ипатьевская лѣтопись отличается отъ всѣхъ другихъ отсутствіемъ хронологическаго порядка. Лѣтописецъ при-

---

*) Стр. 94. 102. 106. 121. 123. 134. 135. 144. 151.

знается, что погодное записованіе тяготитъ и стѣсняетъ свободу изложенія тѣхъ происшествій, которыя происходили въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ *). Замѣтно въ лѣтописцѣ искусство изображенія происшествій: многія описанія его изумляютъ своею вѣрностію и простотою; онъ знакомъ со внутреннимъ міромъ души, и обрисовка личныхъ характеровъ у него весьма удачна,—что можно видѣть, напримѣръ, въ разсказѣ о притворствѣ Владимірка Галицкаго. Прекрасно изображено, какъ онъ притворился смертельно раненымъ, какъ распоряжалъ, при неминуемой будтобы смерти, относительно сына и отчины. Дѣйствительно, хитрый Владимірко такъ искусно игралъ свою роль, что обманулъ всѣхъ притворными словами, полными повидимому христіанскаго чувства. Самое названіе его въ лѣтописи — многоглаголивымъ весьма вѣрно. Картинно также изображено убіеніе Игоря и побѣгъ Игоря сѣверскаго изъ плѣна половецкаго. Прекрасно описаніе голода въ войскѣ и нашествіе Батыя. Живописно представлено разграбленіе города и пожаръ Холма, устройство Холма, созданіе въ немъ церквей и проч. **). Притомъ Ипатьевская лѣтопись, особенно во второй части, запечатлѣна избыткомъ чувства, прелестью, разнообразіемъ и силою выраженій, полныхъ одушевленія, обиліемъ образовъ и роскошью картинъ природы, у которой лѣтописецъ бралъ цвѣты и краски для оживленія своего разсказа. Особенно расточаются живые образы при описаніи битвъ ***).

---

*) «Времени минувшу, хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ предняя, овогда же возступати въ задняя: чьтый мудрый разумѣетъ» (стр. 189).

**) Стр. 134. 170. 172. 177. 178. 185. 195. 196. 197.

***) Вотъ, напримѣръ, нѣсколько выраженій: „сразились челами будто громъ грянулъ; блистали щиты и оружницы подобно солнцу; по-

Лаврентьевскую или правильнѣе **суздальскую лѣтопись** можно поставить, по ея характеру, на переходѣ отъ лѣтописей южныхъ къ сѣвернымъ. Почти до исхода XII вѣка, а главнымъ образомъ до 1170 года въ ней описываются тѣ же южныя событія, какія помѣщены въ Ипатьевской лѣтописи, только много короче. Впрочемъ въ Лаврентьевской лѣтописи есть нѣсколько извѣстій даже о событіяхъ приднѣпровской Руси, которыхъ нѣтъ въ сборникѣ Ипатьевскомъ *). Съ 1160 до 1167 года она ограничивается краткими замѣтками о суздальскихъ и новгородскихъ происшествіяхъ, не касаясь событій южной Руси, которыя по Ипатьевскому списку изложены подробно. Есть нѣсколько извѣстій, на которыя лѣтописцы смотрятъ неодинаково: суздальскій лѣтописецъ говоритъ, что слова о Мономахѣ прошла по всѣмъ странамъ, „потому что онъ всею душею возлюбилъ Бога". Потомъ слѣдуютъ нравоучительныя замѣтки изъ св. Писанія и общая похвала щедрости и благочестію князя; указано мѣсто его кончины у церкви, созданной имъ на Альтѣ, и говорится о перенесеніи его тѣла въ Кіевъ (Лавр. 129). Похвала ипатьевскаго лѣтописца отличается краткостью, исполнена силы; онъ поставляетъ Мономаху въ заслугу главнымъ образомъ

добный лисицѣ чермности ради; шли камни съ забралъ, какъ дождь сильный; изострися на поганыя яко левъ; имъ половцы дѣти стращаху; ляхомъ же крѣпко борюще и сулицами мечуше и голавнями, яко молнья идяху, и каменье яко дождь съ небесе идяше; копьямъ изломившимся, будто отъ грома тресновеніе бысть; пускали камни какъ градъ сильный, но стрѣлы ратныхъ не давали выбросить ихи изъ забралъ, и стали мертвые падать съ забралъ, какъ снопы» стр. 2. 168. 169. 171. 183. 186. 187. 210.

*) Напр., объ избраніи Марка, игумена монастыря св. Іоанна, во епископа переяславскаго, о поставленіи во Владиміръ епископа Өеодора, о пожарѣ въ Кіевѣ, о смерти и погребеніи митрополита Константина. Стр. 130. 136. 149.

подвиги за землю русскую: „онъ просвѣтилъ русскую землю, какъ солнце лучи испуская“, „весь народъ и всѣ люди плакали по немъ, какъ дѣти по отцѣ или матери“. (Ипат. 10). Суздальскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что Ярополкъ побѣдилъ силою креста, а у ипатьевскаго прибавлено: „и св. Михаиломъ“ (130=10). При сличеніи той и другой лѣтописи видно, что составитель каждой сильно стоитъ за своихъ князей и старается оправдать ихъ дѣйствія, опускаетъ извѣстія, набрасывающія тѣнь на ихъ душевныя качества, и въ этомъ случаѣ есть у нихъ нѣсколько разногласій. Приверженный къ своему князю, суздальскій лѣтописецъ выставляетъ причиною отступленіе Ростислава Юрьевича на сторону Изяслава Мситславича старинную ненависть его къ Ольговичамъ: „то были ворози и дѣду моему и людямъ“; а кіевскій говоритъ о ссорѣ его съ отцемъ, который не далъ ему волости (138=39). Въ Ипатьевскомъ спискѣ обнаружено сильное сочувствіе къ убитому въ Кіевѣ Игорю, а въ Лаврентьевскомъ—нѣтъ (137=34). Кіевскій лѣтописецъ хвалитъ Мстислава, а суздальскій смотритъ на него непріязненно (162—3=120—1). Особенно замѣчателенъ для церковнаго историка разнорѣчивый отзывъ лѣтописей о причинѣ изгнанія епископа Леона. Суздальскій говоритъ, что его лишили епархіи, „зане умножилъ бяше церковь, грабяй попы“; и потомъ чрезъ страницу пишетъ о ереси леонтиніанской: „Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю, Нестеру епископу суждальскому живущю, перехвативъ Нестеровъ столъ; поча Суждали учити не ѣсти мясъ въ Господскыя праздникы, въ среды и въ пяткы“ и пр. Еще чрезъ страницу дѣлается замѣчаніе о разграбленіи Кіева: „это случилось за грѣхи ихъ, а особенно за неправду митрополита: онъ запретилъ служеніе Поликарпу игумену Печерскому по поводу поста въ Господскіе празд-

ники. Помогалъ ему и черниговскій епископъ Антоній, и князю черниговскому много разъ возбранялъ ѣсть мясо въ Господскіе праздники; князь же Святославъ свергъ его съ епископьи. Да внимаемъ мы себѣ каждый изъ насъ и не противимся Божію закону!" (149. 150. 151). Не такъ излагаетъ дѣло лѣтописецъ кіевскій. Хотя онъ и приводитъ причину изъ суздальской лѣтописи, что Леона выгнали за грабительство; но далѣе объясняетъ дѣло совершенно иначе: „выгналъ Андрей епископа Леона изъ Суздаля и братьевъ своихъ и прежнихъ мужей отца своего. Се же створи хотя самовластецъ быти всей суздальской земли. Леона епископа возвратилъ опять, покаявшись въ грѣхѣ своемъ, но въ Ростовъ, а въ Суздали не далъ ему мѣсто, и держалъ его четыре мѣсяца на епископствѣ. Потомъ началъ просить отъ воскресенія Христова до всѣхъ святыхъ ѣсть мясо въ среду и пятокъ; епископъ дозволилъ ему ѣсть мясо одну недѣлю праздную, а прочія добрѣ хранити; онъ же прошу вину погналъ его изъ своей земли" (82. 91). Потомъ высказываетъ объ Андреѣ то, о чемъ умолчалъ суздальскій лѣтописецъ: „Андрей такой умникъ во всѣхъ дѣлахъ, погубилъ смыслъ свой невоздержаньемъ, распалился гнѣвомъ, нехвальное слово высказалъ. Это все отъ дьявола" и проч. (100. 109). Эти слова потому сказаны, что Андрей отвергъ помощь южныхъ князей. Очевидная приверженность къ Андрею, желаніе объяснить въ добрую сторону его поступки, постоянное объясненіе, что извѣстное событіе случилось помощію владимірской иконы Богородицы, ясно показываютъ, что лаврентьевскій лѣтописецъ былъ изъ области суздальской или владимірской. Это особенно ощутительно высказывается въ подробномъ описаніи событій суздальскаго княжества, большемъ сочувствіи къ нимъ и стараніи возвысить ихъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи страница лѣтописи, гдѣ

лѣтописецъ распространяется въ пользу владимірцевъ и вооружается на ихъ недоброжелателей, которые, по его словамъ, „противились Богу и св. Богородицѣ и правдѣ Божіей, слушали злыхъ людей развратниковъ“; а о первыхъ говоритъ: „утѣшилъ ихъ Богъ и св. Богородица чудотворная владимірская... Владимірцы прославлены Богомъ по всей землѣ за ихъ правду при помощи Божіей“. Вообще, гдѣ касается событій отечества, лѣтописецъ, при самыхъ малыхъ случаяхъ, приводитъ изреченія св. Писанія и нравоученія; напротивъ, при описаніи происшествій южной Руси, очень холоденъ и излагаетъ обстоятельства сухо. Къ новгородцамъ питаетъ особенное нерасположеніе. Это понятно: князья суздальскіе старались поставить Новгородъ въ зависимость отъ своей власти: но онъ съ упорствомъ защищалъ старые права свои и постоянно измѣнялъ князьямъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ опустошеніи Торжка суздальскій лѣтописецъ: „новгородцы цѣловали Всеволоду Юрьевичу (суздальскому князю) крестъ, и не управили; онъ пошелъ на Торжекъ, волость ихъ, и не хотѣлъ брать города, потому что обѣщались дать ему дань новоторжцы, и не исполнили. Дружина Всеволода стала князю жаловаться: мы не цѣловать ихъ пріѣхали, они, княже, лжють Богови и тобѣ.—И разграбили и пожгли городъ за новгородскую неправду; потому что они въ одинъ день и цѣлуютъ крестъ честный и преступаютъ... Захарій пророкъ серпъ видѣлъ огненный съ небеси грядущій, и сказалъ: на кого, Господи, послалъ еси серпъ сій?—Рече ему Господь: на кленущаяся именемъ Моимъ и преступающе; клятволюбецъ бо мужъ всякъ потребится“ *).

*) По описаніи ужаснаго опустошенія Мстиславомъ новгородскихъ областей, лѣтописецъ говоритъ: «мы слышали, что въ трехъ церквахъ новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ св. Богородица; провидѣла

Такъ же непріязненно смотритъ лѣтописецъ на жителей ростовской области, когда они вздумали пригласить на княженіе Мстислава Ростиславича изъ Новагорода, и старается оправдать въ отношеніи къ нимъ дѣйствія Всеволода суздальскаго. Онъ разсказываетъ, что Всеволодъ при помощи Божіей побѣдилъ Ростовцевъ и возвратился во Владиміръ, славя Бога и св. Богородицу и крестную силу, которую презрѣли ростовцы. „Да доколѣ Богови терпѣти надъ нами? восклицаетъ онъ. За грѣхи навелъ на нихъ и наказалъ по достоянію, рукою благовѣрнаго князя Всеволода, сына Юрьева“. Послѣ неудачнаго вторичнаго предпріятія Мстислава, лѣтописецъ опять говоритъ съ чувствомъ довольства и въ томъ же духѣ: „Мстиславъ побѣжалъ, гонимый гнѣвомъ Божіимъ, дружину его всю переловили, думцевъ его перевязали всѣхъ, а поганыхъ половцевъ союзниковъ избили оружіемъ: судъ безъ милости не сотворшему милости! А Всеволоду помогъ Богъ и св. Богородица“ (162—3). Такъ же торжественно начинаетъ свой разсказъ лѣтописецъ о враждѣ противъ Всеволода князей рязанскихъ: „Возставилъ вражду дьяволъ, искони ненавидящій добро и борющійся съ хотящими спастися, какъ въ прежнія дни Каина да Авеля брата своего, а потомъ Святополка на Бориса и Глѣба властолюбія ради;

Мати Божія пагубу, хотящую быть надъ Новымъ-городомъ и надъ его волостью, молила Сына своего со слезами, дабы ихъ отинудь не искоренилъ, какъ прежде Содомъ и Гаморъ, но какъ ниневитянъ помиловалъ». И въ заключеніе своей рѣчи замѣчаетъ: «не глоголемъ: прави суть новгородци, яко издавна суть свобожени прадѣды князь нашихъ; но аще бы такъ было, то велѣлили имъ предніи князи крестъ преступати, или внукы или правнукы сороmляти, а крестъ честный цѣловавше ко внукомъ ихъ и къ правнукомъ, то преступати? То доколѣ Богови терпѣти надъ ними? за грѣхи навелъ и наказалъ по достоянью, рукою благовѣрнаго князя Андрея». стр. 154.

такъ подострилъ Романа, Игоря, Владиміра на Всеволода и Святослава, меньшаго его брата... Услышалъ Всеволодъ, великій, прововѣрный, боящійся Бога, и не желая видѣть кровопролитья, послалъ пословъ" и пр. (169. 170. 181). О епископѣ, который не держалъ стороны Всеволода въ этой борьбѣ, лѣтописецъ говоритъ въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ, называетъ его перевѣтникомъ, лжецомъ (стр. 170). О мученикѣ Михаилѣ Черниговскомъ, который защищалъ новгородцевъ отъ притязаній суздальскихъ князей, лѣтописецъ отзывается не совсѣмъ хорошо: „Михаилъ былъ неправъ въ крестномъ цѣлованіи предъ Ярославомъ и хотѣлъ Ярославъ идти на Михаила; Богъ же не попустилъ такъ тому быть, да исполнится Писанія святое глаголющее: блажени смиряющіися, яко тіи сынове Божіи нарекутся" (стр. 194). На святаго Довмонта псковскаго, въ крещеніи Тимоѳея, смотритъ также не благопріятно: „помогъ Богъ христіанамъ, великаго князя Довмонта убили, иныхъ взяли въ плѣнъ", и пр. (стр. 204).

Происшествія до 1170 года по Лаврентьевскому списку нисколько не связаны между собою и нѣтъ ничего между ними общаго. Но съ этого времени всѣ описанія событій, исключая послѣднихъ краткихъ замѣтокъ, имѣютъ общее то, что всѣ обращаются около Всеволода и его семейства. Къ этому князю лѣтописецъ весьма часто пристрастенъ. Онъ вездѣ старается выставить его не только правымъ, но и въ высшей степени благочестнымъ и нравственнымъ. Онъ никогда не зоветъ Всеволода однимъ именемъ, но непремѣнно прибавитъ—или правовѣрный, христолюбивый, храбрый, великій, или ненавидящій кровопролитья, не возносяшійся, но надѣющійся на Бога, милосердый и т. п. *).

*) Стр. 163. 164. 169. 171. 179. 182. 184.

Если дѣло идетъ о церкви, лѣтописецъ любитъ прибавить: „юже созда Всеволодъ“. Пристрастіе можно замѣтить равно и въ пространной похвалѣ ему, и въ краткихъ выраженіяхъ: „Всеволоду не хотящу, паче же Богови... Молитвою князя Всеволода побѣдили“ (184—5.165). Изъ обращенія къ Андрею: „молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подастъ ему побѣду на противныя“ и т. д. (стр. 158), ясно видно, что лѣтописецъ былъ современникомъ и приверженцемъ этого князя. Онъ съ живымъ участіемъ слѣдитъ за всѣми семейными обстоятельствами Всеволода и дѣтей его, заботливо и часто подробно отмѣчаетъ случаи рожденія, брачныхъ торжествъ, подстригъ дѣтей его, говоритъ о смерти членовъ семейства, о пирахъ и радости жителей города, участвовавшихъ въ домашнемъ весельи князей, о торжественныхъ проводахъ и встрѣчахъ суздальскихъ князей, отправлявшихся въ другіе области на княженіе *). Приверженность суздальскаго лѣтописца къ князьямъ своимъ и пристрастіе къ отечественной области иногда наводитъ сомнѣніе на достовѣрность его сказаній. Нельзя особенно полагаться на его лестные отзывы о князьяхъ. Его буквально переписанныя готовыя похвалы, обращенныя на другихъ лицъ, не соотвѣтствующія современности, отличающіяся отвлеченностью, могутъ быть приложены ко всякому почти древнему князю. Монотонность ихъ уже сама по себѣ подозрительна. Такъ похвала Георгію (стр. 200) есть почти буквальное повтореніе похввлъ другимъ князьямъ, собранныхъ въ одно цѣлое: —именно сначала выписано изъ похвалы Мономаху, потомъ слѣдуетъ общая фраза о пользѣ напастей, далѣе выписка изъ похвалы Андрею

*) Стр. 171. 173. 174. 175. 177. 183. 184. 192.

Боголюбскому. Замѣчательны здѣсь слова: „Георгіе, мужеству тезоимените!“ Этихъ словъ, весьма кстати идущихъ къ имени Андрея (ἀνδρεία), лѣтописецъ, конечно, не понималъ. Наконецъ, опять повторяется съ небольшой разницей окончаніе похвалы Мономаху *). Похвала Васильку составлена также по этому образцу **). При всякомъ незначительномъ обстоятельствѣ, касающемся жизни суздальскихъ князей, лѣтописецъ некстати ставитъ цѣлые ряды текстовъ, нравоученій и сравненій съ лицами библейскими: „освятилъ Константинъ церковь св. Михаила на дворѣ своемъ, которую самъ создалъ и украсилъ иконами честными, какъ говоритъ пророкъ: желаніе сердца моего далъ еси ему, и хотѣнья устъ его нѣси его лишилъ, и опять: единаго просихъ отъ Господа, того и взищю, да живу въ дому Господни вся дни живота моего, да зрю красоты Господня. Какъ Соломонъ царь сотворилъ пиръ на освященье церкви своей, и праздновавъ, распустилъ людей и благословилъ людей и люди благословили царя, и разошлись каждый въ домъ свой съ радостью: такъ и блаженный Константинъ сотворилъ пиръ на освященье церкви своей и угостилъ (учреди) людей, и люди благословили Константина, говоря: благословенъ Богъ, иже дасть Всеволоду сицего сына разумна; дасть бо Господь смыслъ и премудрость Соломону, такоже и Константину, многу зѣло и разлитье сердце, яко песокъ иже при мори, и распространися премудрость его паче смысла всѣхъ человѣкъ. Якоже рече пророкъ Давыдъ: возвеличая спасенье царево, творя милость Христу своему Давыдови и сѣмени его до вѣка“ ***). И церковныя событія лѣтописецъ выби-

*) См. стр. 129. 157. 171.

**) Слич. стр. 156. 177. 199 и др.

***) Стр. 183. Весьма характеризуетъ лѣтописца разглагольствіе о посольствѣ въ Новгородъ на княженіе Константина, сына Всеволодо-

раетъ такія, которыя имѣютъ отношеніе къ княжескому семейству: говоритъ объ устройствѣ церквей этими лицами, о выборѣ ими іерарховъ и пр. Много похвальнаго говорится о епископахъ Лукѣ и Кириллѣ *). Вообще, судя по объему, въ этой лѣтописи довольно церковно-историческаго содержанія, хотя оно не такъ значительно, какъ въ лѣтописи Нестора, и не знакомитъ съ внутреннимъ ходомъ дѣлъ, съ движеніемъ души человѣка, съ духомъ жизни христіанской, какъ лѣтопись Ипатьевская. Къ чести лѣтописца относится то, что онъ высоко ставитъ просвѣщеніе и, какъ сознается, самъ любилъ ученіе книжное и живое поучительное слово, такъ что записывалъ назидательныя бесѣды пастырей въ храмѣ, когда они говорили ихъ съ церковной каѳедры (стр. 195).

При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ суздальскій лѣтописецъ любитъ распространять рѣчь свою изреченіями слова Божія, впрочемъ большею частію безъ нужды. Оттого допускаетъ самыя грубыя ошибки, неестественныя толкованія, совершенно неимѣющіе связи съ сущностію событій **). Для какой цѣли, спрашивается, лѣтописцу нужно было приводить св. тексты, напримѣръ хоть въ слѣдующемъ разсказѣ? „Константинъ, извѣщенный отцемъ, скоро пошелъ со всѣми силами и дождался отца въ Москвѣ, какъ сказалъ приточникъ: сынъ быхъ послушливъ отцу и возлюбленъ предъ лицемъ матери своея; сынъ благоразумный послушливъ отцу, сынъ же непокорный въ погибель; и плода праведнаго снѣсть... Константинъ встрѣтился съ отцемъ и поцѣловался съ радостью

вича. Жаль, что оно по своей величинѣ не можетъ быть здѣсь помѣщено. стр. 178—179. 181.

*) Стр. 165. 171. 175. 185. 186. 191. 202. 203. 204.

**) Стр. 162. 166. 168. 169. 171. 172—173. 180. 182. 195. 199.

великою, какъ сказалъ приточникъ: сынъ разумливъ, чтяй отца, возвеселитъ душу свою, и препояшетъ истиною чресла своя", и т. д. *). Размышленія и нравственныя замѣтки лѣтописца слишкомъ общи, полны пустаго, натянутаго многословія; отъ нихъ вѣетъ холодомъ, неестественностью и насиліемъ мысли. Они не похожи ни на живую картинную, проникнутую чувствомъ, рѣчь южнаго лѣтописца, ни на краткія, простыя и рѣзкія замѣчанія сѣверныхъ писателей. Въ разсказѣ суздальскаго лѣтописца также мало жизни; языкъ его довольно вялъ; выраженія изысканны и не отличаются точностью; его фразы по своей затѣйливости могутъ нравится испорченному или собдѣтскому вкусу. Разглогольствія его вышли не изъ собственнаго мышленія; это чужія мысли, порожденныя другими обстоятельствами, не понятыя, не прочувствованныя и не приспособленныя къ современности, а насильно приложенныя къ событіямъ и лицамъ другаго времени и мѣстности. Въ нихъ историкъ не найдетъ полнаго и яснаго указанія на современныя обстоятельства. Большая часть разсужденій взята суздальскимъ лѣтописцемъ изъ Нестора, у котораго они полны намековъ на тогдашнюю жизнь, приведены кстати, обмыслены и усвоены; тогда какъ у суздальскаго недостаетъ даже искусства воспользоваться ими: онъ сводитъ мысли Нестора изъ разныхъ мѣстъ въ одно, или рядомъ стоящія разводитъ по разнымъ мѣстамъ **).

---

*) Стр. 181. см. также 181. 193 и др.

**) Вотъ мѣста, заимствованныя изъ Нестора и повторенныя суздальскимъ лѣтописцемъ или буквально, или съ незначительными перемѣнами, слегка приспособленными къ другимъ обстоятельствамъ. Лавр. 161. Нест. 60: „помысливше высокоумьемъ... есть глава земли". Л. 162. Н. 95: „села пожгли, многія... зряще убиваемыхъ". Въ Лавр. л. послѣ словъ: „на месть даеми поганымъ"—опущены необходимыя слова Нестора: „горькую смерть пріемлюще". Несторъ говоритъ о морѣ 92, Лавр. о

А что не на оборотъ—изъ суздальской лѣтописи внесены въ Несторову эти мѣста въ позднее время,—за это ручается искусство, съ какимъ они помѣщены у Нестора, и списки болѣе ранніе, чѣмъ лаврентьевскій. Наконецъ въ суздальской лѣтописи встрѣчаются постоянно повторенія однихъ и тѣхъ же мыслей и однихъ выраженій *). Все это сдѣлало повѣтствованіе суздальской лѣтописи холоднымъ и безжизненнымъ, при всемъ видимомъ желаніи лѣтописца говорить одушевленно.

О сѣверныхъ лѣтописяхъ.

Съ послѣднихъ лѣтъ XII вѣка обнаружилось уже стремленіе сѣверныхъ областей къ самостоятельности и прекратились непосредственныя отношенія между сѣверомъ и югомъ Россіи. Только Новгородъ имѣлъ сношенія съ южными областями, искалъ тамъ защиты противъ притѣсненій сѣверныхъ князей, и служилъ связію между сѣверомъ и югомъ. Нашествіе татаръ окончательно разорвало эту связь. Когда бѣдная южная Русь томилась въ страданіяхъ рабства, Новгородъ и Псковъ, мало испытав-

---

пожарѣ 166: „се же сдѣя... дѣлъ не пріязненъ“. Рядомъ съ этими словами взяты изъ другаго мѣста Нестора 95: „Богъ бо казнитъ... въ царство небесное“. Далѣе статья: „праведно и достойно... паче инѣхъ казними есмы“—взята въ сокращеніи также изъ Нестора 95—6. Слова пророка Амоса 4 гл. 7—9 ст. у Нестора стр. 72 приведены въ разсужденіи по случаю нашествія половцевъ и весьма идутъ къ дѣлу, въ Лавр. же стр. 163 по случаю разграбленія Торжка и не совсѣмъ кстати. Слич. также: Лавр. стр. 161, Нест. стр. 60. слова Іоиля гл. 11, ст. 12; л. стр. 166, Н. стр. 72. Псал. 82, ст. 14—17. Л. стр. 163. Н. стр. 99. Л. стр. 176. Н. стр. 71. Л. стр. 181. М. стр. 117. Встрѣчаются еще небольшія выписки изъ Нестора на стр. 171. 176. 191.

*) Стр. 166=191. 173; 176=197; 168=198 и др.

шіе жестокость, насиліе и жадность варваровъ, продолжали старую жизнь и крѣпко сторожили свои памятники. Посвященіе въ Кіевѣ сѣверныхъ епископовъ напоминало еще о южной странѣ, гдѣ впервые возсіялъ свѣтъ вѣры Христовой. Но къ концу XIII столѣтія митрополитъ перешелъ въ Суздаль, по выраженію лѣтописи, „со всѣмъ своимъ житьемъ“ (лав. 208); а въ 1416 году въ Кіевѣ явилась уже отдѣльная митрополія,—и продолжительное отдѣленіе совершилось окончательно. Этотъ четырехсотлѣтній постепенный разрывъ имѣлъ вліяніе и на самостоятельное развитіе особаго характера и направленія церковной жизни на сѣверѣ. Съ другой стороны, Христіанство распространялось между сѣвернымъ народоселеніемъ не такъ легко и скоро, какъ на югѣ. Это также положило различіе въ жизни религіозной сѣвера и юга. Скупая на дары свои природа и удобство сообщеній образовали на сѣверѣ племя дѣятельное, которое трудами и оборотливостью стремилось улучшать способы существованія. Подъ неблагосклоннымъ вліяніемъ природы воспитался народъ стойкій, терпѣливый, предпріимчивый. Онъ отличается не пылкостью характера, но холоднымъ разсудкомъ, богатымъ запасомъ опытной мудрости, болѣе зрѣлымъ сознаніемъ началъ и формъ жизни. Его трудно было вывести изъ обычнаго хладнокровія, но подвинутый на дѣятельность, онъ обнаруживалъ крѣпкую силу и энергію. Отсюда и недостатокъ мягкости чувства и грубость въ сѣверномъ населеніи. Въ сѣверныхъ лѣтописяхъ отразились ясно всѣ эти черты мѣстнаго характера народоселенія, особенно въ лѣтописяхъ новгородскихъ и псковскихъ, которыя только и будемъ разсматривать здѣсь, въ отдѣлѣ сѣверныхъ лѣтописей. Новгородъ и Псковъ въ жизни связаны были тѣсными братскими узами. Послѣдній зависѣлъ отъ перваго по дѣламъ церковнаго управ-

ленія, и въ гражданскомъ отношеніи нерѣдко подчинялся его суду и расправѣ, звалъ его старшимъ братомъ, иногда господиномъ (1 новг. 43. 81), имѣлъ мирныя связи и часты сношенія по разнымъ практическимъ цѣлямъ, часто имѣлъ ссоры и распри. Въ лѣтописяхъ новгородскихъ и псковскихъ остались очевидные слѣды такихъ взаимныхъ отношеній.

Стремленіе къ свободѣ и самостоятельности развили въ Новгородѣ и Псковѣ особенное устройство гражданскаго управленія и народнаго суда, которые отличались вольностію. Поэтому въ лѣтописяхъ встрѣчаются постоянныя извѣстія, что новгородцы указали *путь князю*. Отношенія къ великимъ князьямъ, которые старались подавить независимость и вольность Новгорода и Пскова, въ лѣтописяхъ представляются въ рѣзкихъ чертахъ: лѣтописцы непріязненно смотрятъ на распоряженія великихъ князей, нарушающихъ старыя права областей, и высказываютъ постоянныя жалобы на несправедливость. Особенная ненависть выражена къ Іоанну III, его сыну и къ Іоанну IV, которые положили конецъ буйному вѣчу. Паденіе Новгорода и Пскова было страшнымъ событіемъ въ мѣстной исторіи, которое въ лѣтописяхъ изображено и съ раздирающею скорбію и съ самыми мелкими подробностями. Много сохранено въ лѣтописяхъ народныхъ преданій и суевѣрныхъ разсказовъ о разныхъ явленіяхъ, предшествовавшихъ разрушенію этихъ городовъ. „Предъ взятіемъ великаго Новгорода, говоритъ лѣтописецъ, начали знаменія быть. Эти знаменія были не на добро городу, какъ мы слышали отъ таможнихъ жителей. Говорили, будто буря великая сломила крестъ съ св. Софіи, и въ это же лѣто на двухъ гробахъ кровь явилась у архіепископовъ новгородскихъ Симона и Мартирія; у св. Спаса въ Хутынскомъ монастырѣ корсунскіе колокола сами собою

зазвонили. Было еще знаменіе страшное и удивленія достойное; въ женскомъ монастырѣ св. Евфиміи отъ иконы пресвятыя Богородицы много разъ слезы, какъ струи, исходили изъ очей". Сюда же относится преданіе, какъ Іоаннъ III будтобы съ яростію повелѣлъ вскрыть мощи св. Варлаама, и изъ гроба чудотворца явился и дымъ и пламя; князь едва убѣжалъ изъ церкви и гдѣ ударялъ своимъ жезломъ, тамъ опять выходилъ огонь, такъ что онъ долженъ былъ бросить и жезлъ свой (III новг. 241—2). Особенно много преданій сохранилось о лицѣ Іоанна Грознаго: его рожденіе было, по словамъ лѣтописца, необычайное: „случился громъ и молнія, туча и вѣтеръ зѣло страшный; думали, будто вся земля поколебалась отъ основанія; и въ ту ночь родился у великаго князя Василія Ивановича сынъ. Въ туже ночь въ часъ его рожденія слитъ былъ колоколъ къ св. Софіи благовѣстникъ, вельми великъ; такого по величинѣ не бывало въ Новгородѣ и во всей новгородской области, страшнѣй трубы громогласной" (III новг. 248). Когда Грозный псковскихъ челобитчиковъ въ селѣ Островкѣ „безчествовалъ, обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчею зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по земли; и въ ту пору на Москвѣ колоколъ благовѣстникъ напрасно отпаде" (I пск. 307). Послѣ разгрома Новгорода повезли въ Москву царскихъ медвѣдей и скомороховъ, и въ этотъ же день много червей ползало по дорогамъ.

Въ церковномъ управленіи Новгородъ и Псковъ также имѣли свои особенности. Они подчинены были особому архіепископу и стремились къ самостоятельному управленію, независимо отъ митрополита. Поэтому въ лѣтописяхъ встрѣчаются частыя жалобы на тягость митрополитова управленія и нападки на его поведеніе. Если вообще въ древней Россіи духовенство пользовалось большимъ зна-

ченіемъ, то новгородскій архіепископъ имѣлъ величайшую силу и вліяніе на гражданскія дѣла въ подчиненныхъ ему областяхъ. Лѣтописцы называютъ его не иначе, какъ владыкою, его молитвамъ приписываютъ успѣхъ всякаго общественнаго дѣла, постоянно говорятъ объ участіи его въ дѣлахъ народныхъ и наполняютъ цѣлыя страницы разсказами о избраніи и поставленіи его, которое зависѣло отъ народа. Видно, что лѣтописцы питаютъ сильную привязанность ко владыкамъ. Особенности гражданскаго устройства и народнаго суда содѣйствовали развитію безправности а необузданной вольности, — отсюда появленію партій. Много разсказовъ въ сѣверныхъ лѣтописяхъ о народныхъ мятежахъ, когда торжествующая партія грабила и била своихъ противниковъ. Въ разгарѣ злобы мятежъ охватывалъ весь городъ, опустошалъ его и окрестныя села и деревни. Волховъ покрывался кровію и трупами несчастныхъ жертвъ народнаго волненія и безнарядья. Злоупотребленіямъ власти и силы не было предѣла. Часто также лѣтописцы вооружаются противъ народнаго неправосудія и клятвопреступленія, безполезнаго кричанія на вѣчѣ и т. п.

Другая рѣзкая черта, отличающая сѣверныя лѣтописи отъ южныхъ, состоитъ въ исключительномъ направленіи первыхъ къ практической жизни. Лѣтописецъ тщательно отмѣчаетъ, когда были постройки, поправки и обновленія церковныхъ и монастырскихъ зданій; такъ что по этимъ отмѣткамъ церковный историкъ можетъ получить возможно-полное понятіе объ устройствѣ храмовъ на сѣверѣ. Часто также касаются лѣтописцы устроенія разныхъ церковныхъ домовъ и часовень, напр. для освѣщенія воды и проч. (I новг. 103. 114; II новг. 135). Встрѣчаются въ сѣверныхъ лѣтописяхъ разсказы о поставленіи или разрушеніи келій и другихъ монастырскихъ постройкахъ; даже пере-

даются дѣла объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ монастырю, мельницахъ, поварняхъ и т. п. Говорится нерѣдко о постройкахъ и украшеніяхъ палатъ для владыки, пристройкахъ служебъ на его дворѣ, о строеніи домовъ для священнослужителей *).

Торговые обороты Новгорода и Пскова были такъ значительны, что вся ихъ жизнь приняла характеръ торговый: куплей и продажей занималось не только бѣлое духовенство, но и монашество **). При такомъ направленіи общей жизни, естественно встрѣтить выраженія тогоже характера въ сѣверныхъ лѣтописяхъ. Въ извѣстіяхъ о голодѣ или обильномъ урожаѣ лѣтописцы постоянно отмѣчаютъ цѣны на жизненныя продовольствія, дороговизну отъ недостатка или дешевизну при изобиліи ***). Вообще при описаніи бѣдствій часто приводится въ ясность и выставляется количество проторей и убытковъ. Тоже дѣлается, когда бываютъ издержки на окупъ послѣ неудачной войны, по законному, или незаконному требованію высшихъ лицъ, напримѣръ, князя, митрополита. Исчисляются нерѣдко чрезвычайно подробно подарки, дѣланные отъ народа великимъ князьямъ ****). Часто выставляется цѣна, данная за трудъ церковнымъ мастерамъ: „псковичи дали наймитамъ два ста рублей сломать стѣну св. Троицы... заложили церковь св. Троицы, и дали ма-

---

*) II новг. 150. 152. 155. 156. 158. 160. 161. 162. 168; III новг. 232; I пск. 202. 229. 306. 313. II пск. 7.

**) „А которые игумены, или попы, или чернцы торговали прежь сего, или сребро давали върѣзы, а того бы отъ сихъ мѣстъ не было“. Акт. арх. э. № 369; Акт. ист. № 23.

***) I новг. 13. 33. 43. 46. 71; II новг. 128—9. 150. 172; I пск. 198. 200. 231. 306; II пск. 10. 11. 20. 23. 24.

****) I новг. 55. 71. 82; II новг. 140. 141. 163; I пск. 192. 203. 209. 252.

стерамъ платы четыре ста рублей и добрѣ потчивали ихъ". (I пск. 218). Встрѣчаются извѣстія чрезвычайно замѣчательныя по выраженію народнаго духа со стороны меркантильной: „женился царь православный Иванъ Васильевичь на царевнѣ Марьѣ; и владыка Пименъ новгородскій послалъ къ нему на Москву два креста въ 370 рублей, да два образа обложенные серебромъ во 170 рублей, да двумъ царевичамъ два образа въ 80 рублей, да 40 золотыхъ"... „Была дорога бумага, десть 2 алтына книжная"... „Ямы взяли у владыки Макарья на церковь въ расходъ"... „Бысть во Псковѣ темьянъ (ладонъ) дорогъ, по 60 денегъ рублевая гривенка"... *) Въ южныхъ лѣтописяхъ нѣтъ такихъ извѣстій, какія передаютъ сѣверныя лѣтописи о порокахъ, связанныхъ съ торговлею и промышленностью. Съ горькимъ упрекомъ говоритъ лѣтописецъ: „мы воздыхаемъ день и ночь, пекущеся о имѣніи" (I новг. 51). Эти вздохи о стяжаніи, эта забота о пріобрѣтеніи часто приводили промышленный народъ къ постыднымъ средствамъ и оканчивались самыми безчестными дѣлами. Лѣтописцы сильно возстаютъ противъ грабителей, которые врывались въ церкви во время пожара, похищали имѣніе, снесенное туда для сохраненія, и часто обагряли святое мѣсто христіанскою кровію: „окаянные злые люди, которые Бога не боятся, ни чаютъ воскресенія мертвыхъ, ни суда Божія, ни воздаянія по дѣламъ, не только что у людей, у своей братіи, пограбили, а иныхъ надъ товаромъ побили, и товаръ себѣ отобрали, но и въ святыхъ церквахъ, гдѣ бы всякому христіанину, хотя бы свой домъ бросивъ, постеречь. Но мы вмѣсто покаянія горшее зло творимъ, смотря на казнь

*) II новг. 151. 158. 160; I пск. 226. 292. 306 и др.

Божію: заперлись въ церкви св. сорока мучениковъ, товаръ весь, чей ни былъ, весь разграбили, а иконъ и книгъ не дали носить, да какъ сами выбѣгли изъ церкви, все пламенемъ взялось, двухъ сторожей убили; у св. Богородицы попъ сгорѣлъ, а иные говорятъ, что убили его надъ товаромъ". Лѣтописцы говорятъ и о наказаніи грабителей чужаго имѣнія, ихъ торжественно проклинали, а пойманныхъ били, жгли и бросали въ Волховъ: „во время голода въ Псковѣ начали было грабить недобрые люди села, дворы въ городѣ, и клѣти, и избили ихъ Псковичи около 50 человѣкъ". До ужасной крайности доходило это сребролюбіе, эта жадность къ корысти: во время пожара „злые люди и немилостивые мертвыхъ огорѣлыхъ многимъ ограбили, ища золота и серебра, а иныхъ живыхъ еще дышащихъ грабили, у женщинъ монисты и серги изъ ушей вынимали и обогащались". Лѣтописи передаютъ и то, что и отрекшіеся отъ міра и служители церкви также несвободны были отъ этихъ пороковъ и отъ святотатства: „вынули у старца Ефрема въ кельѣ въ ларцѣ ризы казенныя, и старца связали, да у вкладчика Карпа конюха вынули колоколъ, что въ него повѣщали за столъ братіи на завтраки собираться, и того вкладчика связали"... „1509 года на масленой недѣли, поймали понамаря троицкаго Ивана, а онъ изъ ларевъ деньги имал, да той гибели доспѣлъ четыреста рублевъ; и псковичи его на вѣчи казнили кнутьемъ, и онъ сказался, и псковичи посадили его на крѣпость, до того же лѣта на великой рѣкѣ огнемъ сожгли его" *). Востаютъ нерѣдко новгородскіе и псковскіе лѣтописцы противъ рѣзоимства, обмана, противъ подмѣса въ товары, неправеднаго вѣса

*) I новг. 50. 66. 70. 71. 80. 81. 107; II новг. 153; I псковск. 282.

и мѣры *). Замѣчательно, что сѣверныя лѣтописи выставляютъ на видъ преимущественно пороки общества, тогда какъ южныя говорятъ болѣе о добродѣтеляхъ. Голодъ, моръ, пожары, наводненія и пр., какъ слѣдствія и казни пороковъ, въ сѣверныхъ лѣтописяхъ описаны весьма подробно; о нѣкоторыхъ даже занесены цѣлыя отдѣльныя повѣсти. Нѣтъ также въ южныхъ лѣтописяхъ такого множества разнаго рода народныхъ преданій, клонившихся къ возвышенію силы и правъ народныхъ. Таковы, напр., новгородскія преданія о Спасовѣ образѣ съ благословляющею десницею, о бѣломъ клобукѣ, о построеніи храма софійскаго и т. п... Больше въ этихъ лѣтописяхъ находится суевѣрій, невѣроятныхъ и странныхъ разсказовъ, чаще отмѣчаются необычайныя явленія природы. Это, конечно, зависѣло отъ грубости и невѣжества, которыя были сильнѣе вкоренены въ населеніи сѣверномъ, или лучше сказать слабѣе подавлены Христіанствомъ, которое тамъ прививалось не такъ успѣшно, какъ на Югѣ. Слѣды этой грубости и невѣжества сохранены лѣтописями въ повѣствованіяхъ о томъ, какъ новгородцы выгоняли владыкъ своихъ, били и ругали духовенство, жгли мнимыхъ вѣдьмъ во время общественныхъ бѣдствій, или какъ псковичи сталкивали съ своего мѣста на вѣчѣ князя, и т. п. Эти качества высказывались у лѣтописцевъ даже въ собственныхъ ихъ выраженіяхъ и въ обнаруженіи личныхъ чувствъ.

Кромѣ этого свойства сѣверныхъ лѣтописей, въ изложеніи ихъ господствуетъ отрывочность, сжатость и простота разсказа, почти противоположная живости и образности рѣчи южной. Однообразіе, сухость, бѣдность содер-

---

*) I новг. 34. 46. 92; I пск. 237. 288 и др.

жанія, мысли и чувства выкупается въ лѣтописяхъ силою слова, сохраненіемъ оборотовъ чисто народнаго языка, вѣрностью взгляда на жизнь, сжатостью въ изображеніи предметовъ, способностью коротко и ясно выразиться. Главный недостатокъ сѣверныхъ лѣтописцевъ состоитъ въ томъ, что они не высказываютъ причинъ событій, не разъясняютъ дѣла, а выставляютъ одну видимую сторону явленія. Поэтому бѣдность содержанія кажется еще бѣднѣе при такомъ способѣ разсказа, который былъ въ характерѣ холоднаго, неразговорчиваго сѣвернаго человѣка. Онъ не любилъ тратить чувствъ и словъ, но обдумывалъ свое дѣло, и тогда уже произносилъ свое мѣткое слово. Много зналъ лѣтописецъ любопытныхъ подробностей о современныхъ происшествіяхъ, но отмѣтилъ коротко и сухо, при всемъ своемъ участіи къ нимъ; такъ что историку самому предоставляется отыскать смыслъ переданнаго извѣстія: „утонули два попа, и не далъ епископъ надъ ними пѣть"... „Навожденіемъ дьявольскимъ, возстала простая чадь на архимандрита Іосифа, и сотворила вѣче; заперли Іосифа въ церкви св. Николы; и сидѣли около церкви день и ночь крамольники, стерегли его; если кто подъ другомъ яму копаетъ, самъ упадетъ въ нее" (I новг. 10. 78). Почему запретилъ епископъ совершить погребеніе поповъ, по какому побужденію заперли крамольнаго Іосифа и что значитъ нравоучительная мысль лѣтописца,—на это онъ не даетъ отвѣта. Какъ самъ не разговорчивъ лѣтописецъ, такъ и не приводитъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ. Только тогда развязывается его языкъ, когда онъ говоритъ о бѣдствіяхъ народныхъ. На сѣверныхъ лѣтописяхъ не осталось почти никакихъ слѣдовъ вліянія византійскихъ хроникъ. Въ нихъ болѣе самостоятельно-народнаго духа, чѣмъ въ лѣтописяхъ южныхъ.

Первая новгородская лѣтопись ограничивается изложеніемъ извѣстій большею частью мѣстныхъ, касаясь

кратко событій южныхъ; и Несторова лѣтопись, которою она начинается,—весьма значительно въ ней сокращена. Мѣстный характеръ выражается здѣсь не въ одномъ выборѣ содержанія, но и въ обнаруженіи личнаго сочувствія лѣтописца мѣстнымъ событіямъ. Съ 1110 года лѣтопись наполнена повѣствованіемъ почти исключительно о дѣлахъ новгородскихъ; изрѣдка передаются извѣстія о сосѣднихъ областяхъ, именно о Псковѣ и Суздалѣ; южныхъ происшествій она касается, когда они имѣютъ отношеніе къ Новгороду. Таковы извѣстія о событіяхъ приднѣпровской Руси, которыя занимали лѣтописца потому, что новгородскій князь Михаилъ имѣлъ споръ съ Даніиломъ за владѣніе галицкимъ княжествомъ: лѣтописецъ знаетъ, что тамъ латины обратили православныя церкви *къ богомерзкому служенію* (50. 84). Только нашествіе татаръ на землю рязанскую, владимірскую и московскую описано подробно. Самое церковно-историческое содержаніе первой новгородской лѣтописи ничѣмъ не отличается отъ содержанія другихъ сѣверныхъ лѣтописей. Оно также скучно и состоитъ преимущественно изъ повѣствованія о церковно-обрядовой сторонѣ Христіанства. Лѣтописца занимаютъ главнымъ образомъ храмы, владыки, затѣмъ народныя бѣдствія, знаменія и явленія природы. Подробнѣе въ этой лѣтописи описаны только внутренніе мятежи города, и эти описанія могутъ познакомить церковнаго историка съ нравственностію мѣстнаго народонаселенія полнѣе, чѣмъ другія лѣтописи. Живо описываетъ лѣтописецъ волненіе народное: „сбирахуся людей множество, кричаху вопіюще по многи дни; возъярившеся аки пьяни, много разграбиша домовъ боярскихъ; и монастырь св. Николы разграбиша, рекуще: здѣ житницы боярскія; начаша звонити по всему граду, и начаша людіе срыскиватися, съ обою странъ, аки на рать въ доспѣсѣхъ, на мостъ великій; бя-

ше же и губленіе: овы отъ стрѣлъ, овы отъ оружія, бѣша же мертвіи, яко на рати; и отъ грозы тоя страшныя и отъ возмущенія того великаго, встрясеся весь градъ, и нападе страхъ на обѣ страны" (107—8). Вообще эта лѣтопись сообщаетъ довольно много данныхъ для уясненія характера новгородцевъ. Есть въ лѣтописи довольно прекрасныхъ описаній и нравоучительныхъ замѣчаній при разсказахъ: они выражены кратко и сильно, отличаются глубиною и ясностью мысли, проникнуты теплотою чувства; въ другихъ новгородскихъ лѣтописяхъ не встрѣчается такихъ краснорѣчивыхъ строкъ. Вотъ какъ, напримѣръ, изображаетъ лѣтописецъ страшный голодъ подъ 1230 годомъ: „разошелся весь городъ нашъ и вся волость, и наполнились чужіе города и страны братьями нашими и сестрами; оставшіеся начали помирать: трупы лежали по улицамъ, младенцевъ грызлы псы; нѣкоторые изъ черни рѣзали живыхъ людей и ѣли, другіе обрѣзывали мясо съ труповъ, иные ѣли лошадей, собакъ, кошекъ; преступниковъ казнили, вѣшали, жгли, но востало другое зло: начали зажигать домы людей добрыхъ, у которыхъ чуяли рожь, и грабили имѣніе ихъ; между родными не было жалости, сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ отломить куска хлѣба; отцы и матери отдавали дѣтей своихъ ради хлѣба въ рабство купцамъ иноземнымъ; по улицамъ скорбь при видѣ труповъ, лежащихъ безъ погребенія, дома тоска при видѣ дѣтей, плачущихъ о хлѣбѣ, или умирающихъ съ голоду" и пр. Татары стали требовать дани и перечислять народъ: „чернь не захотѣла выдать числа, но сказала: умремъ честно за св. Софію и за домы ангельскіе! Тогда раздвоились люди, добрые стали за св. Софію и правую вѣру, и сотворили отпоръ, а лучшіе приказывали меньшимъ выдать число. И окаянные татары, по совѣту злыхъ стали перечислять; бояре дѣлали себѣ легко, а меньшимъ зло; и

начали ѣздить окаянные по улицамъ, переписывая домы христіанскіе, потому что навелъ Богъ, за грѣхи наши, изъ пустыни звѣрей дикихъ ѣсть плоть сильныхъ и пить кровь боярскую“ (57 стр.). По описаніи несчастной битвы съ нѣмцами, лѣтописецъ говоритъ: „видѣвше ту страсть, ни худѣ покаемся грѣхъ своихъ, но горше быхомъ на зло: братъ брата хотяще снѣсти завистію другъ друга, крестъ цѣлующе и паки преступающе, а не вѣдуще кака есть сила крестная“ *). Въ лѣтописи находится также много пословицъ сильныхъ и мѣткихъ. Какъ на отличительную черту лѣтописи, можно указать на восклицательный и вопросительный способъ выраженія: „о велика скорбь въ людяхъ и нужда! .... о великъ, братье, промыслъ Божій!.. Что сказать о бывшей на насъ отъ Бога казни?.. О великое, братье, чудо свади окаянный діяволъ!.. И кто, братіе, не поплачетъ изъ оставшихся въ живыхъ?.. А что злѣе зла—ходить во лжи предъ Богомъ, крестъ цѣловать и преступать?“.. Чрезвычайная щедрость лѣтописца въ благожеланіяхъ составляетъ также его особенность: „покой, Господи, душу его!.. Дай, Господи милостивый, видѣть ему лице твое въ будущій вѣкъ!.. Дай, Господи, молитву его кланяющимся гробу его! Дай ему, Госпоже, здѣ много лѣтъ жити!“ На страницахъ 52, 55 и 56 встрѣчаются въ сокращеніи буквальныя выписки изъ лѣтописи Нестора.

Вторая новгородская лѣтопись до исхода XV столѣтія, большею частію повторяетъ извѣстія, помѣщенныя въ первой новгородской лѣтописи. Далѣе излагаются преимущественно церковно-историческія свѣдѣнія по разнымъ лѣтописнымъ запискамъ. Вообще же лѣтопись ограничивается описаніемъ происшествій, случившихся въ

*) Стр. 60. Сильны также нравоучительныя замѣчанія на страницахъ: 5. 41. 46. 51. 57. 60. 67. 68 и 69.

одномъ Новгородѣ и большею частію въ однихъ монастыряхъ. Незначительныя описанія монастырской жизни и разныхъ обстоятельствъ, въ дорогихъ только для иноковъ, служатъ основаніемъ, по которому прямо можно заключить, что вторая новгородская лѣтопись составлена въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей: „Былъ воевода Троекуровъ въ савинѣ пустыни и давалъ братьи милостыни по алтыну... Смирились промежъ себя игумены о земномъ дѣлѣ, островскій и савинскій... Взялъ государь по монастырямъ грамоты къ себѣ, къ Москвѣ, жалованныя, по всѣмъ... Велѣно по всѣмъ монастырямъ новгородскимъ слугъ монастырскихъ ставить съ лошадьми и съ панцырями, со всѣмъ запасомъ, къ Москвѣ на службу... Сгорѣла трапеза на Лисьи горѣ деревянная, со всѣмъ запасомъ при игуменѣ Иринархѣ... Велѣли на государя на болотахъ сѣно косить по монастырямъ, безъ отмѣны, чье бы то нибыло...; на государя со всѣхъ монастырей велѣли солому въ Новгородъ возить *). Лѣтописецъ, какъ замѣтно, имѣлъ подъ руками многіе неизвѣстные теперь списки новгородскихъ монастырскихъ лѣтописей. Между прочимъ сохранилась надпись лисицкаго лѣтописца, служившаго матеріаломъ для второй новгородской лѣтописи. „Въ 1450 лѣто написана бысть сія книга лѣтописецъ въ обители Пречистѣй рождества на Лисьи горѣ, повелѣніемъ раба Божія дьякона инока Геронтія, въ полдесть держанъ“ (стр. 141). Сохранились на этой лѣтописи замѣчательные слѣды и домашнихъ записокъ частныхъ людей, которые заносили въ нихъ для памяти занимательное и любопытное для нихъ; что повторялъ и лѣтописецъ: „лѣта 1545 писанъ памяти ради своей. Преставились оба мастера трапезныхъ. Преставился братъ мой Михаила на святой не-

*) Стр. 143. 156. 158. 160. 163. 168. 173. 174.

дѣли въ среду. Василію обложилъ избу на память св. мученицы Пелагіи маія въ 4 день“ (149. 151. 167). Это, кажется, и служитъ объясненіемъ, почему лѣтопись наполнена самыми мелочными извѣстіями, любопытными только для своего времени и не имѣющими почти никакого значенія для историковъ послѣдующихъ. Вотъ какого рода событія увѣковѣчилъ и передалъ потомству лѣтописецъ: „представился Наумъ клирошанинъ св. Софіи... Сгорѣла изба и клѣть и мыльня, дворъ старой просвирницы Ѳеклы... Загорѣлось на Рогатинѣ улицѣ отъ Степана Губана кафтанника, по правой сторонѣ отъ церкви: сгорѣло четыре двора, пятый разметали, да дитя зашибли Василія сермяжника“ и пр. *). Лѣтописецъ на цѣлыхъ страницахъ часто описываетъ крестные ходы, куда шелъ владыка, гдѣ кропилъ св. водою, что пѣли, какъ благословлялъ воздвизательнымъ крестомъ, гдѣ останавливался и приказывалъ ектенію говорить, и проч. (144—6). Мелочность и незначительность извѣстій служитъ отличительнымъ признакомъ второй новгородской лѣтописи. Иногда разсказы лѣтописца до крайности простодушны и наивны: напр. „давали по концамъ и по улицамъ старостамъ на 30 человѣкъ, двѣ бочки пива, да 6 ведеръ меду, да вина горькаго полтора ведра, на разрубъ... Въ Антоновѣ монастырѣ у игумина Варлаама бурей сѣни выдрало... Архіепископъ Леонидъ велѣлъ дьяковъ своихъ пѣвчихъ поставить на правежи, Сергія дьяка съ товарищи, и велѣлъ на нихъ взять съ головы по полтинѣ московской, что дьяки не ходятъ къ началу къ церкви... Сгорѣло 9 дворовъ отъ молніи, а иные люди кажутъ, въ тѣ поры въ деревни кисель варили и отъ того огня загорѣлось... Какъ учили звонити обѣдню, и въ тѣ поры на колокольницѣ звонецъ звонилъ

---

*) Стр. 135. 153. 170. см. также: 157. 163. 171—2.

въ колоколъ въ проскурницкой, Семеномъ зовутъ, и у колокола веревка порвалась, и звонецъ свалился съ колокольницы на земь, да у него разразило половину головы; да и ногу лѣвую скорчило, и въ тѣжъ поры смятенье великое стало, люди отъ колокольницы прочь побѣжали, и звонца причастилъ ключарь, и Семенъ преставился чрезъ 5 дней“ *). И дополненія извѣстій, взятыхъ изъ другихъ лѣтописей, отличаются тѣмъ же духомъ. Выписывая свѣдѣнія о мятежѣ изъ первой новгородской лѣтописи, составитель второй прибавилъ по другимъ источникамъ: „бяше же и се дивно: жена нѣкая отвергши женскую немощь, вземши мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища дастъ боярину раны, укоряющи его, яко не истова глаголющи: яко обидима есми имъ“ (стр. 136). Самое соединеніе въ описаніи разнородныхъ предметовъ бываетъ довольно наивно: „по всѣмъ монастырямъ новгородскимъ сбирали деньги на владыку казанскаго Гурья, и книги пѣвчія брали по монастырямъ, апостолы и евангеліи и четьи, въ Казань. Да того же лѣта было сѣмя огуречное дорого, гривенка 20 алтынъ, а блюдечко по гривенкѣ... У Покрова крестъ покривило въ сторону, а не сорвало; да много во садахъ яблокъ съ деревъ рвало, и много въ садахъ деревъ драло и ломало, да у Рождества въ монастырѣ съ обѣихъ церквей кресты сорвало на земь“ (158. 171). По своему простодушію не скрывалъ лѣтописецъ довольно щекотливыхъ обстоятельствъ: „владыко Леонидъ велѣлъ всѣмъ священникамъ ризы съ себя снимать, а говорилъ священникамъ: собаки, воры, измѣнники, да и всѣ новгородцы съ вами! вы де меня оболгали предъ великимъ княземъ; подаете челобитные о деньгахъ милостинныхъ, а вамъ достанется

---

*) Стр. 157. 163. 168. 172. 174.

по 6 московокъ, а дьяконамъ по 4 московки; не буди де на васъ мое благословеніе ни въ всей вѣкъ, ни въ будущій... Владыка Леонидъ учалъ говорить архимандриту Юрьева монастыря Ѳеоктисту: почему деи ты, архимандритъ, мнѣ своей настольной грамоты не кажешь и не подписываешь? Какъ ты архимандритишь? И архимандритъ молвитъ такъ: вскорѣ ялось, не успѣлъ тебѣ государю! И владыко молвилъ такъ: какъ у мене настольной грамоты не было, и я три дни не служилъ. И архимандритъ молвилъ владыкѣ: тобѣ деи у мене хочется содрать, а мнѣ тебѣ нечего дать; тебѣ де и архимандритство и настольная грамота; хочешь де съ меня, владыко, и ризы сдери, и я о томъ не тужу. И владыка: игумены и всѣ священницы! на соборѣ слушайте, того не попритеся: архимандритъ прекословитъ на соборѣ предъ вами" (168. 170). Любилъ составитель лѣтописи изображать явленія сѣвернаго сіянія (156. 157. 160. 168). Разсказъ лѣтописца спокойный и ровный; онъ остается хладнокровнымъ свидѣтелемъ передаваемыхъ событій. Въ его пріемахъ нельзя уловить ни желанія поучать, ни стремленія къ задуманной цѣли, ни особеннаго пристрастія къ извѣстнымъ предметамъ... Онъ передаетъ событія коротко, сухо и безъ замѣтнаго участія. О пребываніи Грознаго въ Новгородѣ говорится одинаково простодушно, но съ крайнею осторожностью: выставлено только, какъ онъ молился, какъ его встрѣчали, а объ ужасныхъ казняхъ его не упомянуто; сказано только мимоходомъ, что онъ бояръ топилъ.

Третья новгородская лѣтопись представляетъ замѣчательное явленіе для церковнаго историка по своему исключительному направленію къ церковно-историческимъ событіямъ. На нее можно смотрѣть, какъ на попытку— сообщить повѣствованіе объ однихъ событіяхъ Церкви, не касаясь происшествій гражданской жизни. Эта цѣль вы-

сказана въ самомъ началѣ лѣтописи: „книга, глаголемая лѣтописецъ новгородской въ кратцѣ, церквамъ Божіимъ, въ которое лѣто, которая церковь во имя строена, и при которомъ епископѣ или архіепископѣ или митрополитѣ, и въ которомъ годѣ который епископъ или архіепископъ или митрополитъ поставлены быша, и прилучаи въ которомъ годѣ какіе были въ великомъ Новѣгородѣ и въ пригородѣхъ: и то въ семъ лѣтописцѣ чти и обрящеши". — Составитель лѣтописи имѣлъ подъ руками много разныхъ лѣтописныхъ памятниковъ и выбиралъ изъ нихъ извѣстія, сообразно съ предположенною задачею—описывать преимущественно церковно-историческія событія. Объ источникахъ своихъ онъ не разъ упоминаетъ: „Въ лѣто 6643 заложена была церковь св. Николы на Яковлевѣ улицѣ. А въ иномъ лѣтописцѣ написано: 6652 заложиша тое церковь, а совершиша 6925"... „По свидѣтельству харатейныхъ древнихъ лѣтописцевъ"... Ни въ лѣтописцѣхъ такого пожару не обрѣтохомъ, толь злаго"... „Въ другой рядъ написано изъ иной книги *)". Лѣтописецъ остался вѣренъ своему заглавію; хотя онъ не чуждался совершенно событій жизни общественной, описывалъ иногда „прилучаи, какіе были въ великомъ Новѣгородѣ и пригородѣхъ", но главнымъ образомъ передаетъ свѣдѣнія „о церквахъ каменныхъ и деревянныхъ, въ кое время строены, въ великомъ Новѣгородѣ, и кто ихъ строилъ" (стр. 207), о поставленіи и смерти іерарховъ. До крайности утомительна эта лѣтопись своимъ краткимъ, однообразнымъ и сухимъ перечнемъ, изъ котораго немного можно сдѣлать замѣчатель-

*) Стр. 214. 221. 244. 248. также 219 въ примѣчаніяхъ подъ лит. і, 225—подъ лит. п. Замѣчательно, что этотъ лѣтописецъ почерпалъ свѣдѣнія не изъ однихъ книжныхъ записей, но помѣщалъ иногда надписи, сдѣланныя на иконахъ, на церквахъ и т. п. напр. стр. 225.

ныхъ выводовъ для исторіи Церкви: „Въ лѣто 1361 поставилъ владыка Моисей благовѣщенія Богородицы, на Витковѣ улицѣ, церковь каменную, и на Михайловкѣ св. Михаила архангела каменную. Въ лѣто 1362 поставилъ новгородскій владыка Алексѣй церковь каменную рождества Христова на сѣняхъ на архіепископскомъ дворѣ. Тогоже лѣта преставился архіепископъ новгородскій Моисей, мѣсяца генваря въ 25 день; и положенъ былъ у св. архангела Михаила на Сковороткѣ, въ своемъ созданіи, погребалъ его владыка Алексѣй. И былъ на владычествѣ 8 лѣтъ въ другой разъ, и опять сошелъ, жилъ 3 года въ монастырѣ. Въ лѣто 1364 въ Торжкѣ поставили св. преображеніе Господне, замышленіемъ богобоязненныхъ мужей купцовъ новгородскихъ, а по тягнутіемъ всѣхъ православныхъ христіанъ; а освящалъ ее архіепископъ новгородскій, зимою“, и т. п.

Этаже лѣтопись заключаетъ въ себѣ много народныхъ преданій и отдѣльныхъ вставочныхъ сказаній. Такъ наприм. „о чудномъ видѣніи Спасова образа Мануила царя греческаго; сказаніе о Михалицкомъ монастырѣ; сказаніе о видѣніи софійскаго пономаря Аарона; повѣсть о походѣ Іоанна III на Новгородъ; о вскрытіи раки чудотворца Варлаама; о морѣ и пожарѣ и о видѣніи пономаря Тарасія“ *). Повѣсть о приходѣ царя Іоанна Васильевича, объ опричнинѣ и разгромѣ Новгорода, очевидно, написана современникомъ. Въ этой повѣсти изображенъ гнѣвъ царя и казнь Новгорода съ бо́льшею свободою и откровенностью, чѣмъ во второй новгородской лѣтописи; но и здѣсь нѣтъ обвиненій царя въ поступкахъ, а приписываются всѣ злодѣйства, „ихъже око не видѣ и ухо не слыша и

---

*) Стр. 207. 211. 218. 238. 241. 244—6.

на сердца человѣческая взыти не можетъ,—наущенію богоотступниковъ, злыхъ и буявыхъ хищниковъ, влагающихъ въ уши царевы непріязненные глаголы“ (стр. 255). Потомъ помѣщены сказанія: о взятіи Новгорода отъ нѣмецъ, и о разореніи его; объ осадѣ обители Тихвинской шведами. Разсматриваемая лѣтопись обнимаетъ происшествія самыя позднія, какихъ не касалась ни одна лѣтопись; она оканчивается 1616 годомъ.

Еще яснѣе видна попытка—заняться исключительно повѣствованіемъ о событіяхъ церковной исторіи въ „росписи или краткомъ лѣтописцѣ новгородскихъ владыкъ“ (стр. 180). Можно думать, что роспись составлена по лѣтописцу лисицкаго монастыря, о которомъ говорится во второй новгородской лѣтописи. „1572 года игуменъ Германъ служилъ въ монастырѣ на Лисьи горѣ обѣдню и смотрѣлъ въ монастырѣ книги лѣтописца церковнаго, а сказывали, что лѣтописецъ лисицкій добрѣ сполна, развѣ владыки новгородскіе не всѣ сполна, а только до владыки Евѳимія новгородскаго; а смотрѣлъ въ кельѣ у старца келаря Діонисія“ (стр. 169). Въ росписи владыкъ есть нѣсколько свѣдѣній новыхъ, хотя большая часть выбрана изъ лѣтописей новгородскихъ. Какъ третья новгородская лѣтопись, такъ и роспись владыкъ явились не ранѣе XVI вѣка; слѣдовательно, когда стали уже смотрѣть на церковныя дѣла, какъ отдѣльныя и отличныя отъ происшествій гражданской жизни. Явились они въ Новѣгородѣ, гдѣ народное сознаніе было яснѣе и полнѣе, гдѣ и высшее духовенство имѣло болѣе самостоятельности и вліянія на событія.

Начало **псковскихъ лѣтописей** относится ко второй четверти XIII вѣка; обѣ онѣ имѣютъ одинаковый характеръ. Основаніемъ для нихъ служатъ новгородскія лѣтописи, особенно для ранняго времени. Псковскій состави-

тель лѣтописи сократилъ новгородскую, какъ новгородскій—кіевскую, заимствуя изъ ней преимущественно событія мѣстныя, и къ своему сокращенію прибавилъ событія случившіяся въ Псковѣ. Въ псковскихъ лѣтописяхъ подробно описываются внѣшнія и внутреннія дѣла Пскова. Сначала въ сухомъ перечнѣ излагаются свѣдѣнія о строеніи церквей, о знаменіяхъ въ природѣ и физическихъ бѣдствіяхъ. Большая часть лѣтописи посвящена описанію борьбы Пскова съ Литвою, шведами и ливонскимъ орденомъ. Хотя здѣсь нѣтъ собственно церковно-историческаго содержанія, но это описаніе достойно вниманія церковнаго историка; потому что самая борьба нерѣдко принимала религіозный характеръ, и вообще можно изучить по этимъ извѣстіямъ отношеніе къ иновѣрцамъ сѣвернаго населенія Россіи. Болѣе занимательною и разнообразною становится лѣтопись, когда изображаетъ связи Пскова съ Новгородомъ и съ Москвою. Ни въ одной лѣтописи нѣтъ такихъ прямыхъ и рѣзкихъ отзывовъ о разныхъ лицахъ, какъ въ лѣтописяхъ псковскихъ. Зависимость Пскова отъ Новгорода по дѣламъ гражданскаго управленія тяжела была для перваго. Разбогатѣвъ отъ торговыхъ оборотовъ и промышленности, Псковъ стремился къ независимости и свободѣ, хотѣлъ имѣть самостоятельное управленіе. Это желаніе породило взаимную непріязнь между новгородцами и псковичами, нерѣдко проявлявшуюся въ открытой борьбѣ. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ о псковичахъ, какъ о народѣ безпокойномъ; а псковскій лѣтописецъ повторяетъ это о новгородцахъ и отзывается еще рѣзче, сильнѣе и чаще жалуется, нежели новгородскій: „новгородцы привели себѣ князя изъ Литвы, а все то псковичамъ въ перечину, и вложилъ имъ дьяволъ злыя мысли въ сердце ихъ, любовь держали съ Литвою и съ

нѣмцами, а псковичамъ не помогали ни словомъ ни дѣломъ... Не помогли псковичамъ въ тошныя времена... Псковичи отреклись, по лукавству сердца ихъ“ *). Это нерасположеніе Пскова къ своему старшему брату, по тѣсной связи, обнаружилось въ дѣлахъ Церкви: псковичи и здѣсь хотѣли самостоятельнаго управленія. Лѣтописецъ тщательно отмѣчаетъ срочные пріѣзды новгородскаго архіепископа въ Псковъ и, судя по отношеніямъ къ Новгороду гражданскимъ, мирнымъ или враждебнымъ, говоритъ съ удовольствіемъ о дѣйствіяхъ владыки, или горько жалуется на убытки и протори отъ него и о ссорахъ его съ псковичами; особенно сильно высказывается нерасположеніе, когда митрополитъ отказался посвятить для Пскова особаго архіепископа: „бысть псковичемъ немирье съ владыкою Ѳеоктистомъ и съ новгородци“ **).

Еще рѣзче очерчены отношенія Пскова къ своимъ князьямъ и особенно дѣйствія князей московскихъ, имѣвшихъ цѣлью подавить самостоятельность Новгорода и Пскова. Въ подробностяхъ изображенія и прекрасномъ обстоятельномъ изложеніи хода дѣла встрѣчается много такого о Новгородѣ, чего нѣтъ въ самыхъ новгородскихъ лѣтописяхъ. Сильно жалуется лѣтописецъ на князей своихъ и не охуждаетъ самаго низкаго обращенія псковичей съ ними. Вотъ какъ говоритъ онъ о Ярославѣ: „слалина всякій станъ ему кормъ изъ города съ честію, и онъ злосердый всего того добра не радя псковскаго... съ послѣдняго стану добрыхъ людей, какіе ему возили и его чествовали, 18 человѣкъ поймалъ, связалъ и мучилъ ихъ; былъ князь лютъ до людей; князя иные люди съ степеня спихнули на

*) I пск. 178. 197. 199. 200. 204. 206. 216. 226. 229. 240. 248; II пск. 19. 20. 21. 26. 35.

**) I пск. 183. 186. 191. 202. 208; II пск. 35.

вѣчи“ *). При описаніи дѣйствованія великихъ князей московскихъ въ отношеніи къ Пскову, вполнѣ выразился духъ независимости и свободы. Не сознавая, что поступки великаго князя клонятся къ общей пользѣ отечества и не предвидя ихъ важныхъ слѣдствій, лѣтописецъ смотритъ на великое дѣло устроенія государства, какъ на личный произволъ великаго князя, отнимающаго отъ Пскова права, утвержденныя стариною; сурово говоритъ о князѣ, когда онъ нарушаетъ дорогую для него старину и горько жалуется на его несправедливость и притѣсненія: „было сильно много христіанъ пограблено по дорогамъ и по селамъ и по монастырямъ, и числа края нѣтъ, и владыкѣ и посадникамъ и всему новгороду числа края нѣтъ... Псковъ ни съ какимъ княземъ въ ладу не былъ, но по своей воли жили въ немъ находящіеся люди. Псковъ городъ твердъ стѣнами и людей въ немъ множество; поэтому князь не шелъ на нихъ ратію, боялся, чтобъ не отступили въ Литву, и льстилъ имъ лукавствомъ злымъ... Князь великій Василій Ивановичъ постригъ княгиню свою Соломонію, а Елену взялъ за себя; а все это за наше согрѣшеніе, какъ написалъ апостолъ: иже аще пуститъ жену свою, а оженится иною, прелюбы творитъ“. О Іоаннѣ IV записано: „въ ратехъ и войнахъ ходя свою землю запустошилъ, а послѣди отъ иновѣрца ума изступи и землю хотѣ погубити, аще не бы Господь животъ его прекратилъ... Пришелъ съ великою яростію въ Новгородъ, и не возможно изречь, сколько бѣды учинилъ надъ нимъ: архіепископа Пимена взялъ и въ заточеніе послалъ, св. Софію соборную церковь ограбилъ и забралъ чудотворныя

*) I пск. 222. 253. 255. въ примѣч. подъ лит. е. II пск. 37. 44—6.

иконы корсунскія и казну всю, и монастыри всѣ и церкви пограбилъ, многихъ православныхъ мучилъ различными муками, трупами запрудилъ Волховъ... И захотѣлъ разорить Псковъ и пришелъ съ великою яростію, яко левъ рыкая, хотя растерзать неповинныхъ людей и кровь многую пролить" и т. д. *). Сильно возбуждено въ лѣтописцѣ уваженіе къ мѣстной старинѣ на которой держались довольство и богатство, свобода и независимость Пскова. Поэтому онъ въ высшей степени недоволенъ новымъ гражданскимъ благоустройствомъ и съ жестокою ненавистію отзывается о намѣстникахъ, и образѣ дѣйствія ихъ послѣ уничтоженія самостоятельности Пскова. Съ одной стороны это зависѣло отъ раздраженнаго чувства недовольства, съ другой—дѣйствительныя неправды служителей правосудія, воспользовавшихся беззащитнымъ положеніемъ страны, вызвали энергическій голосъ лѣтописца: „посылалъ князь намѣстниковъ своихъ, кого захочетъ, не по волѣ псковичей; они же насиловали, грабили и продавали ихъ поклепами и судами неправедными... Началъ князь великій деревни давать боярамъ своимъ; велѣлъ сидѣть въ судѣ съ намѣстниками и тіунами, правду стеречь. И у намѣстниковъ, и у тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ и крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, и кривда въ нихъ начала ходить, и началось многое злое въ нихъ; были немилостивы до псковичей, а псковичи бѣдные не знали правды московской... И начали намѣстники надъ псковичами силу великую чинить, а кто намекнетъ на грамату великаго князя, и они того убьютъ; и отъ ихъ налоговъ и насильства многіе разбѣжались по чужимъ городамъ, пометали женъ и дѣтей.

*) I пск. 237. 252. 283. 295. 297. 342. 343.

Иноземцы, жившіе въ Псковѣ разошлись; намѣстники были свирѣпы до христіанъ, какъ львы, и люди ихъ, какъ звѣри дикіе и начали поклепцы добрыхъ людей обвинять, и разбѣжались добрые люди по инымъ городамъ, а игумены честные изъ монастырей бѣжали въ Новгородъ. Иные радъ бы повѣсти злыя писать, добавляетъ лѣтописецъ, но грубъ разумомъ и смысломъ" *). Также чрезвычайно сильно преслѣдуетъ лѣтописецъ псковскій общіе недостатки и пороки, а особенно замѣчаемые въ духонествѣ, выставляетъ ихъ во всей наготѣ и рѣзкости, не щадитъ никого и подвергаетъ суду своему поступки самаго митрополита: „догадался князь Иванъ, что не взять князя Александра и не выгнать ратію, и научилъ митрополита Өеогноста; и послалъ митрополитъ въ Псковъ проклятіе и отлученіе на князя Александра и на весь Псковъ"... „Владыка Іона во Псковъ прислалъ, чтобы ко мнѣ въ великій Новгородъ священницы или діакони вдовые на управленіе ѣхали, и тѣми часы къ нему священницы и діакони вдовіи начаша ѣздити; а онъ у нихъ нача имати мзду, у коего по рублю, у коего полтора, а ихъ всѣхъ безъ востягновенія нача благословляти пѣти" и т. д. „Великій Новгородъ ключника владычня Пимена великимъ избезчествовалъ безчестіемъ, на крѣпости издержавъ, самого измучивъ и казну всю у него разграбили и кончае самаго на 1000 рублевъ продали; и якоже въ причти речеся индѣ: на единомъ мѣстѣ честь не стоитъ, въ мудрости разумныхъ ищетъ, а на гордыхъ и разумныхъ пребыти не можетъ. Невѣгласи, зліи человѣцы, мздоиматели, омразившася многажды, якоже рече дивный въ пророцѣхъ богоотецъ Давыдъ: ядущіи плоти человѣча въ хлѣба

---

*) I пск. 254. 261. 283. 287—8. 304. 306. 309—10.

мѣсто, Господа не призваша; но токмо человѣчи снѣдающе плоти, но ни храмовъ устрашающеся Божіихъ, мятущи св. Божіими церквами, омрачи бо ихъ лукаваго злоба"... И потомъ: „нѣсть лѣпо и сего таити, еже врагъ діаволъ нанесе на св. Божію Церковь крамолу: другіи человѣцы, забывше страхъ вышній, оболкшеся въ безстудство, отрекшеся міра и яже въ мірѣ, и пришедше въ міръ, и начаша воздвигатися и препростую чадь воздымати по міру на самую соборную и апостольскую Церковь, на домъ св. Троица, а міра облеская лживыми словесы, а ркя міру тако: нѣсть въ томъ вамъ никакого грѣха, толко вы отнемъ тую землю и воду отъ дома св. Троица, да имѣ дайте въ монастырь; а то язъ вѣдаю" и т. д. *). Эти мысли, открыто и смѣло высказанныя, достойны особеннаго вниманія церковнаго историка. Онѣ поясняютъ начало и возможность развитія и появленія раскола мнимыхъ старовѣровъ. Псковскія лѣтописи показываютъ, какимъ путемъ могли возникнуть въ средѣ русскаго народа, глубоко преданнаго вѣрѣ и престолу, мысли объ отверженіи власти духовной и гражданской и объ отдѣленіи отъ Церкви. Лѣтопись сообщаетъ данныя, что Псковъ, лишенный самостоятельности, униженный сравнительно съ прежнимъ довольствомъ и богатствомъ, смотрѣлъ на старину какъ на лучшее золотое время. Отсюда выросли и увеличились недовольство и жалобы на всякія нововведенія; стали думать, что пришло послѣднее тягостное время кончины міра. Испытавшій страшныя насилія и притѣсненія, не сознающій своего положенія и необходимости жертвъ для блага государственнаго,—какъ взглянулъ на поступки князя и благоустройство государственное на-

---

*) I пск. 185. 234. 236. 237. 238.

родъ, привязанный къ старой вольности?—На этотъ вопросъ удовлетворительно отвѣчаетъ лѣтопись. Поступки князя и его способъ дѣйствованія представились лѣтописцу антихристіанскими: „пріѣхалъ въ Псковъ князь великій Василій Ивановичь, и обычай псковскій перемѣнилъ и старину нарушилъ, забывъ отца своего и дѣдовъ его слова и жалованья до псковичей и крестное цѣлованье, да уставилъ свои обычаи и пошлины новыя уставилъ... А все писалъ Пскову мягко: язъ деи князь великій Василій Ивановичь васъ отчину свою хочу жаловать по старинѣ, и хочу побывать у св. Троицы, управы вамъ хочу учинити.— А все то за наше согрѣшеніе такъ Богъ повелѣлъ быть. Писано въ Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бѣ пришелъ; шестое бо царство именуетъ въ Руси скиѳскаго острова; си бо именуетъ шестый, и седьмый потомъ еще, а осьмый антихристъ. Вотъ и Христосъ въ св. евангеліи сказалъ: да не будетъ бѣжство ваше зимѣ, ни въ суботу; вотъ и пришла на насъ зима. Сему царству разширятися и злодѣйству умножатися. Охъ, увы! Да насъ Іисусъ Христосъ избавитъ отъ всего зла и вѣчнаго мученія и сподобитъ насъ молитвами св. Богородицы и всѣхъ святыхъ, аминь“... „1547 года князь В. все гонялъ на ямскихъ, а христіанамъ много проторъ и волокиды учинили. Да тойже зимы, февраля 2, князь В. женился и взялъ княгиню Настасью у вдовы Романа Юрьевича, и были вѣнчаны царскими утварями, и захотѣлъ царство устроить на Москвѣ; какъ написано въ Апокалипсисѣ въ главѣ 54: пять бо царевъ минуло, а шестой есмь, но не убо пришло, но се абіе уже настало и приде... По грѣхамъ русской земли возсталъ мятежъ великій и ненависть во всѣхъ людяхъ и междоусобная брань и бѣда великая, и государя на гнѣвъ подвигли и по великой измѣнѣ царь учинилъ опричнину;

и былъ мятежъ по всей землѣ и раздѣленіе. И сбылось Христово слово: возста сынъ на отца и отецъ на сына, и дщи на матерь, и мать на дщерь, и врази человѣку домашніи его. И оттого было запустѣніе великое русской землѣ *). Причину несправедливости князей стали искать въ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ, сближеніе съ которыми считалось въ древнюю пору опаснымъ и вреднымъ для вѣры и нравственности. Лѣтописца, какъ видно, сильно поразило необыкновенное прибытіе Софіи Палеологъ и притомъ изъ Рима, на который смотрѣли весьма подозрительно наши предки. Онъ подробно говоритъ: „а пріѣздъ ея изъ нѣмецъ. И былъ съ ней владыка не по чину нашему облаченъ, на главѣ обвитъ глухо, какъ каптуръ литовскій, и перстатицы на рукахъ имѣлъ непремѣнно, въ нихъ благословлялъ, и распятіе носятъ предъ нимъ, воткнутое на высокомъ древѣ; онъ не поклонялся св. иконамъ и не творилъ на себѣ знаменія креста, только въ дому св. Троицы знаменовался ко Пречистой, и то по повелѣнію царевны" (I пск. 244—5). Еще опредѣленнѣе объясняется поведеніе Іоанна IV постороннимъ вліяніемъ: „прислали къ царю нѣмчина лютаго волхва Елисея, и былъ имъ любимъ, въ приближеніи. И положи на царя страхованіе, и выбѣглецъ отъ невѣрныхъ нахожденія, и конечнѣ былъ отвелъ царя отъ вѣры: на русскихъ людей царю возложи свирѣпство, а къ нѣмцамъ на любовь преложи. Понеже безбожніи узнали своими гаданіи, что было имъ до конца разоренымъ быти, того ради таковаго злаго еретика и прислаша къ нему; и много множества роду боярскаго и княжеска взусти

---

*) I пск. 282. 307. Слова Апокалипсиса взяты изъ 17 гл. 10 и 11 ст. по нынѣшнему дѣленію, а по древнему изъ 54 гл.

убити цареви, послѣди же и самого приведе еще бѣжати въ англинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшіе побити. Того ради иже даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша, да не до конца будетъ русское царство разорено и вѣра христіанская" (I пск. 318. 342). Имѣя самыя неточныя понятія о добрѣ и злѣ, о правотѣ и несправедливости, признавая свое поведеніе чистымъ и правымъ, народъ псковскій грустно и неохотно склонилъ голову предъ силою законной власти, и въ душѣ его затаилось чувство незаслуженной несчастной доли, развилась сильная ненависть къ новоустрояемому порядку и совершенствованію жизни. Понятно, что онъ въ законѣ видѣлъ хитрое орудіе для угнетенія его, а въ исполнителяхъ закона своихъ враговъ, которые пользуются этимъ орудіемъ для личныхъ выгодъ совершенно произвольно. Явилась недовѣрчивость къ судопроизводству и гражданскому управленію. Если прибавить къ этому страшные безпорядки времени междуцарствія, вторженія иновѣрцевъ, поведеніе Бориса Годунова и появленія Лжедимитрія, который прямо называется предтечею антихриста, то понятнымъ станетъ укорененіе раскольническихъ мнѣній. Понятна и жалоба лѣтописца, разсказывающаго о событіяхъ въ правленіе Шуйскаго: „съ тѣхъ мѣстъ померче всякая добродѣтель, и вся злая покрыша землю русскую, и церквамъ и монастыремъ и градомъ и всему Христіанскому потребленіе всюду несказанно; всякимъ паденіемъ отъ мнящихся вѣрныхъ, а злѣе невѣрныхъ сотворшихъ" *).

Раздоры съ новгородскимъ владыкою и церковное безначаліе въ Псковѣ побудили псковичей присвоить народному вѣчу право суда и наказанія духовенства. Отъ этого

*) I пск. 321—2. 325. 326; II пск. отъ 55 до 73 стр.

духовенство утратило свое высокое положеніе и значеніе въ обществѣ и унизилось въ мнѣніи народа; всѣ его недостатки сдѣлались гласными. Вотъ какое замѣчательное извѣстіе передалъ лѣтописецъ: „псковичи срубили съ десяти сохъ человѣкъ конный, да и со священниковъ и со діаконовъ почали рубити; и священники нашли въ правилѣхъ св. отецъ въ манакунунѣ, что написано, яко не подобаетъ съ церковной земли рубитися; и посадники со псковичи учали сильно дѣяти надъ священники, и лазили многажды на сѣни и въ вѣчьи, и опять въ вѣчье влѣзли и хотѣли поповъ кнутомъ избезчествовати, Ивана священника рождественскаго и Андрея, и въ однихъ рубахахъ стояли на вѣчѣ, и иныхъ всѣхъ поповъ и діаконовъ изсоромотиша" (I пск. 269). Такимъ образомъ, смотря на недостатки духовенства, безъ понманія его истиннаго назначенія, не умѣя примирить ихъ съ идеею высокихъ качествъ въ священномъ лицѣ и смѣшивая исключительные недостатки частныхъ лицъ съ общимъ церковнымъ правленіемъ,—народъ пришелъ къ мысли о разрушеніи на земли церковнаго порядка и вздумалъ отрѣшиться отъ всякой власти іерархической. Особенно поведеніе духовенства во время междуцарствія, рѣзко очерченное лѣтописцемъ, укрѣпляло народъ въ мысли о кончинѣ міра: „сія вся видѣвше, братіе, знаменія и скорби и бѣды, по реченному Господомъ нашимъ Іесусъ Христомъ, яко симъ всѣмъ подобаетъ быти и яко пришествіе его на землю уже приближися судите всѣмъ" (II пск. 56—7).

Надобно однакожъ отдать честь псковскому лѣтописцу, не смотря на раздражительность и пристрастіе къ своему отечественному городу и его старымъ правамъ, онъ безъ боязни прямо высказываетъ недостатки общества и возстаетъ противъ всякаго уклоненія отъ закона и правды. Онъ не щадитъ никого и ничего не скрываетъ, что знаетъ,

не стѣсняясь никакими опасеніями. Онъ до такой степени правдивъ, прямъ и рѣзко-откровененъ, что самъ ожидаетъ встрѣтить недовѣріе къ своимъ разсказамъ въ людяхъ, привыкшихъ къ старымъ ходячимъ мнѣніямъ. Поэтому онъ иногда доказываетъ, что дѣйствительно было такъ, а не иначе, приводитъ тутъ же законъ церковный, сопоставляетъ рядомъ отступленіе отъ него въ жизни. Онъ не прибѣгаетъ къ общимъ отговоркамъ и не терпитъ уклоненій отъ предмета щекотливаго. Не смотря на недостатки, простодушные разказы псковскаго лѣтописца дорого долженъ оцѣнить безпристрастный историкъ. Простодушіе, кажется, и привело его къ излишней довѣрчивости народной молвѣ. Въ лѣтопись псковскую вошло много суевѣрныхъ разсказовъ, особенно у позднято продолжателя ея. Вѣроятно, видѣвшій и испытавшій въ жизни много несчастныхъ обстоятельствъ, лѣтописецъ отъ души вѣритъ, что всѣ явленія природы, выходящія изъ ряда ежедневныхъ, предвѣщаютъ одно только зло *).

О лѣтописныхъ сборникахъ.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ предки наши частные отдѣлы русской письменности начали сносить въ одно общее собраніе. Списки отдѣльныхъ священныхъ книгъ явились въ собраніи полной библіи; житія святыхъ собраны въ четь-минею; изъ поученій отца къ сыну составился „Домострой“; „Просвѣтитель“ Іосифа волоколамскаго есть сборникъ догматическаго ученія отцевъ Церкви, разсѣяннаго по разнымъ старымъ книгамъ; граматы заключены

*) I пск. 190. 196. 322. 333.

въ судебники и пр. Тоже явленіе произошло и въ лѣтописяхъ: содержаніемъ мѣстныхъ лѣтописей стали наполняться лѣтописные сборники. Собирая мѣстныя лѣтописи въ одно цѣлое, составитель по своему взгляду и соображенію естественно долженъ былъ помѣщать въ нихъ то, что считалъ особенно важнымъ и пропускать казавшееся ненужнымъ. Выбирая событія изъ древнихъ лѣтописей, онъ обращалъ особенное вниманіе на событія нужныя и занимательныя для своего времени, нравившіяся тому кругу, къ которому принадлежалъ самъ, и помѣщалъ главнымъ образомъ событія значительныя,—судя по современному взгляду. Оттого при чтеніи древнихъ извѣстій, переиначенныхъ въ позднихъ сборникахъ, иногда скорѣе можно познакомиться съ современностью составителя сборника, чѣмъ съ древнею жизнію. Говоря часто о происшествіяхъ, далекихъ отъ своего времени и непонятныхъ во многомъ,—составитель сборника могъ дѣлать недосмотры и толковать событія по-своему, придавать имъ новый смыслъ, новое значеніе. Не бывъ ни свидѣтелемъ, ни ближайшимъ участникомъ живыхъ преданій, онъ имѣлъ дѣло съ готовымъ матеріаломъ и мертвыми фактами;—часто пользуясь отдаленнымъ преданіемъ, перешедшимъ черезъ нѣсколько поколѣній, и утратившимъ первоначальный смыслъ,—составитель сборника судилъ о немъ по своему времени. Поэтому разсказъ его терялъ часть достовѣрности и подлинности первобытнаго разсказа. Не понимая внутренняго быта мѣстнаго народонаселенія, многихъ формъ и понятій древней жизни, чуждый интересовъ его, незнакомый съ духомъ времени,—онъ, при всемъ своемъ стараніи передать вѣрно черты подлинника, передѣлывалъ часто разсказъ, путался въ значеніяхъ древнихъ особенностей жизни, ему незнакомыхъ, ненамѣренно искажалъ и подводилъ подъ современный

взглядъ, и такимъ образомъ сглаживались подъ перомъ поздняго лѣтописца характеристическія черты. Имѣя подъ руками различныя извѣстія объ однихъ и тѣхъ же происшествіяхъ, теряясь въ разнообразіи взглядовъ, иногда противорѣчивыхъ,—поздніе составители сборниковъ, особенно не вникавшіе въ сущность дѣла, нерѣдко заносили на свои страницы эти разнорѣчія и повторяли разные разсказы объ одномъ и томъ же дѣлѣ. Не имѣя ближайшаго участія и сочувствія къ дѣлу, не находя живаго интереса въ передаваемыхъ событіяхъ, они опускали иногда самыя дорогія и характеристическія извѣстія времени и черты мѣстности; говорили о нихъ холодно; когда и желали, по примѣру древняго лѣтописца, распространиться въ изліяніи своихъ чувствъ и въ поучительныхъ наставленіяхъ по поводу излагаемаго событія,—разсказъ ихъ выходилъ большею частію чуждъ дѣйствительной жизни, полной отвлеченности, сухой и натянутый.

Желая быть понятнымъ, составитель позднѣйшаго сборника писалъ языкомъ своего времени, поправлялъ языкъ мѣстныхъ лѣтописей и сглаживалъ характеристическія образныя выраженія первобытныхъ источниковъ, въ которыхъ отразились особенности внутренняго быта и воззрѣнія племени. Для изслѣдователя старины въ этомъ отношеніи сборники теряютъ много значенія, потому что не даютъ ясныхъ указаній и не знакомятъ съ духомъ времени. Позднѣйшіе собиратели лѣтописныхъ извѣстій даже большею частію старались подражать древнимъ; но не могли отпечатлѣть въ своихъ подражаніяхъ древняго характера жизни. Въ древнихъ лѣтописяхъ господствуетъ по преимуществу нарѣчіе народное, мѣстное или племенное. Позднѣйшіе составители сборниковъ принимали его за языкъ книжный и излагали на немъ свои разсказы. Поэтому въ позднихъ лѣтописяхъ языкъ отличается безжизненностью и вялостью.

Въ нихъ замѣтны поддѣльная важность и торжественность, обиліе изрѣченій св. Писанія, совершенно не идущихъ къ дѣлу, частыя сравненія описываемыхъ лицъ и событій съ примѣрами изъ библейской и церковной исторіи безъ всякаго соотношенія и связи между ними, подобія, не имѣющія никакихъ общихъ чертъ, желаніе украсить рѣчь свою отборными фразами, которыя не выражаютъ надлежащимъ образомъ того, что хочетъ сказать составитель сборника, натянутая многорѣчивость и намѣренный подборъ громкихъ и торжественныхъ словъ, которыя ничего не объясняютъ, и лишь служатъ лишнимъ бременемъ для рѣчи, лишаютъ ее свободнаго теченія, легкости, сжатости, силы и простоты древняго лѣтописца.

Тѣмъ не менѣе позднѣйшіе лѣтописные сборники, хотя и не заключаютъ въ себѣ такой достовѣрности и важности для церковнаго историка, какъ древнія лѣтописи, имѣютъ однакоже большое значеніе и въ нѣкоторомъ отношеніи даже преимущество предъ мѣстными лѣтописями. Въ нихъ находится много извѣстій изъ древнихъ лѣтописей, которыя въ спискахъ этихъ лѣтописей утратились, сохранилось довольно важныхъ памятниковъ древней жизни и литературы. Обнимая собою происшествія разныхъ княжествъ, они отличаются большимъ разнообразіемъ и обширностію содержанія. Взглядъ мѣстнаго лѣтописца на исторію своей отчизны, большею частію пристрастный и близорукій,—въ сборникахъ замѣняется взглядомъ общимъ, нерѣдко болѣе близкимъ къ истинѣ. Особенно дорого для историка то, что онъ можетъ изучить по сборникамъ, какъ смотрѣли въ позднее время на минувшую жизнь предковъ, какъ понимали и толковали древнія событія, какіе слѣды оставили предки въ жизни потомства.

Четыре лѣтописныхъ сборника находятся въ VI томахъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей. **Четвертая нов-**

городская лѣтопись составлена изъ различныхъ мѣстныхъ лѣтописей и содержитъ извѣстія о событіяхъ новгородскихъ, московскихъ, псковскихъ, литовскихъ и пр. Собиратель имѣлъ подъ руками множество лѣтописныхъ памятниковъ и въ числѣ ихъ даже южно-и-западно-русскіе. Обиліе матеріаловъ очевидно путало его, и онъ повторялъ однѣ и тѣ же извѣстія подъ разными годами, не зная разности лѣтосчисленія, а иныя помѣщалъ подъ однимъ годомъ, какъ находились онѣ въ подлинникахъ. Въ этомъ сборникѣ почти нѣтъ свѣдѣній, не встрѣчающихся въ другихъ временникахъ. Есть извѣстія лишнія, незначительныя; но есть болѣе обстоятельное изложеніе и разъясненіе дѣла, сравнительно съ лѣтописями мѣстными. При такомъ способѣ выбора матеріаловъ, у лѣтописца нѣтъ опредѣленнаго взгляда; онъ заносилъ вмѣстѣ съ извѣстіями различныя мнѣнія и взгляды подлинниковъ. Поэтому, при чтеніи сборника, то слышенъ голосъ въ защиту великаго князя московскаго, то въ пользу Новгорода или Пскова *).

Первая софійская лѣтопись начинается текстомъ временника преподобнаго Нестора. Онъ изложенъ въ ней также полно и послѣдовательно, какъ въ спискѣ лаврентьевскомъ, хотя нѣкоторыя извѣстія въ немъ распространены, другія сокращены. Въ немъ встрѣчается больше краткихъ выписокъ изъ византійскихъ хроникъ. За текстомъ Нестора повѣтствуется большею частію о событіяхъ новгородскихъ, а съ XIV вѣка описываются подробно происшествія московскаго и другихъ русскихъ княжествъ. Здѣсь только начинаютъ являться изображенія нѣкоторыхъ особыхъ событій, не встрѣчающихся въ другихъ лѣтописяхъ.

Вторая софійская лѣтопись начинается съ пос-

---

*) Напримѣръ стр. 51. 52. 60. 144. 150. 154.

лѣднихъ лѣтъ XIV вѣка. Она представляетъ самый полный и обильный матеріалъ для церковной исторіи XV и XVI вѣковъ. Въ ней излагаются весьма подробно и обстоятельно происшествія московскаго княжества, борьба его съ татарами казанскими, крымскими и др., борьба великаго князя съ Шемякою, въ которой принимало дѣятельное участіе духовенство; помѣщены извѣстія о дѣлахъ русской Церкви, извлеченныя изъ лѣтописей, не дошедшихъ до настоящаго времени. Кромѣ того, въ ней много заключается отдѣльныхъ статей церковно-историческаго содержанія, напримѣръ описаніе флорентінскаго собора, посланіе Вассіана къ Іоанну III на Угру, духовное завѣщаніе митрополита Фотія, сказанія о житіи и чудодѣяніяхъ русскихъ святыхъ мужей. Эта лѣтопись имѣетъ опредѣленный взглядъ москвитянина, держитъ сторону великаго князя и вооружается на всѣхъ его противниковъ, внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и пополняетъ свѣдѣнія объ отношеніяхъ Москвы къ Новгороду и Пскову, которыя у мѣстныхъ лѣтописцевъ представлены неточно и односторонно. Въ отрывкѣ русскаго лѣтописца, приложенномъ къ софійской лѣтописи, сказано много новаго о новгородскихъ дѣлахъ, что не вошло ни въ одну изъ новгородскихъ лѣтописей. Впрочемъ и въ лѣтописи софійской многое описано весьма пристрастно и даже недобросовѣстно, особенно о дѣйствіяхъ, болѣзни и смерти Василія Ивановича. Напримѣръ, лѣтописецъ говоритъ, что первая его супруга постриглась въ монахини, по болѣзни (264. 267—276). Разсказъ лѣтописный вообще чрезвычайно растянутъ и отличается многословіемъ *).

*) См. напр. 247. 262. 286. 289. 299. 301.

Густинская лѣтопись, напечатанная въ видѣ „прибавленія къ ипатьевской лѣтописи“, представляетъ особенный видъ лѣтописныхъ сборниковъ. Составитель ея пользовался, кромѣ русскихъ временниковъ, хрониками польскими, какъ то: Кромера, Бѣльскаго, Длугоша, Стрійковскаго и другихъ. Въ густинскомъ сборникѣ сначала помѣщена въ позднѣйшей передѣлкѣ лѣтопись Нестора, потомъ излагаются событія по ипатьевскому списку въ сокращеніи, а съ XIV вѣка слѣдуютъ большею частію выписки изъ иностранныхъ временниковъ. Церковный историкъ найдетъ въ этой лѣтописи дополненіе недостаточныхъ свѣдѣній о событіяхъ западной Руси и Литвы и поясненіе состоянія западно-русской Церкви, ослабленной раздѣленіемъ митрополіи и распространеніемъ уніи.

Съ теченіемъ времени древняя русская историческая письменность теряетъ болѣе и болѣе свой первоначальный лѣтописный характеръ. Внѣшнее собраніе и безсвязное соединеніе матеріаловъ въ сборникахъ начинаетъ замѣняться болѣе внутреннимъ порядкомъ и систематическимъ изложеніемъ событій. Первою попыткою въ этомъ родѣ была степенная книга. Составитель повѣсти о князѣ Владимірѣ, помѣщенной въ ней говоритъ: „и преже сего обрѣтаеми суть многія повѣсти, глаголемыя и пишемыя, и похвалами достойно украшены, но обаче не во единомъ мѣстѣ, но на многи части особь каяждо: ова въ лѣтописаніихъ, иная же индѣ, прочая же вкратцѣ писана въ житіи его, многая же и въ похвалѣ его. И отъ всѣхъ сихъ, яко отъ многоразличныхъ цвѣтецъ хотящу собратися во едину словесную пленицу“ *). Эти слова можно

*) Книга *Степенн.* по изд. Миллера 1775 г. 1, 76.

приложить къ содержанію всей вообще „Степенной книги". Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ систематическому изложенію начинаетъ отдѣляться болѣе и болѣе церковно-историческое содержаніе отъ содержанія гражданской исторіи. Уже составители „Степенной книги" обращали особенное вниманіе на лица и событія, имѣющія ближайшее соотношеніе съ Церковію; они подробно описывали житія лицъ, прославившихся праведною жизнію, или мученическою кончиною, чудеса, совершенныя ими при жизни, или бывшія отъ ихъ нетлѣнныхъ мощей, разныя монастырскія происшествія, и т. д. Въ „Степенной книгѣ" поименованы всѣ митрополиты, и житія нѣкоторыхъ изъ нихъ описаны подробно. Наконецъ первый возможно-полный въ то время систематическій опытъ церковной исторіи представляетъ исторія іерархіи Захарія Копистенскаго, составленная въ 1626 году. Но и съ этого опыта еще несовсѣмъ сгладились слѣды лѣтописнаго характера. Въ немъ сочинитель занимается преимущественно церковно-историческимъ содержаніемъ внѣшнимъ, слѣдитъ церковно-богослужебную сторону Христіанства *).

*) Это сочиненіе извѣстно подъ именемъ *Полинодіи*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

